

**УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВА КБР И КБНЦ РАН**

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

*Сборник статей
к 70-летию Ж.М. Гужеева*

Нальчик 2010

УДК – 811.512.142

ББК – 81.2

А – 43

Ответственный редактор

А.К. Аппоев

А – 43 Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии: Сборник статей к 70-летию Ж.М. Гузеева. Нальчик: 2010. – 208с.

Данный сборник посвящен 70-летию со дня рождения известного тюрколога доктора филологических наук, профессора Жамала Магомедовича Гузеева. Издание включает научные статьи, в которых рассматриваются актуальные проблемы карачаево-балкарской филологии. Материал, представленный в сборнике, адресован широкому кругу филологов – научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, учителям средних школ, студентам.

Материалы сборника публикуются в полном соответствии с авторскими оригиналами.



Аппоев Алим К.

ВЕДУЩИЙ ТЮРКОЛОГ И ПЕДАГОГ
(к 70-летию Ж.М. Гузеева)

25 ноября исполняется 70 лет ведущему карачаево-балкароведу, известному тюркологу, доктору филологических наук, профессору, заведующему отделом балкарской филологии Учреждения Российской Академии наук Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН Жамалу Магомедовичу Гузееву.

Он родился в 1940 году в с.Верхняя Жемтала. В 1959 году закончил интернат при Жемталинской средней школе для детей балкарцев, вернувшихся из ссылки. После окончания школы поступает на отделение русского языка и литературы и балкарского языка и литературы историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета. Успешно окончив его, направляется в школу родного села, где в 1964-1970 годы работает завучем и учителем русского языка и литературы.

Интерес Ж.М. Гузеева к особенностям русской речи балкарцев и карачаевцев, заложенный в годы учебы в университете, еще больше усиливается при обучении балкарских детей русскому языку. Анализируя магнитофонные записи устной русской речи учащихся, а также их изложения и сочинения, учитель выявляет в них отклонения от нормы и системы русского языка под влиянием родного. Его всецело занимают вопросы, связанные с устранением балкарского акцента в речи учащихся, совершенствования их произношения.

В 1970 году, успешно сдав вступительные экзамены, Жамал Магомедович поступает в очную аспирантуру Киргизского госуниверситета на кафедру русского языка. В 1972 году успешно защищает диссертацию по лингвистическим

проблемам обучения русскому произношению учащихся балкарцев и карачаевцев и становится первым кандидатом наук среди балкарцев и карачаевцев по специальности "Русский язык".

Однако, из-за отсутствия вакансий по данной специальности в Кабардино-Балкарском государственном университете, ему приходится устроиться младшим научным сотрудником сектора балкарского языка в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. В то время в институте началась работа по сбору материала для составления трехтомного толкового словаря карачаево-балкарского языка. Ж.М. Гузеев активно включается в эту работу, быстро усваивает теоретические принципы составления толкового словаря. Специалисты карачаево-балкарского и кабардино-черкесского языков, работающие в институте, и руководство учреждения замечают эрудицию молодого ученого по теории лексикографии.

В 1973 году он становится старшим научным сотрудником, а через год избирается заведующим сектором. В этой должности ученый проработал около 16 лет. Все это время, составляя словарные статьи, редактируя рукописи томов словаря, руководя работой сектора, Ж.М. Гузеев изучал принципы составления толковых словарей славянских, финоугорских, романо-германских, кавказско-иберийских и других языков с целью разработки теоретических основ толковых словарей тюркских языков. Он опубликовал свыше 20 статей и 2 монографий ("Проблематика словника толковых словарей тюркских языков" (1984 г.), "Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков" (1985 г.), которые легли в основу его докторской диссертации "Теоретические основы составления толковых словарей тюркских языков", защита, которой состоялась в 1987 году в Институте языкознания АН СССР. Крупные лингвисты - академик АН СССР Б.А. Серебрянников, члены-корреспонденты АН СССР А.М. Щербаков, К.М. Мусаев, Э.Р. Тенишев, профессора Н.А. Баскаков, З.Г. Ураксин и другие дали

высокую оценку исследованию Ж.М. Гузеева, посчитав его новым направлением в теории тюркской лексикографии.

Еще со времен работы в школе Ж.М. Гузеева волновали теоретические проблемы орфографии родного языка. Несмотря на то, что правила орфографии балкарского языка, пересматривались и неоднократно переиздавались (в 1960, 1964, 1970 годах), многие слова продолжали писаться по-старому, двояко заимствованные слова и собственные имена не имели четких правил правописания. Это затрудняло преподавание родного языка. Необходимо было не только декларировать то или иное написание слов, но разработать теоретические принципы орфографии. Этим и занимался вплотную Ж.М. Гузеев в свободное от плановой работы время. Им опубликован ряд проблемных статей по теории орфографии родного языка в журнале "Советская тюркология", а в 1980 году - монография "Основы карачаево-балкарской орфографии». На базе этого труда Жамалом Магомедовичем составлены унифицированные правила балкарской орфографии, которые используются с 1991 года.

В 1989 году по просьбе руководства Кабардино-Балкарского государственного университета Ж.М. Гузеев был переведен в университет доцентом кафедры балкарского языка и литературы, а через месяц избран ее профессором.

Ж.М. Гузеев впервые создал учебник для студентов Кабардино-Балкарского государственного университета "Современный балкарский литературный язык". Часть 1. (1998 г.).

Круг научных интересов Ж.М. Гузеева широк: фонетика, фонология, лексикология, теория орфографии, морфемика и морфонология, словообразование, история, диалектология карачаево-балкарского языка, фонология, лексикография, словообразование тюркских языков, сопоставительная фонетика русского и родного языков, лингвистические основы обучения русской орфоэпии в карачаево-балкарских школах. По всем этим разделам языкознания им изданы монографии.

Им впервые в тюркологии разработаны актуальные вопросы тюркского языкознания: теоретические основы толковых словарей тюркских языков (Проблематика словника толковых словарей тюркских языков (1984), Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков (1985), семантическое словопроизводство (Семантический способ словообразования в тюркских языках (2009), а в карачаево-балкарском языкознании – фонетика (Карачаево-балкарская фонетика (2009), морфемика, морфонология (Современный карачаево-балкарский литературный язык. Словообразование, морфемика, морфонология (на карач.-балк. яз.) (2006). Его монографии по данным и другим проблемам являются оригинальными в тюркологии.

Проекты Гузеева Ж.М. «Семантический способ словообразования в тюркских языках» (2008) и «Актуальные проблемы карачаево-балкарской фонологии» (2010) поддержаны Российским гуманитарным научным фондом.

Гузеев Ж.М. принимает активное участие в работе международных, всероссийских и региональных научных конференций по проблемам тюркского и сопоставительного языкознания.

Ученый часто выступает оппонентом при защите кандидатских и докторских диссертаций по кумыкскому, ногайскому, киргизскому, азербайджанскому, крымско-татарскому и другим тюркским языкам.

Гузеев Ж.М. – главный редактор «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» (1996, 2002, 2005), редактор более 20 монографий и научных сборников, член редколлегии журнала «Вопросы тюркологии», «Вестника Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН» и трех сборников.

В 2008 году по просьбе руководства Института гуманитарных исследований Ж.М. Гузеев был переведен в Институт заведующим отделом балкарской филологии.

Под руководством Ж.М. Гузеева завершено коллективное исследование «Современный карачаево-балкарский язык» в трех частях.

Он высококвалифицированный специалист, успешно сочетающий научную и педагогическую деятельность: руководитель и соавтор новых «Концепции преподавания балкарского языка в средней школе» (2008), «Государственного образовательного стандарта по балкарскому языку» (2008); читает лекции в Кабардино-Балкарском государственном университете по курсам «История карачаево-балкарского языка», «Карачаево-балкарская диалектология», «Морфонология тюркских языков».

Говоря о разносторонней, многоаспектной деятельности Жамала Магомедовича, следует отметить одну её составляющую: он подготовил 12 кандидатов и трех докторов наук по современному русскому языку, тюркской семантологии, лексикологии и тюркско-русскому, тюркско-английскому сопоставительному языкознанию; руководит четырьмя аспирантами, двумя докторантами и тремя соискателями; руководил Учебно-методическим советом по карачаево-балкарской филологии при Министерстве образования и науки КБР (1984-2007); член диссертационного совета Кабардино-Балкарского государственного университета по защите докторских диссертаций. Он опубликовал 3 вузовских и 3 школьных учебника, 22 учебных пособия для вузов и школ КБР и КЧР, 3 школьных словаря, полный словарь омонимов.

Ж.М. Гузеев - автор более 200 научных трудов, в том числе 15 монографий. Около трети этих трудов опубликовано в центральных изданиях и посвящено общетюркологическим проблемам. Он награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР, Почетной грамотой Кабардино-Балкарского обкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, является заслуженным деятелем науки КБР, академиком Международной Тюркской академии, членом Российского комитета тюркологов, входит в состав 250 ведущих тюркологов и монголоведов мира, известен среди отечественных и зарубежных лингвистов исследованиями по актуальным проблемам карачаево-балкарского, общетюркского и сопоставительного языкознания.

Жамал Магомедович отличается требовательностью и

принципиальностью, в то же время он очень прост и доброжелателен, всегда готов помочь студенту, аспиранту, молодому ученому - каждому интересующемуся вопросами карачаево-балкарской лингвистики. За это и любят его студенты, ученики и коллеги.

С ним легко и интересно работать, он открыт и демократичен, толерантен. Это привлекает к нему самых разных по своему социальному статусу и мировосприятию людей, притягивает студентов, аспирантов, соискателей, докторантов. Невозможно представить Жамала Магомедовича вне его работы, которая является основным компонентом его жизни.

Коллеги и ученики Жамала Магомедовича Гузеева поздравляют его с 70-летним юбилеем и желают ему, видному тюркологу, доброго здоровья, долгих лет жизни и дальнейшей успешной работы.

Толгуров З.Т.

ПУТЬ В БОЛЬШУЮ НАУКУ

На небосклоне тюркского языкознания свет звезды Ж.М. Гузеева – один из самых ярких. Звезда его дала о себе знать еще в 1960-х гг., когда он защитил кандидатскую диссертацию по русскому языку, что свидетельствует о его высокой порядочности как преподавателя русского языка и молодого ученого. С тех пор Ж.М. Гузеев неустанно работает над актуальными проблемами карачаево-балкарского языка, поднимая национальное языкознание на новые высоты.

Путь Ж.М. Гузеева в большую науку ровен и счастлив, ибо он шел по ней, понимая свое предназначение и природный дар исследователя: не случайно, он будучи отличником учебы в вузе, активно обращался к таким темам балкарского языка, которые оставались вне поля зрения исследователя.

В качестве докладчика на студенческих конференциях он выступал активно, заслуживая высокую оценку со стороны членов жюри и вузовских преподавателей. Не потому ли Ж.М.

Гузеев в 1970г. поступил в аспирантуру Киргизского госуниверситета, через два года защитил кандидатскую диссертацию по теме «Лингвистические основы обучения русскому произношению карачаевцев и балкарцев». Талант молодого ученого был признан интеллигенцией Кабардино-Балкарской республики. Руководство КБИГИ также обратило на него внимание и пригласило в сектор балкарского языка данного научного учреждения.

В 1972-1989гг. работал сначала младшим (1972), затем старшим (1973) научным сотрудником, с 1974г. заведующим сектором балкарского языка КБНИИ; В 1987г. защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретические основы составления толковых словарей тюркских языков»; в 1990-2008гг. – профессор кафедры балкарского языка и литературы КБГУ; с августа 2008г. работает заведующим отделом балкарской филологии Учреждения Российской академии наук Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН.

Гузеев Жамал Магомедович – заслуженный деятель науки КБР, академик Международной тюркской академии, член Российского комитета тюркологов, входит в состав 250 ведущих тюркологов и монголоведов мира, известен среди отечественных и зарубежных лингвистов исследованиями по актуальным проблемам карачаево-балкарского, общетюркского и сопоставительного языкознания. Круг научных интересов Ж.М. Гузеева широк: фонетика, фонология, лексикология, теория орфографии, морфемика и морфонология, словообразование, история, диалектология карачаево-балкарского языка, лексикография, словообразование тюркских языков, сопоставительная фонетика русского и родного языков, лингвистические основы обучения русской орфоэпии в карачаево-балкарских школах. Он автор более 200 научных трудов, в т.ч. 12 монографий, полного словаря омонимов, соавтор полного орфографического словаря карачаево-балкарского языка, создал научную школу, специализирующуюся на комплексном исследовании

лексической и словообразовательной семантики тюркских языков. Монографии его по данным и другим проблемам («Сопоставительная фонетика русского и карачаево-балкарского языков» (1976), «Проблематика словника толковых словарей тюркских языков» (1984), «Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков» (1985), «Семантический способ словообразования в тюркских языках» (2009), «Карачаево-балкарская фонетика» (2009) в карачаево-балкарском языкознании – фонетика (Карачаево-балкарская фонетика (2009) являются серьезным вкладом в тюркологию, определяющим его уровень в тюркологии. Проекты Гузеева Ж.М. «Семантический способ словообразования в тюркских языках» (2008) и «Актуальные проблемы карачаево-балкарской фонологии» (2010) поддержаны Российским гуманитарным научным фондом. Он принимает самое активное участие в работе международных, всероссийских и региональных научных конференций по проблемам тюркского и сопоставительного языкознания.

Под руководством Ж.М. Гузеева завершено коллективное исследование «Современный карачаево-балкарский язык» в трех частях. Он же главный редактор ТСКБЯ, редактор более 20 монографий и научных сборников, член редколлегии журнала «Вопросы тюркологии», «Вестника Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН» и трех сборников. Гузеев Ж.М., как отмечено выше, высококвалифицированный специалист, успешно сочетающий научную и педагогическую деятельность: руководитель и соавтор новых «Концепции преподавания балкарского языка в средней школе» (2008), «Государственного образовательного стандарта по балкарскому языку» (2008); читает лекции в КБГУ по курсам «История карачаево-балкарского языка», «Карачаево-балкарская диалектология», «Морфонология тюркских языков»; подготовил 12 кандидатов и трех докторов наук по современному балкарскому языку, тюркской семантологии, лексикологии и тюркско-русскому, тюркско-английскому сопоставительному языкознанию. В

настоящее время руководит четырьмя аспирантами, двумя докторантами и тремя соискателями; руководил Учебно-методическим советом по карачаево-балкарской филологии при Министерстве образования и науки КБР (1984-2007) до его аннулирования; член спецсовета КБГУ по защите кандидатских и докторских диссертаций. Он автор 3 вузовских и 3 школьных учебников, 22 учебных пособий для вузов и школ КБР и КЧР, 3 школьных словарей.

Многократно поощрялся грамотами и премиями от дирекции КБИГИ, Почетной грамотой Президиума Верховного совета КБАССР, Почетной грамотой Кабардино-Балкарского обкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

Гузеев Ж.М. в своей творческой деятельности никогда не ограничивал себя проблемами языкознания. Он всегда живо интересовался и интересуется культурной жизнью республики. Как один из самых активных читателей балкарской литературы, обстоятельно знает историю ее развития, грамотно определяет место каждого писателя и поэта в литературном процессе, живо интересуясь, выступает с интересными статьями о их творческих поисках. В частности читателю широко известны его публикации об особенностях языка литературных произведений. Вместе с вышеизложенным Ж.М. Гузеева следовало бы характеризовать как поэта. Ведь в этом качестве он был широко известен читателю. В изданных двух поэтических сборниках сочетаются произведения различных жанровых форм – басня, сатира, юмор, элегия, дружеские обращения коллегам и т.д. Однако широкое признание, которое пришло к Ж.М. Гузееву как к тюркологу, несколько отодвинуло его поэтическое призвание. Тем не менее специалистами по литературе он воспринимается и ярким представителем словесного искусства и широко образованным, талантливым человеком.

Аппоев
Асхат К.

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ ПАРЕМИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ УСЛОЖНЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Среди паремических высказываний широко распространены полипредикативные сложносочиненные конструкции, которые представлены в паремическом фонде различными моделями. Они вызывают особый интерес «с точки зрения структурно-семантических закономерностей комбинаций предикативных частей в синтаксическом целом» (Балова 1999: 172). Такие конструкции на материале карачаево-балкарского языка практически не исследованы, тем более на материале паремий. Ниже попробуем подвергнуть их структурно-семантическому анализу.

Ср. конструкцию Ачыу – душман, акъыл – дос, акъылынга акъыл къош «Гнев – враг, ум – друг, к своему уму добавь ум». Данное высказывание состоит из трех простых предложений, которые объединены между собой без формальных показателей связи. В нем вторая часть сопоставляется с первой, при этом для сопоставления присущ противительный оттенок. Третья же часть вступает по отношению к первым двум вместе в присоединительные отношения, поскольку выражает сведение, мало связанное с содержанием других компонентов.

Высказывание Осал тенгинг ауана кибикди: кюн тийгенде – къатынгдан кетмез, кюн батханда – тапмазса «Плохой товарищ словно тень: когда солнце светит, от тебя не отойдет, когда солнце зайдет – не найдешь» также содержит формальных маркеров связи. Оно состоит из двух частей. Вторая часть в нем поясняет предыдущую. Между простыми же предложениями, входящими во вторую часть, устанавливаются сопоставительные отношения.

В ряде случаев первая часть в поликомпонентных сложносочиненных предложениях поясняется за счет компонентов, связанных между собой посредством разделительного союза не...не «или...или» и выражающих распределительные отношения: Ушакъ деген – сабыр от: не

жылытыр, не жарытыр «Беседа – это медленный огонь: или согреет, или озарит».

Конструкции типа Акъыллыдан тели зауукъ, кеси айтыр да, кеси кюлюр «Дурак счастливей умного, сам скажет, и сам будет смеяться» также похожи на предыдущие, но в них во второй части актуализируется последовательно-временное перечисление.

Для паремического высказывания Бёркню эте билмей, ёре этди, эл а, аны кёрдю да, тёре этди «Не зная, как сшить шапку, сделал высокой, а село увидело это и превратил в обычай» также характерны комбинаторные отношения. Если между первой и второй частями имеются сопоставительные отношения, то внутри второй части актуализируются причинно-следственные отношения. В данной конструкции в качестве средств связи выступают противительный союз а и соединительный союз да «и».

Рассмотрим высказывание Артыкъ жумушакъ болма – бюгерле, артыкъ къаты болма – сындырырла «Не будь слишком мягким – согнут, не будь слишком твердым – сломают». Оно двухкомпонентно и характеризуется бессоюзием. Однако каждый компонент состоит из двух простых предложений, между которыми наличествуют условно-следственные отношения. Причем здесь можно говорить об элиминированном союзе ансы «а то».

Специфична и конструкция Бири быттыр, бири хуттур, бирин ал да, бирине тутдур «Один хуже, другой еще хуже, одного возьми и другому вручи». Она состоит из четырех простых предложений. Наряду с бессоюзием в ней отмечена и союзная связь. Имеет место как перечисление, так и причинно-следственная связь.

Ср. высказывание Элипни билди да, кесин иймам этди, ламны билди да, элге тырман этди «Узнал элип и сделал себя имамом, узнал лам и упрекнул село». Эта конструкция также состоит из четырех простых предложений. Но конструкция в целом представлена двумя компонентами, соединенными бессоюзной связью, а части их характеризуются

последовательно-временным перечислением, благодаря союзу да. Как видим, каждая поликомпонентная конструкция характеризуется своей спецификой в плане выражения, и в плане структурирования. По мнению некоторых тюркологов, основным свойством таких синтаксических построений «служит их нетипичность, самобытность, не позволяющая производить сколько-нибудь стройную и обоснованную их рубрикацию» (Саитбатгалов 1981: 479).

Многие бессоюзные сложные паремические конструкции объединяются в одной общей модели «сложноподчиненное предложение + сложноподчиненное предложение», имеющей ряд разновидностей и объединяющей сложноподчиненные конструкции одного порядка. Например, высказывание Кёпдю деп да кьюуанма, азды деп да жилияма «Не радуйся, что много, не плачь, что мало» состоит из двух сложноподчиненных предложений с придаточными причины, между которыми устанавливаются отношения одновременного перечисления. С другой стороны, в каждой части придаточное предложение причины соединяется с главным с помощью дескрипции деп да, выполняющей функцию союза.

Вторая разновидность модели имеет схему «сложноподчиненное предложение с придаточным уступки + сложноподчиненное предложение с придаточным уступки». Конструкции этой схемы можно разделить на две группы. В первую группу входят высказывания, между частями которых устанавливаются сопоставительные отношения. В них в качестве средства связи возможно введение противительного союза а (ya) «а». Средством же связи между главным и придаточным предложениями выступает маркер -са да. примеры: Ахшы, кьоймасанг да, табар, аман (а), кьойсанг да, кьабар «Хороший, если даже не дашь возможности, найдет, (а) плохой, если даже дашь возможность, потратит»; Жарлыны кьызы, айбат болса да, эрге бармаз, байны кьызы (ya), баймакь болса да, юйде кьалмаз «Дочь бедняка, если даже красивая, замуж не выйдет, (а) дочь богача, если даже косолапая, дома не останется». Во вторую группу входят также конструкции без

сочинительных союзов. Они и не вводятся в структуру высказывания. В целом такие высказывания характеризуются отношениями перечисления: Тили бар да, эси жокъ, сёзю бар да, ёсю жокъ «Язык есть, а ума нет, слова есть, а роста нет»; Ашаса да – бёрю, ашамаса да – бёрю «Съест – волк, не съест – тоже волк»; Аман болса да – къарындаш иги, сабий болса да – жолдаш иги «Если даже плохой, лучше брат, если даже ребенок, лучше спутник»; Шуёхунг минг эсе да – азды, жауунг бир эсе да – кёпдю «Если даже друзей тысяча – мало, если даже враг один – много».

Для третьей, самой большой, разновидности рассматриваемой модели присуща схема «сложноподчиненное предложение с придаточным условия + сложноподчиненное предложение с придаточным условия». В конструкциях указанной схемы между двумя сложноподчиненными предложениями с придаточными условия реализуются сопоставительные отношения. Нами обнаружен лишь один пример, в котором этому способствует противительный союз а: Сабийге бермесенг, бир жилир, берсенг а, эки жилир «Если ребенку не отдашь, один раз заплачет, а если отдашь, дважды заплачет». В остальных случаях сопоставление обеспечивается бессоюзием, т.е. просодически, хотя теоретически возможно и употребление соответствующих союзов. Примеры: Ач эсенг – аша, туугъан эсенг (а) – жаша «Если голоден – кушай, а если родился – живи»; Иги алаша къарт болса, къаргъалагъа жеймиш болур, ахшы киши къарт болса (уа), къатынлагъа бедиш болур «Если хороший конь состарится, станет пищей для ворон, а если хороший мужчина состарится, будет позором для женщин» и др.

В конструкциях рассматриваемой схемы сопоставлению могут подвергаться значения различных их компонентов. Такое явление редко проявляется по отношению к подлежащему: Къызгъанч киши, жашай келсе, къуу болур, къоркъакъ киши, жашай келсе, къул болур «Скупой мужчина, если проживет срок, превратится в прах, трусливый мужчина, если проживет срок, холопом станет».

В абсолютном же большинстве конструкций сопоставляются сказуемые, а значит все содержание предложения в целом. Примеры: Эр къартайса, къазанчы болур, къуш къартайса, жубуранчы болур «Если мужчина состарится, станет охотником до казана, если орел состарится, станет охотником до сусликов»; Къарай кетсенг, туй болур, къалай кетсенг, юй болур «Если будешь присматривать, получится просо, если будешь строить, получится дом».

Паремические высказывания строятся и по схеме «простое предложение + сложноподчиненное предложение», которая имеет ряд разновидностей. Отдельную группу для этой схемы составляют предложения типа Ой тубюнде алтын барды, ойлай келсенг, табарса «Под мыслью есть золото, будешь думать, найдешь». Первая часть этого высказывания представляет собой простое двусоставное предложение, а вторая часть – это сложноподчиненное предложение с придаточным условия. Обе части соединяются между собой интонационно. Подобные высказывания для всех трех предложений, входящих в него, порой имеют общее подлежащее, которое наличествует только в первом предложении, а в двух остальных элиминируется, что делается для избежания тавтологии: Тели тепсей билмез, тепсесе уа, къоя билмез «Дурак танцевать не умеет, если же начнет, не может остановиться». Общим для всей конструкции бывает не только подлежащее, но и определение, относящееся к нему: Асыл адам айта билир, терс айтса уа, къайта билир «Воспитанный человек знает, что говорить, а если ошибочно скажет, может признать это»; Иги къатын кирсиз болур, андан озса – тилсиз болур «Хорошая женщина бывает чистоплотной, а если дальше пойти – бывает «без языка».

Ср. высказывания: Бокъгъа кирме, кирсенг, этек кётюрме «В грязь не заходи, если зайдешь, подол не поднимай»; Бетсизге бет этме, этсенг, бурулуп кетме «Бессовестного не щади, если пощадишь, не уходи, обернувшись»; Къатынынг бла оноулашма, оноулашсанг, даулашма «С женой не советуйся, если советуешься, не спорь». В них отсутствует подлежащее, но

его функцию выполняют лично-предикативные аффиксы. Данные конструкции имеют обобщенно-личный характер.

Встречаются и другие комбинации для высказываний рассматриваемой структуры: Сынагъынчы батыр кѣп, сына сала – къатын кѣп «Пока не испытали, батыров много, как испытали – баб много»; Хар кертини эр айтыр, эр айтмаса, эл айтыр «Истину мужчина скажет, если мужчина не скажет, село скажет».

Для рассмотренных выше высказываний между двумя основными частями присуща бессоюзная связь. Однако есть и конструкции с союзной связью. Правда, их ограниченное количество: Сүйемклик ёртен туююлдо, алай жанса – ёчюлталмазса «Любовь не пожар, однако, если загорится, потушить не сможешь»; Ишни ашыгъып башлама, башласанг а – ташлама «Работу в спешке не начинай, а если начнешь – не бросай».

Как видно из проанализированного выше материала, карачаево-балкарские усложненные и смешанные паремические высказывания отмечены различными структурно-семантическими особенностями, для которых присущи различные отношения и в основном бессоюзная связь базовых компонентов.

Литература

1. Балова И.М. Очерки по синтаксису пословиц и поговорок кабардинского языка. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1999. – 198 с.
2. Саятбатталов Г.Г. Сложноподчиненное предложение // Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – С. 453-479.

Атабиева Л.Х.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСХОДНОГО И ПРОИЗВОДНОГО В ОМОНИМАХ ИМЯ - НАРЕЧИЕ

(на материале тюркских языков)

Известно, что в тюркских языках омонимы по конверсии образуются от имен существительных, прилагательных и

глаголов, в том числе и от одного из слов, состоящих между собой в отношениях лексической и лексико-грамматической омонимии. В редких случаях бывает так, что от слов указанных частей речи образуются два наречия. Все это создает проблему определения исходного и производного слов в рядах конверсионных омонимов, решение которой очень важно для раскрытия словообразовательной сущности данного типа омонимов. Это имеет первостепенное значение особенно для выявления значений многозначных слов и установления семантических отношений между ними. Однако в работах, посвященных конверсии в тюркских языках, данный вопрос полностью игнорируется. Это приводит к тому, что в словарях ряды омонимов, созданных по конверсии, зачастую возглавляют производные слова, в том числе и наречия. Например: якын "близко // близкий", ясыртын "тайно, тайком, таинственно; секретно; скрытно // тайный; секретный; скрытый" (НРС 1963), ёппасига "поголовно, сплошь; повсеместно // общий; поголовный, сплошной; повсеместный" (УРС 1959), аралаш I "вперемешку" - аралаш II 1. "смешиваться, примешиваться", кенен II "получать в изобилии, наслаждаться" (КРС 1965). Это имеет место и в словарях, составленных в 80-90-е года XX века: кеч 1."поздно"; 2. "вечер, сумерки" (КБРС 1989), кёп I 1."много"; 2."долго"; 3."часто" - кёп I 1."пухнуть, распухать"; 2."бухнуть, разбухать"; 3."надуваться, наполняться воздухом, газом"; кьюру I "сухой" - кьюру II 1."сохнуть, становиться сухим"; 2."засыхать, вянуть" (ТСКБЯ 2002) и др.

Из приведенных примеров видно, что определение первичности и вторичности слов в омонимах, образованных по конверсии, в которых производным является наречие, представляет значительную трудность для тюркских лексикографов. Некоторые лексикографы, особенно составители словарей 50-60-х годов XX века, "преодолевают" ее по-своему. Так, в КРС2 и АРС слова описываемого типа зарегистрированы как слова с одним и тем же значением, т.е. в них два разных слова - омонима сосуществуют в одном и том же значении: жакын "близко; близкий", аралаш "смешанный; вперемешку",

ыраак "далеко, вдали; далекий, дальний" (КРС2 1965), амад "готовый, наготове", бетэр 2."сильный, сильно"; узун 2."длинно, долго", бивахт "несвоевременный; несвоевременно"; дик 3."крутой, круто" (АРС 1956), алыс 1."дальний; далекий; далеко", жакын "близкий; близко; рядом" (КРС1 1954) и др. В отдельных случаях лексикографы того периода вообще проигнорировали наречия, образованные по конверсии: катуу 2."сильный, резкий", жаман 1."плохой, дурной, скверный, порочный" (КРС2 1965), жаксы "хороший", артык "лишний, излишний"; жаман "дурной, плохой, скверный" (АРС 1965). Все приведенные имена прилагательные свободно конвертировались в наречия; ср. катуу "громко" (катыуу кыйкыр "кричать громко"), жаман "плохо, скверно, дурно" (жаман суйлобо "не говори плохо"), жаксы "хорошо" (жаксы ойла "хорошо думать"), ашык "открыто, откровенно" (ашык айт "говорить открыто, без утайки"), ајыг "бдительно, чутко" (ајыг јатмаг "спать чутко"), жаман "дурно, плохо, скверно", "сильно" (жаман гызышмаг "сильно горячиться").

Из всех тюркско-русских словарей конверсия имени прилагательного в наречие значительно меньше отмечена в КРПС, несмотря на то, что его составили очень известные лингвисты.

По сравнению с непроечными в произвольных словах более благополучно решен лексикографами вопрос определения первичности и вторичности слов в рядах исследуемых омонимов. Однако и здесь наблюдаются промахи, ср. туташ I "сплошь; целиком" - туташ II "примыкать, становиться сплошным" (КРС2 1965), ап-ачык I 1."очень, ясно, совершенно ясно" - ап-ачык II "очень ясный, совершенно ясный" (ТСТЯ 1977).

Вопрос об определении произвольности слов в омонимах, образованных по конверсии, не изучен не только в тюркских языках, но и в других языковых группах. Исключение составляют только германские языки, исследователи которых уделяют определенное внимание данной проблеме. Однако и они ограничиваются лишь одним типом конверсии: имя

существительное - глагол.

Так, еще В.Бладин предлагал критерий частотности, согласно которому более высокая частотность указывает на основной член пары, менее высокая - на производный (Бладин 1911: 32).

Вполне вероятно, что относительная частотность позволяет вскрыть реальные соотношения между членами пары. Тем не менее представляется затруднительным использование этого критерия на большом материале, так как решение каждого конкретного случая потребовало бы отдельных статистических данных.

Очень важным для синхронного аспекта конверсии является поставленный А.И.Смирницким вопрос о внутренней или семантической производности. Он предложил два критерия, с помощью которых можно определить основное и производное из двух слов, связанных отношениями конверсии: критерии аналогичных семантических образований и критерий противоречия лексического и грамматического значений слов (Смирницкий 1956: 82). Однако эти критерии не применимы для многих случаев, ибо затруднены как подыскание "семантически аналогичных образований", так определение "лексического" и "грамматического" в их основах. С.М.Костенко выдвинул семантико-дифференционный принцип определения производности в конверсионных парах, согласно которому производящее слово может использоваться в дефиниции производного, но не наоборот (Костенко 1965:1). П.А.Соболева предложила словообразовательный принцип, который состоит в учете характера производных слов (Соболева 1959: 93), поэтому не распространяется на непроизводные слова.

По мнению О.Д.Мешкова, "в огромном большинстве случаев фактическое направление производности вообще не может быть установлено. Он считает, что "мы не располагаем теперь какими-либо средствами для суждения об истинном направлении производности... поэтому большое значение приобретают семантические (а иногда чисто логические) критерии" (Мешков 1976: 123). Следовательно, О.Д.Мешков

более надежным считает семантический критерий, менее надежным - логический (там же). В надежности семантического критерия не сомневался и А.И.Смирницкий, который писал: "Слова, сопоставляющиеся по конверсии, связаны внутренней семантикой и морфологически различаются как основное и производное, так как их основы одинаковы, и только определенная дифференциация их семантического строения может указывать на основное слово и его производное" (Смирницкий 1958: 24). Согласно семантическому критерию, исходное слово обладает большим количеством значений, чем производное.

Материал тюркских языков показывает, что семантический и логический критерии одинаково применимы при определении производности слов в омонимах образованных по конверсии, в том числе и тех, в рядах которых производным членом является наречие.

Наше исследование показывает, что семантический критерий больше применим при определении становления значений слов, возникших по конверсии, нежели вследствие распада полисемии. Анализ толковых словарей тюркских языков и тюркско-русских словарей свидетельствует о том, что в абсолютном большинстве случаев исходные слова обладают большим объемом значений, чем производные: ср. жый - 1."собирать, собирать в кучу"; 2."накапливать"; 3."убирать" - жый II "часто" (КРС2 1935), бай I "богатый"; 2."обильный, изобилирующий чем-л." - бай II "богато" (ТРС 1966), башха I 1."другой, иной"; 2."особый, отличный, необычный"; 3."обособленный, отдельный"; 4."чужой, инородный" - башхаII "отдельно, обособленно" (КБРС 1989).

В омонимах, образованных по конверсии, служебные слова должны замыкать ряд, так как они, как признают специалисты истории языков, образовались от самостоятельных слов: керти I "верный, преданный"; 2."настоящий, истинный, действительный" - керти II 1."действительно, в самом деле"; 2."искренне, по-настоящему" - керти III "действительно, в самом деле" (мод.) (ТСКБЯ 2002), бурун I "прежде, раньше" - бурун II

"перед, до" (посл.) (КРПС 1974).

В тюркских языках по данным их словарей слова именных частей речи не конвертируются в глаголы, имена существительные, как мы уже видели, редко конвертируются в наречия, в абсолютном большинстве случаев имена прилагательные конвертируются в наречия и имена существительные, а конверсия наречий в прилагательные тоже редкое явление, а в некоторых языках, например, в карачаево-балкарском, вовсе не имеет места. Исходя из этого, конверсионные пары, состоящие из глагола и наречия, имени прилагательного и наречия, имени существительного и наречия, должно замыкать наречие, омонимичные же группы из имени существительного, прилагательного и наречия - имя существительное. Однако в анализируемых словарях немало случаев нарушения этих правил; ср.: сых I "густо, часто" - сых II "густой, частый" - сых III "выжимать" (КРПС 1974), кеш I "вечер" - кеш II "поздно" - кеш III "поздний" (НРС 1963).

Литература

1. Bladin V. Studies on Denominative Verbs in English. - Uppsala, 1911.
2. Костенко С.М. Конверсия как способ словообразования глаголов от имен существительных в английском языке. Л., 1965.
3. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. - М., 1976.
4. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956.
5. Смирницкий А.И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностранные языки в школе. - 1958. - №5.
6. Соболева П.А. Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии // Вопросы языкознания. - 1959. - №2.

Сокращения словарей

АРС - Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1965.

КБРС - Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.

- КРПС - Караимско-русско-польский словарь. М., 1974.
КРС1 - Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954
КРС2 - Киргизско-русский словарь. М., 1965
НРС - Ногайско-русский словарь. М., 1963.
ТСКБЯ - Толковый словарь карачаево-балкарского языка. Т.2. -
Нальчик, 2002.
ТСТЯ - Толковый словарь татарского языка. Т.1. Казань, 1977.
УРС - Узбекско- русский словарь., М., 1959.

Аттоева Л.З.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОКЛЯТИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Проклятия являются противоположным благожеланиям по своему содержанию жанром фольклора, хотя по форме у них есть и общие элементы. Проклятия - это те же пожелания, но пожелания не хорошего, а плохого.

Среди текстов, целью которых является смоделировать желаемое положение дел в реальной жизни, проклятия занимают особое место в силу своей негативной семантики. Степень пожелания плохого в проклятии может быть различной, вплоть до самого худшего, что может произойти с человеком. Проклятия не связаны с этикетом, их применение было связано с негативными эмоциями и оценкой того, кому адресовалось проклятие.

Пожелание зла, как и добра, является чрезвычайно распространенным коммуникативным актом в культуре карачаевцев и балкарцев. Страх перед проклятием прежде был очень велик. Считалось, что если оно было произнесено с явно выраженной ненавистью, то обязательно настигнет адресата в какой-то момент, что связано с верой в магию слова. Например: Адам каргъаса бир палах, эл къаргъаса минг палах - «Если проклянет один человек – одно несчастье, проклянет село – тысячи несчастий».

В карачаево-балкарской культуре в связи с высокой степенью опасности злоречений и в силу их остро негативной семантики употребление проклятий требовало большой осторожности. Жанр проклятий функционировал в традиционной культуре на фоне многочисленных запретов, ограничений, поверий о том, чье именно проклятие сбывается, а чье нет, в какое время можно или нельзя проклинать и на фоне многочисленных ответных защитных действий. Существовало поверье, что проклятия сбываются, особенно сказанные беззащитным и незаслуженно обиженным человеком (например, бездетной вдовой, сиротой). Поэтому особенно их проклятий старались остерегаться, избегать. На проклятье, высказанное в лицо, следовало ответить сразу: Экибизден ким терс эсе да, кьаргьыш анга жетсин! - «Пусть проклятье настигнет того из нас, кто виновен!»; Кьаргьышларынг кесинге - «Оставь проклятия себе».

Проклинать считается предосудительным, так как это, в противоположность благопожеланиям, является злом. По народным представлениям и поверьям «черное слово» способно расколоть землю, камень, металл и т.д. Такие представления выражены в многочисленных пословицах и поговорках. Например: Кьаргьыш сёзден таш жарылыр /Кьаргьыш сёзден жер элгенир - «От слов проклятья трескается камень /От слов проклятья вздрагивает земля»; Алгьыш этген – алгьышлы, кьаргьыш этген – кьаргьышлы - «Благословляющий – благословен, проклинаящий – проклят»; Кьаргьыш этгеннге кюн тиймез - «Того, кто часто проклинает, сглаз не берет»; Кьаргьыш жетгеннге танг атмаз - «Для настигнутого проклятьем не наступит рассвет» [Джуртубаев, 2005, 122].

Считалось, что нельзя проклинать неповинного человека: Терслиги болмагъан адамны кьаргьасанг, кьаргьыш кесинге жетер - «Проклянешь неповинного – проклятье обрушится на тебя самого». В карачаево-балкарской культуре проклинать считалось не только предосудительным, но и вообще запретным для мужчин: Сагьыш этген - сер тьююл,

къаргъыш этген эр туюл - «Мыслящий - не дурак, проклинаящий не мужчина».

В настоящее время, частично утратив свои магические функции, формулы проклятий перестали восприниматься как зложелания, и перешли в разряд бранных слов, выражая негативную экспрессию говорящего. Пожелание зла – типичная формула оскорбления.

С точки зрения интереса для лингвистики, в языке воплощается своеобразие культуры: язык отражает действительность во всей ее сложности и полноте, взгляд человека на окружающую его реальность, ее оценку с точки зрения сложившихся культурно-нравственных, религиозных ценностей того или иного народа. Свообразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт, 1985, 377]. В силу этого в лингвистике идет интенсивное исследование того, как менталитет и культура отражаются в языковых единицах разных уровней, как эти знаки передают специфическую информацию, обозначают типичные жизненные и мысленные ситуации или отношения между теми или другими объектами.

Определяя место проклятий в кругу других паремий, исследователи указывают на то, что рассматриваемые высказывания по общей семантике, функциональной направленности и форме выступают как отрицательные благопожелания.

Самое яркое отличие проклятий от обычных речевых актов состоит в заложенной в них модели адресата. В стандартной коммуникативной ситуации адресатом речи является собеседник. В проклятиях же, как это показала С.М. Толстая, реальный собеседник "не является субъектом тех перемен в состоянии дел, которых ожидает отправитель", он оказывается всего лишь объектом, во вред которому произносится текст. Подлинным же адресатом становится, как уже было показано, "некая высшая сила - как бы она ни

мыслилась - как Бог, святые, духи, умершие предки или нечистая сила" [Толстая, 1994, 176].

Таким образом, зложелания в карачаево-балкарском языке образуют целый пласт. Формально они могут быть представлены различными способами. Каждая специальная форма имеет ряд особенностей, присущих только ей.

Для выражения проклятий употребляется форма желательного наклонения на – гьын/ - гин, которая ограничена сферой пожеланий добра и зла. Данная форма содержит только добро- и зложелания, в которых, по-существу, нет реального действия и реального субъекта и становится названием пожелания говорящего. Иногда - гьын/- гин входит в состав устойчивых сочетаний, пословиц, оборотов с риторическим вопросом. В письменной литературе она встречается весьма редко. Примеры: Жангыз бир эчки кьалгъан эди да, аны да сен ёлтюрдюнг. Апсатыны кьолундан ёлгюн - «Чтоб ты погиб от руки Апсаты» [Баскаков, 1976, 268-269].

Параллельно с формой - гьын/- гин употребляется повелительная форма 3-го л. на -сын/ -син: Бу кьая ыранда талай кюнню жашагьын. Тёбен жанынг бийик болсун, бек болсун, Огъары жанынг кьая болсун, кёк болсун - «Чтоб в этой теснине прожил ты несколько дней. И от голода мясо с локтей потихоньку резал и ел. Пусть снизу будет высоко и недоступно, С другой стороны только горы и небо!».

Параллельно с -гьын/-гин здесь употреблена повелительная форма 3-го л. -сын/-син с тем же значением зложелания. Выбор того или иного аффикса зависит в данном случае от субъекта предложения.

Аффикс -гьын/-гин употребляется при обращении ко 2-му лицу единственного числа, т.е. при непосредственном обращении к собеседнику: муратынга жетмегин сен - «чтобы ты не достиг своей цели»; жашауунгдан кьууанмагьын - «чтобы ты не радовался своей жизни» и т.д. Здесь логический и синтаксический субъект совпадают, также совпадают производитель действия или носитель состояния, составляющий предмет мысли или нет прямого указания на производителя

действия, как в примерах подобных следующему: кирир тешигинг болмай кьалгъын - «чтоб ты остался без крова» и т.п. Форма на -гъын/-гин также может встречаться в сочетании с глаголом дегин, но в таком случае не имеет места непосредственное обращение к собеседнику. Например: Къайтмай кьалгъын дегин - «Чтоб не вернулся ты»; Тохтамышде тохтагъын дегин - «Чтоб ты остановился там, где Тохтамыш».

Формой 3-го л. передаются зло и доброжелания, проклятия, адресованные ко 2-му лицу. В этих случаях конкретным адресатом пожелания бывает принадлежащий ему предмет или какая-нибудь принадлежность 2-го л.: Юйюнг тюп болсун - «Чтоб дом твой исчез»; Атынг ушхуур артында айтылсын - «Пусть имя твое упоминается после ужина (недобрым словом)». При вербализации проклятий в карачаево-балкарском языке частым является употребление неполных конструкций типа: Тамакъ ауру тамагъынга! - «Болезнь горла твоему горлу»; Аман ёлет юйюнге - «Холера твоему дому», а также конструкций без указания действия и адресата: Ажал! - «Смерти!»; Талау! - «Сибирской язвы!» и т.д.

Для выражения недоброго пожелания часто используется императив с нулевым аффиксом: Гунч бол! - «Исчезни, как гунны»; От тѣбеси бол - «Сгори дотла»; и т.д. Благодаря употреблению императива, говорящий добивается большей экспрессивности высказывания, императив придает сообщению особый колорит, усиливает его.

Проклятия, выраженные причастиями будущего времени на -рыкъ/-рик, -рукъ/-рюк, -лыкъ/-лик, -лукъ/-люк, характеризуются тем, что в их семантике имеется значение долженствования с оттенками желательности, уверенности, что так и будет [Баскаков, 1976, 219]. Например: Аман кюн келлик! - «Тот, для кого наступит плохой день!»; Эмина кирликле! - «Чтоб были зараженными чумой» и т.д.

Специальная форма желательного наклонения на на - айым/-айыкъ также является продуктивной для выражения проклятий: Сени къабайым! - «Пусть я увижу тебя

загубленным»; Сенден бошайыкъ - «Пусть мы останемся без тебя».

Таким образом, в карачаево-балкарском языке существует большое количество формул проклятий. Но проклятия представляют собой систему клишированных изречений, что говорит о значительной степени предсказуемости их синтаксического и лексического построения.

Литература

1. Баскаков Н.А. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
2. Джуртубаев М.Ч. Ёзден адет. Нальчик, 2005.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
4. Толстая С.М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. - с.176-179.

Ахматова М.А.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

В карачаево-балкарском нартском эпосе наличествуют различные элементы, имеющие непосредственное отношение к текстам других жанров устного народного творчества, что позволяет говорить об интертекстуальности, которую в широком смысле можно рассматривать как универсальное свойство текста вообще. Узкое же ее понимание сопряжено с учетом особого качества определенных типов текста.

Интертекстуальность в современной парадигме лингвистики интерпретируется как наиболее релевантная категория дискурса, которая, по мнению В.Е. Чернявской, отражает «процесс «разгерметизации» текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми, смысловыми системами и их диалогическое

взаимодействие в плане и содержания, и выражения» (Чернявская, 2004: 106). Действительно, для любого текста существенно то, что он «существует только как точка пересечения множества интертекстуальных (=межтекстовых) связей» (Лукин, 1999: 54).

В специальной лингвистической литературе рассматриваемое понятие изучается в разных аспектах. Так, по Ю.М.Лотману, в свете теории референции интертекстуальность дефинируется как двойная референтная отнесенность текста к действительности и к другому тексту (текстам). С позиции же теории информации интертекстуальность есть способность текста накапливать информацию как за счет непосредственного опыта, так и опосредованно, извлекая ее из других текстов. В рамках семиотики интертекстуальность сопоставляется с соссюровским понятием значимости, ценности, т.е. соотносительности с другими элементами системы. В семантическом плане для интертекстуальности присуща способность текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты. В культурологии интертекстуальность соотносится с понятием культурной традиции – семиотической памяти культуры (Лотман, 1996: 14).

Обращение к интертекстуальным связям необходимо для обоснования древности эпоса и его мифологической основы. Структура фольклорного текста находится в динамическом, постоянно меняющемся состоянии, и карачаево-балкарский эпос создавался не на пустом месте, а в сформированной до него текстовой среде, в силу чего он вбирает в себя и тексты и других жанров фольклора.

В карачаево-балкарском фольклоре наличествуют такие жанры, как сказка (элементы сказки), пословицы, поговорки, благопожелание (алгыш), проклятие (каргыш), песня (песня-плач), различные текстуальные элементы которых прочно закрепились в структуре нартского эпоса. Учитывая это, можно выделить различные интертекстуальные связи, выступающие как особый способ смысло- и текстопостроения, рассмотрение которых и является основной задачей настоящей статьи.

В эпосе можно выделить как самостоятельные структурные единицы каргыш и алгыш, являющиеся древнейшим жанром фольклора, мифологические истоки которых базируются на религиозных и магических представлениях этноса. В карачаево-балкарском нартском эпосе каргыши встречаются намного чаще, нежели алгыши. По всей видимости, это связано с тем, что человек стремился выплеснуть негатив, накопившийся в нем. Функция алгыша состоит в том, чтобы при помощи просьбы добиться улучшения жизни, благополучия семьи, рода и т.д. Функция каргыша также состоит в обращении к богу, но уже с кардинально противоположной просьбой – просьбой о смерти (в отношении кого-либо), ухудшения жизни, материального неблагополучия, препятствия в пути и т.д.

Как зложелания, так и благопожелания образуются при помощи одних и тех же аффиксов, ядро которых составляет -сын/-син. Однако ряд проклятий образуются при помощи таких аффиксов, как -лыкь/-лик, -рыкь/-рик, -гъун/-гюн и их вариантов.

Тыпырынг, Темиркъязыкь жулдузча, бегисин,
Тейринг берсин Апсатыны малларындан
игисин, кёбюсюн.

Пусть дом твой будет вечным, как Полярная звезда,

Пусть твой Тенгри всегда посылает
множество лучших зверей Апсаты.

- Тамычы таммай, кюн къууурсун! – дегенди.

Айтхан сёзю къабыл болуп кёргенди.

- Пусть не выпадет (на землю) даже капля
дождя, (пусть все) спалит солнце!

И сказанное, что сбылось, увидел.

Как самостоятельный жанр фольклора выделяются пословицы и поговорки. Мудрость народа, накопленная годами, его мировосприятие, мировоззрение нигде не отражаются так ярко, так четко, как в пословицах и поговорках. В пословицах и поговорках, присутствующих в нартском эпосе, аккумулируется

жизненный опыт этноса. В карачаево-балкарском нартском эпосе, в большей степени представлены паремии, связанные с честью, достоинством, совестью, преданностью, смелостью, любовью к Родине и т.д., в которых получает отражение мировосприятие народа.

Къарт адамны белин бошлар ауруу жокъ,
Ёзенледе жауну тыяр къарыу жокъ.

Нет легкой болезни для старого человека,
Нет такой силы, что остановит врага на равнине.

- Тохтагъан суу сюзюлмейди! – деди,
дейди, Сосурукъ.

- Эр киши да сёгюлмейди! – деди, дейди,
Ачемез.

- Стоячая вода не очищается! – говорят,
сказал, Сосурук.

- Настоящий мужчина не подвергается
критике! – говорят, сказал, Ачемез.

Пословицы и поговорки, являясь необходимой структурообразующей частью композиции эпоса, отмечены значительной смысловой нагрузкой и выполняют, как правило, дидактическую функцию.

В структуре текстов карачаево-балкарского нартского эпоса можно выявить элементы сказки, использующиеся в качестве специального стилистического приема. Эпос, особенно его прозаический вариант, напоминает собой сказку, в котором много фантастики, сказочных мотивов, фактов и событий. Сказания балкарцев и карачаевцев по форме – прозаические, стихотворные и смешанные. И многие из них начинаются со слов: Эртте-эртте...

Эртте-эртте, дорбунлада тургъанда,

Таш тегене, агъач элек болгъанда...

Давным-давно, когда (люди) в пещерах обитали,

Когда корыто из камня, а сито из дерева было.

В эпосе некоторые события излагаются в форме сказки:
Ол кюн Сосурукъ эки нарт къарындашы бла алтын чабакъны

излерге жолгъа чыкъдыла. Ючюсю да бара кетип, юч жол айырылгъан жерге жетдиле. Алайда уа Сосурукъ кыбыла таба, бирси эки нарт а кюнбатыш таба атландыла «В тот же день Сосурук вместе с двумя братьями отправился в путь на поиски золотой рыбки. Все трое ехали-ехали и доехали до перепутья трех дорог. Сосурук поехал на юг, а два брата на запад».

В виду того, что в большинстве случаев сказания представляют собой небольшие повествования об одном эпизоде из жизни героя, они обычно заканчиваются развязкой действия без концовки, констатацией или ухода героя с места совершения им подвига или его возвращения домой. Однако, концовка некоторых текстов эпоса напоминает сказку со стереотипным концом, где все заканчивается благополучно.

В текстах нартского эпоса свою нишу нашли песни, которые обычно посвящены главным героям («Песня о Сосуруке», «Песня о Карашауае, «Песня о Рачыкау», цикл «Песни нартв»). В подобных текстах имеет место превалирование элементов собственно песенного жанра.

Эй, нарт батырлары да жортууулгъа чыкъдыла, ой,
чыкъдыла,

Ала да жолда отсуз, кьуусуз кьалдыла, ой, кьалдыла.

Эй, нартские батыры в поход отправились, ой,
отправились,

Они в пути без огня, без трута остались, ой, остались.

Таким образом, как показывает проанализированный нами фактологический материал, в эпосе явно выделяются признаки интертекстуальной открытости: содержательно-смысловая незамкнутость текста, функционально-стилистическая открытость текста по отношению к другим текстovým системам, существенным для различных жанров устного народного творчества.

Литература

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 447 с.

2. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. вузов. – М.: Ось, 1999. – 189 с.

3. Чернявская В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - № 1. – С. 106-111.

Берберов Б.А.

ЛИРИКА КЕРИМА ОТАРОВА: КОНЦЕПЦИЯ ПРАВСТВЕННОЙ СТОЙКОСТИ

Керим Отаров (1912-1974) - одна из самых крупных фигур в истории карачаево-балкарской литературы. Многие его стихотворения стали народными песнями. Отаров - замечательный мастер лирического стиха, в котором оживают повседневные факты и события жизни. От них поэт всегда идет к глубоким обобщениям, понятным самым широким слоям читателей. Перу поэта принадлежат также поэмы, баллады и новеллы, отмеченные печатью мастера.

В июне 1941 года молодой поэт уходит добровольцем на фронт и служит в пехотной дивизии. В июле 1942 года поэт был тяжело ранен у русской деревни Муратовка и чудом выжил, благодаря подвигу людей в белых халатах. Лишенный ноги, искалеченный боец и поэт в 1943 году возвращается в Нальчик к прежней работе, полный новых художественных замыслов и издательских планов, но трагические события 8 марта 1944 г. все перечеркнули. Разделив горькую судьбу своего депортированного народа, Отаров находится в киргизской ссылке до 1956 года. Несмотря на тяжелое физическое и психологическое положение, он не падает духом, напряженно трудится на производстве и выкраивает время для самовыражения в поэзии. Художественные корни и искания Керима Отарова связаны с поэзией основоположника балкарской литературы Кязима Мечиева, которого поэт называл своим учителем. "Моим учителем в балкарской поэзии является Кязим Мечиев. Стихи Кязима бытовали в народе еще задолго до

Октябрьской революции. Они передавались из уст в уста, вся Балкария знала их. ...Ясность поэтической мысли и ювелирная чеканка кязимовских стихов - это высокая горная вершина, в пути к которой находится сейчас балкарская поэзия" - пишет Отаров в своей автобиографии [1].

Все его произведения в совокупности представляют собой единую социально-историческую эпопею его времени, пропущенную сквозь чуткое сердце поэта. Читатели и критики обращают внимание на богатство интонационных регистров в лирике Отарова: трагический надлом, легкая грусть, умиротворение, задушевная беседа, шутка. Многообразие интонации выступает следствием самого многообразия жизни.

Итогом глубоких раздумий Керима Отарова над трагическими событиями 1944-1957 гг. стала его выселенческая поэзия, отличающаяся ярко выраженным художественным своеобразием. Сам факт выселения для Отарова - явление исключительное, из ряда вон выходящее, противоестественное, единичное в своем роде:

Къар юзюлюп, тау ауулну басханча, снежная лавина, накрывшая горное село, Халкъны палах жетген эди жолунда настигло народ на его жизненном пути.	Как Горе
Анд, сабийча, жунчуду бахсанчы, баксанец как ребенок, Жол азыгъын да алалмай къолуна на дорогу не сумел взять.	Растерялся Даже хлеб
Анда, терслик ат ойнатханын кёре, конь несправедливости и неправды, Табылмады анга аркъан аталлыкъ. было накинуть на него аркан.	Взбесился И некому
Дуния жаратылгъанлы жерде тёре как земля родилась, Тюйюл эди аллай уллу аманлыкъ [2]. свершалось такого злодейства.	С тех пор Не

«Дуния жаратылгъанлы» /С
рожденья Земли/.
(Подстр. пер. автора статьи).

Чудовищность этого акта даже не укладывается в рамки человеческого сознания:

Халкъ апчыды, кёчюрюлюп баргъанда, изнывал в дороге изгнания, Заман айырмай ахшыны, аманны. смешало добро и зло.	Народ Время
Ол ачылыкъ, тюш окъуна болгъанда, даже если во сне приснится, Акъылдан шашдырлыкъ эди адамны [3]. способно человека свести с ума.	Это горе И то

«Дуния жаратылгъанлы» /С
рожденья Земли/.

Лирический герой Отарова соблюдает некоторую дистанцию с этим "злодейством", он "самоогражден" и не совсем "вписан" в него. Для Отарова это "страшный сон", в который трудно поверить («Жиляй эди кёк» - Плакало небо) и недаром автор постоянно прибегает к категории сна, описывая его.

Для него трагедия выселения народа - это обвал, погребший народ под собой или снежная лавина, неожиданно в пути накрывшая путников. Так же трагедия сравнивается с огнем, который сжег народное счастье дотла ("Трибунал сорса» - Если трибунал спросит"), с пожаром, от которого матери кинулись спасать своих детей в колыбелях ("Ол кече да» - В ту ночь). Во всех этих образах общим знаменателем является статичность и необратимость. Все образы слишком результативны, они предполагают завершенность. Подобное восприятие подкрепляется и другими образами:

...Ала, вагон эшиклени къарышлыкъ
(солдаты) в двери вагонов
Чюйле бла ёмюргеча бегите [4].
гвозди длиною в ладонь,

Они

Вбивали

запирая (людей) на вечность.

"Каспий

аулакълары» - /На берегу Каспия/.

Для Отарова характерно изображение замкнутости, камерности, самостоятельности этого злосчастного события. Оно не "вписывается" в судьбу балкарского народа, как черное страшное пепелище стоит где-то сбоку от пути, изначально предначертанного богом. Эта трагедия случилась, потому что судьба на время нас забыла (забросила). Антигуманность, абсурдность переселения воспринимается Отаровым как следствие отклонения, трагической ошибки в расчетах неких высших сил, управляющих народной историей. Это неверный ход, неверная версия, которая не должна была воплотиться в жизнь. Вместо правильного, нужного варианта случился этот патологический, разрушительный, а тот, неволевым образом отрезок канул в небытие.

"Время само по себе носитель доброго начала" ("Баллада о трусе"), но какое-то недоразумение случилось в системе высших сил, произошел сбой в механизме истории, в результате чего "ветер дьявола", "шайтанский ветер" проник в мир и внес хаос. Герой Отарова постоянно вопрошает, "почему небо и земля допустили это" ("Бледнолицая девочка" - Сазбет къызчыкъ).

Мир настолько дисгармоничен и жесток, что царство мертвых с его четким миропорядком становится привлекательным, а сама смерть воспринимается как спасительный уход, избавление от бед "свихнувшегося мира". Так появляется в переселенческой поэзии Отарова тема зависти к мертвым. В стихотворении "Солдат" друзья хоронят молодого

участника войны, умершего на чужбине и каждый думает о том, что

Солдат энди, В мир
отправился солдат,
даусуз дуньягъа кёче, где
вопросов не будут задавать,
Терс тырманла эштмез, Где косо на
него не будут смотреть,
бедиш сынамаз [5]. Где несправедливые
обвинения не будут предъявлять.

"Солдат"

Абсурдность, ненормальность мира показана через образ ветерана войны, которого не пускают в гостиницу, потому что он враг народа ("В гостинице" – Къонакъ юйде), образ горцалхлебороба, который умирает от голода на чужбине ("Старик-чеченец" – Чеченли къарт), образ сына, которого не пускают к умирающей матери в соседнее село без специального пропуска, заверенного комендатурой ("Горец и комендант" – Таулу бла комендант).

Беззаконие, жестокость, произвол, отсутствие какого-нибудь организующего разумного начала приводит к тому, что "даже талисманы уже не помогают". ("Бледнолицая девочка" – Сазбет къызчыкъ). В этих условиях людям ничего не остается делать, кроме как взывать к Высшему Разуму с просьбой вернуть достойный человека миропорядок. Поэтому все тринадцать лет "горцы молятся, как раньше они молились священному дереву Раубазы" [6].

Отсутствие надежды опустошает внутренний мир человека. Поэтому лирический герой Керима Отарова находит в себе силы не поддаться философии бессмысленности бытия и не опустить руки в трудный час. Переселенческая поэзия Отарова одухотворена нравственно-этическим кодексом, закрепленным в устном поэтическом творчестве, в историко-героических песнях, в поэзии Кязима Мечиева. В стихотворениях "Ответ Кязима" - /Кязимни жуаубы/, "Фотография Кязима" – /Кязимни

сураты/, "Надгробный камень Кязима" - /Кязимни сыны/ и "Воспоминания о Кязиме" - /Кязимни эсгерии/ красной нитью проходит идея оставаться Человеком при любых обстоятельствах, в любой ситуации. Художественной апелляцией к мудрости Кязима подкрепляется концепция нравственной стойкости:

- Тюзлюк кюрешинде кыйналыргъа тюшер. В борьбе за правду придется страдать,
Тюшдю эсе - чыда! Чыдамай болмаз эр. А если пришлось - терпи! Без терпения нет

мужества.

Терс - кюрешсин, итча, жалкъасын кыйырып. Пусть зло старается, собакой вздыбив

загривок,

Терсни да, тюзю да - халкъ кеси айырыр [7]. Народ
разберется, где правда, где кривда.

"Кязимни жууабы" - /Ответ Кязима/.

Совесьть еще одна важная категория в системе нравственных ценностей Отарова. В стихотворении "Комендант" одноименный герой не в состоянии выполнять возложенную на него социальную роль надсмотрщика и карателя. Он добровольно отказывается от своей работы, потому что категорический императив совести не позволяет ему воспринять как должное ситуацию, когда старика-балкарца надо жестоко наказать за поход на базар без спецразрешения. Совесьть помогает коменданту сохранить себя как человека.

Таким образом, тема народной трагедии нашла самобытное художественное выражение в поэзии Керима Отарова, обусловленное яркой творческой индивидуальностью, богатым жизненным и литературным опытом. Основное внимание автор сосредоточил на исключительности, противоестественности акта депортации человеческой и

народной природе. В стихии родного языка он находит потрясающие по своей художественной силе образы для выражения абсурдности мира, в который насильственно помещен спецпереселенец. Важное место в системе этических ценностей К. Отарова занимает концепция нравственной стойкости, ставшая философской основой его лирики о депортации.

Литература

1. Эфендиева Т. Страницы жизни и творчества Керима Отарова. Нальчик, 1997. С. 17. – 120 с.
2. Отарланы К. Дуния тынчлыгъын тилейме къадардан (Молю судьбу о мире на земле). Стихи и поэмы. – Нальчик, 1995. С. 201. - 428 с.
3. Там же. С. 201.
4. Отаров К. Заманны ауазы (Голос времени): стихи. – Нальчик, 1990. С. 8. - 408 с.
5. Там же. С. 40.
6. Там же. С. 96.
7. Отарланы К. Дуния тынчлыгъын тилейме къадардан (Молю судьбу о мире на земле). Стихи и поэмы. – Нальчик, 1995. С. 225. - 428 с.

Газаева Ф.В.

К вопросу о сопоставительном анализе
фразеологии неродственных языков
(на примерах символических прочтений фразеологизмов русского
и карачаево-балкарского языков, имеющих в своем составе
компонент от «огонь»)

Большинством исследователей признается тот факт, что сравнение и сопоставление являются универсальными методами

в теории языка, которые включают, с одной стороны, определение степени родства языков и их исторических связей, с другой стороны, осуществление поиска межязыковых соответствий и различий. При этом объектом сравнения (или сопоставления) могут быть различные уровни языка. Поэтому представляется возможным выделить такие области исследований, как сопоставительная (или сравнительная) фонетика, лексика, синтаксис и т.д.

В связи с тем, что «вопросы семантики фразеологии в последнее время приковывают к себе все большее внимание исследователей...» [Арсентьева 1989: 54], сопоставительный анализ коснулся и фразеологического уровня языка. Данная область исследований имеет своей целью поиск соответствий фразеологических значений в сопоставляемых языках, а также безэквивалентных ФЕ.

Как отмечает Е.Ф. Арсентьева, «проблема выявления и изучения фразеологических эквивалентов и аналогов является актуальной, сложной и многогранной задачей, требующей четкого подхода к ее решению» [Там же: 57].

Анализ литературы по данной проблеме позволяет говорить о наличии различных подходов к ее решению. У одних исследователей (Э. Бабаев, М.А. Азимова) сопоставительной характеристике подвергаются ФЕ с однотипными структурами; на базе такого анализа выделяются глагольные, именные, компаративные и др. фразеологизмы. Другие авторы рассматривают контрастивный аспект ФЕ с одинаковыми компонентами в двух и более неродственных языках. Так, например, О. Назаров проводит анализ соматических ФЕ русского и туркменского языков [Назаров 1973]. Н.В. Джанелидзе исследует соматическую фразеологию в современном немецком языке в сопоставлении с грузинским [Джанелидзе 1981]. Объектом контрастивного анализа могут быть и фразеологизмы с одинаковой семантикой. В диссертации Э.Н. Покровской рассматриваются ФЕ со значением психического состояния человека в русском и украинском языках [Покровская 1977]. С наибольшей полнотой данный

вопрос освещен у Е.Ф. Арсентьевой в ее работе, посвященной сопоставительному анализу фразеологических единиц в русском и английском языках, где автор предлагает подход к этой области исследований посредством «рассмотрения ФЕ в трех аспектах: семантическом, структурно-грамматическом и компонентном» [Арсентьева 1989: 65].

С учетом современного развития языкознания еще более интересный материал можно почерпнуть на базе выявления символов и квазисимволов, концептов, категорий и понятий, являющихся компонентами ФЕ разных языков.

В статье предпринимается попытка охарактеризовать соответствующие и несоответствующие символичные прочтения фразеологизмов русского и карачаево-балкарского языков, имеющих в своем составе компонент от «огонь». Данный пласт языка (ФЕ) выбран с учетом того, что «практически все проявления жизни человека, его рождение и смерть, особенности характера, умственной деятельности, возраста, внешнего облика, профессиональные качества – все это находит яркое и своеобразное отражение во фразеологических системах языков» [Там же: 14].

Интерес к ФЕ именно этих двух языков объясняется тем, что они имеют различную грамматическую структуру, а носители их являются представителями двух совершенно разных культур.

Целью сопоставления является поиск универсалий, установление эквивалентности и межязыковых соответствий фразеологизмов русского и карачаево-балкарского языков, имеющих в своем составе компонент от «огонь».

Во фразеологизмах исследуемых языков данное понятие может отражать как универсальные (характерные для большинства других языков), так и специфические (имеющиеся только в карачаево-балкарском или только в русском) символичные прочтения. Обратимся к примерам.

От бла ойна- «играть с огнем», [кёзю, ауузу] от чагъады [жанады] «злится, метает молнии, искры и т.п.», отдан чыкъ да жалыннга «из огня да в полымя» и т.д. В приведенных примерах

от «огонь» – источник опасности, неприятности и признак злости. Такие символичные прочтения одинаково характерны как для русского языка, так и для карачаево-балкарского.

Специфические символичные прочтения реалии от «огонь», характерные только для карачаево-балкарского языка, встречаем во фразеологизмах типа: (I) отдан кёлек кий-«отказываться наотрез, сильно возмущаться» (букв. надеть рубашку из огня), (II) отдан юлюш алгъан «смелый, отважный», (III) отха чёп ат- букв. «бросить в огонь соломинку» (в народе считалось, что произношение имени плохого человека может повлечь неприятности, беды и во избежание их в огонь бросали соломинку), (IV) оту [ёрге] жанмайды «не налаживаются дела» (букв. его огонь не загорается), (V) отлары жанмайды «нет лада, они не ладят (о взаимоотношениях)», (VI) от алыргъа келгенча (келгенлей) «очень быстро» (букв. как за огнем пришел), ср. каб-черк. – мафIэхъ укьекIуа? «за огнем что ли пришел?».

В примере (I) от «огонь» имеет символическое прочтение – сопротивление, имеющее значительную силу, в примере (II) – сила, которую может победить лишь очень сильный и отважный человек, в примере (III) – очистительная сила, своего рода оберег от неприятностей, в примерах (IV) и (V) – не смочь разжечь огонь, значит, не иметь удачу в делах и во взаимоотношениях с людьми и т.д., которые не характерны для идиом русского языка.

Вышеприведенный фактологический материал свидетельствует о том, что на базе таких исследований можно выявление эквивалентов и аналогов в двух и более неродственных языках, безэквивалентных ФЕ, не имеющих соответствий во фразеологических системах другого языка.

Литература

1. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. – Казань, 1989.
2. Бабаев Э. Образные обороты в современном английском и таджикском языках: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – М., 1977.

3. Джанелидзе Н.В. Соматическая фразеология в современном немецком языке в сопоставлении с грузинским: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – Тбилиси, 1981.
4. Назаров Э. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – Ашхабад, 1973.
5. Покровская Э.Н. Фразеологические единицы со значением психического состояния человека в русском языке (в сопоставлении с украинским): Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – Киев, 1977.

Гелястанова Т.С.

ПРАГМАТИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПАРЕМИЙ

Пословицы и поговорки карачаевцев и балкарцев занимают особое место в фольклоре и уходят корнями в глубокую древность. Паремии, бытуя в народе, обогащаются новыми жизненными наблюдениями духовно-нравственного и философского характера.

До сих пор в филологической науке нет четкого определения пословиц и поговорок. Известный лингвист, собиратель В.И.Даль рассматривает пословицу как притчу, имеющую назидательный характер: «Пословица - коротенькая притча. Это суждение, приговор, поучение, высказанное обняком и пущенное в оборот под чеканом народности. ...Как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, представляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки» [Даль 1957: 18]. Поговорка, по его выражению, «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы» [Даль 1957: 19].

Г.Л.Пермяков рассматривает паремию как грамматически завершённую единицу и определяет его как «замкнутое клише» [Пермяков 1988: 17].

Фольклорист С.Г.Лазутин пишет: «Пословицы – это формулы народной мудрости. Их заключения и выводы универсальны; поговорки приложимы ко всем и имеют силу неписаного закона: «На поговорку ни суда, ни расправы. Поговорка не судима», «От поговорки не уйдешь» [Лазутин 1989: 93].

Известный фольклорист В.П.Аникин считает, что «поговорка – это краткое, вошедшее в речевой оборот и имеющее поучительный смысл, ритмически организованное поэтическое изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт» [Аникин 1957: 14].

Д.Э.Розенталь, цитируя Н.В.Гоголя, пишет: «В поговорках наших... видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать все своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткость живописного изображения...» [Розенталь 1998: 90].

Рассматривая суждения исследователей о природе паремий в течение исторической эволюции человека, можно заметить, что поговорки – это изречения народа, которые представляют собой законченную фразу. Они кратки, поучительны, в них отражается ёмкий жизненный, культурный и духовно-нравственный опыт народа.

Поговорки как жанр устного народного творчества имеют ряд специфических особенностей, отличающих их от других афористических жанров. Они всегда передают законченную мысль, выраженную в виде краткого заключения. Лаконичность мысли обеспечивается цельностью композиции, позволяющей достигнуть сжатости выражения. В поговорке нет лишних слов, описаний и характеристик, ибо уже сама сконцентрированная мысль несёт большую эстетическую нагрузку: Къулну бий этсенг, анасын къарауаш этер «Если раба сделаешь господином, он свою мать сделает прислугой»; Ай

батар да, кюн чыгъар, иги улан халкъына жарар «Луна скроется, взойдет солнце, хороший сын народу пригодится»; Ауруу сынагъан дарман излер, фахмусу болгъан назму тизер «У кого болезнь - лекарство будет искать, у кого талант - стихи будет сочинять»; Аман тилли элни булгъар, жигит улан тауну жыгъар «Злоязычный все село перемутит, смелый парень гору свернет».

Пословица передает ярко выраженные мысли в определенной последовательности. Она оценивает явление действительности либо положительно, либо отрицательно и состоит из двух частей, противоположных друг другу, что делает пословицу легко воспринимаемой и запоминающейся: Аман къатын суу ёнкюч алыр, иги къатын жюн ёнкюч алыр «Плохая жена воду в долг возьмет, хорошая жена шерсть в долг возьмет»; Акъылынга келгенни ойлап айтсанг, шашмазса, от этилген межамда сууукъдан апчымазса «Если скажешь то, что пришло на ум, не ошибешься»; Эт тансыкъ ёпке да ашар, эринчек адам жарлы жашар «Скучающий по мясу и легкое съест, ленивый человек в бедности проживет»; Таматаны жери тёрде, урлукъну жери жерде «Место старшего на почетном месте, место семени в земле»; Не залим болса да, тауусулур жашау кюню инсанны, тохтамаз шорхулдап келгени гитче болса да шауданны «Хоть и всемогущий, дни его сочтены, хоть и маленький, не иссякнет родник».

Пословицы могут быть употреблены в прямом и переносном значении. Эта особенность значительно расширяет тематический круг и границы использования пословиц: Къуш учду, къаргъа къонду «Орел улетел, ворона села»; Ёлген адам уянмаз, бетсиз адам уялмаз «Умерший человек не воскреснет, бессовестный человек не постесняется»; Бир тамычдан кёл болмаз, бир терекден юй болмаз «Из одной капли не будет озера, из одного дерева дом не выстроишь»; Мальнг тас болса да табылыр, намысынг тас болса – къабылыр «Потерянная скотина найдется, потерянная честь - нет»; Керексиз уялгъан юлюшсюз къалыр «Зря стесняющийся останется без доли»; Айтылгъан сёз ызына къайтмаз «Сказанное слово назад не вернется»; Аз сёлешген къайгъысыз турур «Кто мало говорит,

тот живет спокойно»; Тилчи бир сагъатха айлыкъ хата этер «Ябеда за один час принесет большой урон»; Хар сёзню оруну бар «У каждого слова есть свое место»; Алим болгъандан эсе, адам болгъан кыйынды «Труднее стать человеком, чем ученым»; Ауруу хорлагъан тешек болур, къарыуу кетген тентирек болур «Кого одолела болезнь, тот будет постельным, у кого исчезли силы, тот будет шатающимся»; Жюксюз арбаны даууру уллу болур, мытыр ишде терк-терк солур «Воз без груза шума больше издает, лентяй в работе часто отдыхает»; Ёлген эшек бёрюден кьоркъмаз «Мертвый ишак волка не боится».

Поговорка – это меткое и краткое изречение, высказанное по конкретному поводу и образно определяющее предмет и явления по их характерным признакам. Она относится к определенному факту, употребляется к слову, подтверждает мысль, обогащает и окрашивает, оживляет речь. Поговорка короче пословицы, она не делает выводов, но подразумевает их. Она граничит с пословицей и в случае присоединения к ней одного слова или изменения порядка слов становится пословицей. В устной речи поговорки часто становятся пословицами, а пословицы – поговорками [Снегирев 1948: 30].

Функции поговорок в речи иные, чем пословиц. Если роль пословиц состоит в том, что в них всегда делаются конкретные обобщения и выводы, то в поговорках никаких обобщений и выводов нет. Назначение поговорок в том, чтобы украсить разговорную речь, сделать ее яркой, образной. Функциональные отличия поговорки от пословицы великолепно определила сама пословица: «Поговорка – цветочек, пословица ягодка» [Лазутин 1989: 90].

Связь между пословицами и поговорками неразрывна. Они вместе бытуют и функционируют в народе. Однако в обиходе люди не различают паремии между собой. В разговорной речи, в спорах паремии играют существенную роль, завершая любую дискуссию меткими, чёткими изречениями. Учитывая многозначность и многофункциональность пословиц и поговорок, Г.Л.Пермяков

рассматривает их и как явления языка, и как явления мысли. В первом случае они представляют собой как устойчивые сочетания, сходные во многом с фразеологическими оборотами, а во втором – как логические единицы, выражающие те или иные конкретные суждения.

Возникновение и исчезновение пословиц и поговорок из обихода, не зависят от воли человека, а зависят от исторических периодов его развития, так как бытование и исчезновение паремий из народного творчества связаны с изменениями историко-социального плана. Они сопровождают человека во всей его истории. Каждое изречение имеет свою историю возникновения и развития, она специфична, но почти невозможно установить время и место его формирования.

В фольклористике нет еще окончательного решения проблемы классификации афористических жанров. До сих пор среди лингвистов нет единого мнения относительно всех критериев классификации пословиц и поговорок. У каждого народа есть свои пословицы и поговорки, которых нет у другого народа. Изучение карачаево-балкарских пословиц и поговорок позволяет выявить национальные особенности мировоззрения.

Отметим, что четкого разграничения между пословицей и поговоркой в паремиографической традиции нет: во всех существующих сборниках они не разграничиваются и представлены вместе, что объясняется близостью этих понятий, сложностью их практического разграничения. Именно поэтому, при исследовании материала пословицы и поговорки рассматриваются вместе, хоть и теоретически эти понятия разграничиваются.

Литература

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Наука, 1957.
2. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. – М., 1989.
3. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988.

4. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.
5. Снегирев И. Народные пословицы и притчи. – М., 1948.

Додуева А.Т.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛОКАТИВНОСТИ В ГЛАГОЛАХ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Локативная семантика в карачаево-балкарском языке представлена в нескольких классах глаголов: а) экзистенциальные глаголы (бол - быть, бывать, пребывать, находиться, присутствовать, жаша - жить, проживать, поживать, туу - родиться и т.п.); глаголы нахождения, недифференцированного относительно пространственного положения; глаголы пространственного положения (сюел стоять, жат - лежать, олтур - сидеть, тагъыл - висеть); глаголы каузированного и автокаузированного пространственного положения (сал - положить, орнат - посадить; жат - лечь, олтур - сесть); глаголы однонаправленного перемещения (кир - входить, проникать, чыкъ - выходить, чачыра - отлететь); глаголы однонаправленного каузированного перемещения (келтир - принести, кийир - внести, кёчюр - перенести, элт - нести, везти кого (куда-либо)).

Глаголы пространственной локализации в карачаево-балкарском языке выражают существующие в объективной действительности пространственные отношения и обозначают реальную ситуацию того или иного статического положения в пространстве живых существ и неодушевленных предметов, а также ситуацию становления какого-либо иного статического положения в результате изменения прежнего положения. Грамматико-категориальный признак пространственности предполагает наличие в семантике глаголов признаков

контактности и опоры на поверхность, наличия того или иного пространственного положения или его становления [см. об этом: Додуева 2003: 20-25].

В.Л. Ибрагимова замечает, что статичность глаголов стоять, лежать, сидеть, висеть - это результат изменения пространственного положения и отмечает, что «статический компонент на конструктивном уровне получает различную текстовую репрезентацию: при глаголах пространственного положения он ведет себя как локативный конкретизатор, при глаголах же однонаправленного перемещения (в том числе и каузированной) он принимает обличье директивного конкретизатора» и сравнивает конструкции «сидеть в доме = «сидеть в доме»; войти в дом - «оказаться находящимся в доме»; внести в дом = «каузировать нахождение в доме», где в двух последних случаях «глаголы фиксируют своей перфектной формой тот момент, когда процесс движения завершен и наступило состояние статического нахождения, что отражает глубинно-синтаксическая трансформация модели, описывающей эту ситуацию» [Ибрагимова 1992: 85].

В семантике глаголов пространственной локализации статический и динамический аспекты пространственного отношения представлены синкретично. Актуализация этих аспектов осуществляется в процессе их функционирования в составе синтаксических единиц при взаимодействии с predetermined семантикой глагола падежной формой имени (или послеложным сочетанием). Так, например, в форме дательно-направительного падежа имени при глаголах динамической локализованности в пространстве актуализируется динамический аспект пространственного отношения в виде семы директивности: шинтикге олтур - сесть на стул, юйге кир - войти в дом. В сочетаниях же глаголов статической локализованности с формой местного падежа имени актуализируется статический аспект пространственного отношения (в виде семы пространственности). Ср.: шинтикде олтур - сидеть на стуле, арбазда сюел - стоять во дворе. В однонаправленных глаголах перемещения в сочетании с

пространственными именами в форме дательного-направительного падежа происходит ослабление динамического компонента семантики, и они вместе с семой результативности, выраженной формой прошедшего времени или настоящим временем в функции прошедшего (юйге киреди - заходит в дом), приобретают значение автокаузированной статической локализованности в пространстве. Так, например, глаголы кир - входить, синг - впитываться, проникнуть (о жидкости), сыптырыл - протиснуться, втереться, проскользнуть куда-либо и под. означают «оказаться находящимся внутри объема пространства в результате перемещения»: Мазан юйге сыптырылды. - Мазан проскользнул в дом; Абидат кызы болган отоуга кирди (Х.К.). - Абидат зашла в комнату, где была дочь; Айгу куркасына кирди. - Медведь зашел в свою берлогу; Жашчык биченге сугулду. - Мальчик залез в стог сена; Суу жерге сингди. - Вода впиталась в землю.

Как явствует из глубинно-семантических трансформаций значений подобных глаголов, сема перемещения низводится в их семной иерархии на уровень периферийной. Такие глаголы описывают ситуацию автокаузированного (т.е. каузированного самим субъектом) нахождения в пространстве, являющегося результатом пространственного перемещения. Изменяется и классная принадлежность этих глаголов: они перемещаются на самую ближнюю периферию ядра ЛГС глаголов статической локализованности в пространстве, т.е. в зону глагола тур в знач. «находиться». Как и глагол тур - находиться, они обозначают самое общее нахождение без дифференциации конкретного пространственного положения.

Аналогичные результаты наблюдаются при сочетании глаголов каузированного однонаправленного перемещения и глаголов однонаправленного движения в понудительном залоге с пространственными именами. При этом данные глаголы приобретают значение каузированного кем-либо нахождения в пространстве, что также явствует из глубинно-семантических трансформаций. Например, кийир - ввести, внести, ташыт - заставить таскать что значит «каузировать нахождение объекта

в объеме пространства в результате каузированного перемещения».

Семантика глаголов пространственной локализации включает в свое содержание абстрактные синтагматические семы субъектности, пространственности, объектности, которые обуславливают их валентностные потенции, реализуемые в составе предложения. Интересным образом пространственные отношения отражаются в дейктических единицах языка. Некоторые из них способны к свернутому, конденсированному выражению семантики целых синтаксических конструкций. В них имплицитно выражены как значение субъекта, так и значение локума, а также само пространственное отношение, что выявляется в глубинно-синтаксических трансформациях. Ср. например: мында / былайда - здесь / тут = в месте, где нахожусь я. Подобные трансформации допускают и другие пространственные наречия карачаево-балкарского языка.

Глаголы пространственной локализации в карачаево-балкарском языке выражают существующие в объективной действительности пространственные отношения и обозначают реальную ситуацию того или иного статического положения в пространстве живых существ и неодушевленных предметов, а также ситуацию становления какого-либо иного статического положения в результате изменения прежнего положения. Глаголы пространственной семантики образуют в карачаево-балкарском языке лексико-семантическую группу, объединяясь на основе денотативной соотнесенности с типизированной ситуацией пространственного отношения между предметами объективной действительности, а также общего для всех этих глаголов категориального признака «локализованности в пространстве», грамматико-категориальных признаков глагольности, субъектности, пространственности. Пространственность предполагает также наличие в семантике глаголов признаков контактности и опоры на поверхность. Глаголы пространственной локализации дополнительно характеризуются с точки зрения отражения в их семантике признаков наличия того или иного пространственного положения

или его становления. Признак наличия пространственного положения характеризует, например, семантику глаголов жат - лежать, съел - стоять, олтур - сидеть, тагбыл - висеть; глаголы же типа сал - класть, ставить, такь - вешать, кьоп - вставить конкретизируют абстрактную семантическую категорию «положение в пространстве» в признаке, указывающем на становление пространственного положения предмета в результате действия какой-либо каузирующей силы, которая в данном случае выступает в роли каузатора пространственного положения. Эти два ряда глаголов противопоставляются в рамках ЛСГ по семам бытийности / становления (статики / динамики); в некоторых случаях субъект каузирует свое собственное новое положение в пространстве (ср.: олтур - садиться, жат - ложиться), возникающее в результате изменения им старого пространственного положения. В.Л. Ибрагимова приводит пример: Мальчик садится на скамейку = «мальчик каким-либо своим действием каузирует себя сидеть на скамейке» и пишет, что здесь иная по содержанию каузация и называет ее автокаузацией [Ибрагимова 1992: 90].

Глаголы сал - поставить, положить, орнат - посадить, такь - повесить, кьоп - встать, жат - лечь, олтур - сесть, тагбыл - повиснуть обозначают результат каузированного становления пространственного положения - каузированное новое пространственное положение, т.е. статический результат динамического процесса становления пространственного положения.

ЛСГ глаголов пространственной локализации представляет собой иерархически организованную и достаточно дифференцированную систему единиц, в качестве которых выступают моносеманты или отдельные значения полисемантических слов.

Литература

1. Додуева А.Т. Структура и семантика предложений с предикатами движения в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 128 с.

2. Ибрагимова В.Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. - Уфа: Изд-е Башкир. ун-та, 1992. - 172 с.

Додуева А.Т., Калабекова М.М.
КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ ВКАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ
ЯЗЫКЕ»

Радость – кьууанч – положительный эмоциональный фон и связанная с ним эйфория по случаю получения обнадеживающего известия или чувства удовлетворения от производимого действия. У многих существей есть радость от созерцания, радость от движения, радость общения. Чтобы ощущение радости было наиболее ярким, необходимо, чтобы радость была сознательной.

Радость – это не цель, а побочный продукт. Это естественное предложение целостности, единения. Это самая важная эмоция, и одно из самых великих чувств. Преодолевать трудности с оптимизмом, притягивать удачу, делать работу с удовольствием – всё это так просто, когда есть радость, и так сложно, когда её нет.

Радость не надо зарабатывать, радость нельзя заслужить – радость можно только принять от других людей, открыть в себе, и почувствовать в множестве мелочей окружающего мира.

Увеличьте количество радости, откройтесь для неё, найдите её в любой мелочи. Ведь радостный и весёлый человек преображает мир вокруг, избавляя его от какой-то частички горести и зла. А когда человек искренне делится радостью, его радость только прибывает. И всегда в душе есть место для радости. Можно почерпнуть радость из мировой культуры, из народного творчества. Ведь сотни, и тысячи лет писатели, философы, психологи, абсолютно все люди, каждый в своей

жизни когда-нибудь испытывал чувство радости, переживали радость, делились этой радостью, выражали её.

Народный опыт, прошедший через века, и даёт нам наглядные примеры, через которые карачаевцы и балкарцы выражали данное чувство: Жашыгъызны сиз да герой этер муратдасыз, – деди Мутай, – АЛЛАХ алай кёрге эди сени, - деп, Кёзлеу жойкъулланды (Х. Шаваев). – Собираетесь сына званием героя удостоить, - сказал Мутай. – Да услышит тебя Всевышний! – сжеманничала Кёзлеу. Фразеологический оборот АЛЛАХ алай кёрге эди – да увидит так же АЛЛАХ выражает предрадостное состояние человека, надеется на помощь Творца, после чего человек обретёт счастье – радость.

Толковые словари определяют радость через удовольствие, либо отождествляя их (ср.: радость – «чувство удовольствия, удовлетворения», и удовольствие – «чувство радости, довольства от приятных новостей, мыслей, переживаний, либо отношения [ср.: радость – «чувство большого удовольствия»).

Огромное количество фразеологических оборотов, выражающих радость, возникло под влиянием исламской культуры:

АЛЛАХ берди бишген аш (М. Хубиев). – букв.: АЛЛАХ дал готовую пищу (то есть даже варить не нужно). Этот оборот употребляется в том случае когда пришла радостная весть, а её не ждали: Таубатыр тюкенде кесине костюм ала тургъанлай, Шому кёрюп: «АЛЛАХ берди бишген аш!» - деп кёуанды. – Когда Таубатыр в магазине покупал костюм, заметив его, Шому воскликнул: «АЛЛАХ дал готовую пищу!». АЛЛАХХА шукур – Слава АЛЛАХУ – фраза, выражающая благодарность человека Богу за какую-либо радость: - Мен жукъ ангылаяла эсем, бу мен кёрген жаш, тепсей билген угъай, жыйырма кёйну ызларындан абынмай жюрюй эсе, АЛЛАХХА шукур этерге керекди, - деди Керуан. («Шуёхлукъ»). – Если я ещё что-то понимаю, парень, которого я вижу, не то что умеет танцевать, если вслед за двадцатью баранами пойдёт, не споткнувшись, необходимо радоваться и благодарить АЛЛАХА.

Радость – весёлое чувство, ощущение большого внутреннего удовлетворения, вызванное успехами в деятельности человека.

Так, в карачаево-балкарском языке радость ассоциируется с солнцем, ср.: кюн туудурургъа «обрадовать», букв.: «возродить солнце». Как солнце согревает человека своим теплом, так и радость согревает человека, ср.: жүрек жылытыргъа «обрадовать», букв.: «согреть сердце». Как и солнце, радость способна осветить душу и сердце своим светом, ср.: жүреги жарыйды «он радуется», букв.: «сердце светлеет»; жарыкъ кёллю болургъа «обрадоваться», букв.: «стать обладателем светлой души», и не только душа становится выразителем светлой радости, но и брови, ср.: къашы-башы жарыйды «он радуется», букв.: брови-голова радуются, светлеют. Кроме того, радость тонизирует организм человека, может поднять его до неба. Например: Кёлю кёк бла тенг болургъа «обрадоваться», букв.: душой вровень с небом стать; Башы бла кёкге жетерге «сильно обрадоваться», букв.: Головой до неба достать Кёлю кётюрюлюрге «обрадоваться», букв.: «душой подняться».

С человеком, испытывающим чувство радости, в карачаево-балкарской языковой картине мира происходят не только душевные изменения, но и физические метаморфозы: бир къарыш ёсерге, букв.: вырасти на один карыш (от радости) (къарыш – мера длины, равная расстоянию между растянутым большим пальцем и мизинцем); радость оживляет: Жан киргенча болургъа «обрадоваться», букв.: будто душа вошла: Экеуленни кёргенде, Чёпелеуге жан кирди (Х. Кадиев). – Когда Чёпелеу увидел двоих, в него как будто душа вошла.

Радость обновляет, омолаживает человека, ср.: дуниягъа жангъдан жаратылгъанча болургъа «обрадоваться», букв.: будто на свет заново родился.

При попытке выяснения того, как в карачаево-балкарской языковой картине мира выражаются отдельные фрагменты представлений об эмоциональном мире этих народов, мы сталкиваемся с элементами языческих верований, с влиянием

языческой картины мира и системы ценностей, которые существовали до принятия ислама. Рассматривая семантическое поле концепта «радость», мы обнаруживаем, что перед нами складывается полуязыческий образ Радости, похожий на солнце, ср.: кюн туудургуа «обрадовать», букв.: – возродить солнце (для кого-либо); дарящий, как солнце, свет, тепло, оживляющий, окрыляющий (в языческих верованиях солнце – необходимый атрибут жизни, без которого не может существовать ничто живое). Кроме того, радость придаёт человеку необыкновенную лёгкость, ср.: аякъ тюбюнде чёп сынмай, букв.: под ногами соломинка не переломится (от радости), кьюуангандан жеринде тёзалмагъан, букв.: не сидится на месте от радости; Кьюуанч тыпырлы болургъа «сильно обрадоваться», букв.: стать обладателем радостного дома: Энди кёп турмай, ол [Аскер] Анисат бла бирге кьюуанч тыпырлы болуп, насыплы юйдегилени бири боллукъдула (Хапчаланы М. Мени насыбым: 42). – Теперь, не медля, он [Аскер] и Анисат, радуясь, станут одной из счастливых семей.

Радость даёт крылья: къанат битерге «обрадоваться», букв.: крылья выросли. Эта эмоция заставляет забыть обо всём, кроме себя – радости: аягъы басханны кёзю кёрмегенча болду - букв.: не видеть, куда нога ступает (от радости). Басар ташын танымазгъа, букв.: не узнавать камень, на который ступаешь (от радости): Асыры кьюуангандан, басар ташымы танымай, кьоншулагъа жетдим да, суйюнчюлюк сурадым. (Х.Байрамкулов). – От огромной радости, не узнавая камень, на который ступаю, я быстро пошёл к соседям и потребовал от них магарыч. Сарбийге жаш туугъанда, эгечи кьюуангандан басар ташын танымай эди (О.Этезов). – Когда у Сарбий родился сын, его сестра, от радости не узнавала камень, на который ступала её нога.

Однако интересен тот факт, что последние два фразеологизма употребляются и в случае, когда требуется охарактеризовать степень горевания человека: Жюрегим асыры къыйналгъандан, кесим да басар ташымы танымай тургъанлай, бу сёзлени эшитгенимде, тёзюмюм бошалды (Х.Байрамкулов).

В процессе деятельности человека в его сознании возникает субъективное отражение объективного мира этноса. Карачаево-балкарская картина мира представляет собой целостный образ мира и является результатом всей духовной активности субъекта и этноса в целом. Эмоциональная картина мира является важнейшей частью общей картины мира.

Для балкарского эмоционального общения характерны такие особенности, как эмоциональная сдержанность, высокий уровень самоконтроля в эмоциональном общении. Балкарское языковое сознание характеризуется относительно высокой степенью оценочной ориентации.

Эмоциональный интеллект – группа ментальных способностей, которые способствуют осознанию и пониманию собственных эмоций и эмоций окружающих. Этот подход, считающийся наиболее ортодоксальным, получил название модели способностей.

Жабоев Н.М.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА СОСУРУКА В ЭПОСЕ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Наиболее традиционным, эпически масштабным героем карачаево-балкарской версии нартского эпоса является Сосурук. С его именем связаны такие эпические сюжеты, как сюжеты о рождении богатыря, добывании огня и о его гибели.

Имя Сосурука сопровождается постоянным эпитетом «рождённый из камня», или «железотельный». По свидетельству комментаторов нартского эпоса, имя Сосурук (Сосурлук) является двухкомпонентным лексическим образованием, где «сос» – сокращённое «состар» (гранит, большой валун) и «урлук» (семья, порода, потомство) [1, 143]. В этом плане особенно показательно самое распространённое сказание цикла Сосурука о рождении героя – «Рождённый из гранита».

Сказание о рождении Сосурука известно в трёх вариантах. Все варианты сказания в основном совпадают и

разнятся лишь в незначительных деталях. Большой интерес при этом представляет то, что «каменная природа» Сосурука устойчиво сохраняется во всех текстах.

Вот как рассказывается о рождении Сосурука в карачаево-балкарском эпосе. Нартский пастух Соджук с отарой овец находился на берегу реки, а на противоположном берегу красавица Сатанай стирала бельё. Посредством символической связи произошло зачатие зародыша будущего богатыря в камне. Непорочное зачатие как явление, свойственное матриархату, являет собой свидетельство в пользу древности данного персонажа.

Когда Соджук ушёл с отарой овец, Сатанай стала считать месяцы и дни и в положенный срок попросила кузнеца Дебета сделать шестьдесят молотов. Когда молоты были готовы, шестьдесят нартских юношей помогли Сатанай расколоть камень. Сатанай достала ребёнка и унесла новорожденного к кузнецу Дебету (по другой версии, к себе, и отдала на воспитание подземным духам – джиннам), который закалил всё его тело как сталь, исключая его колени, т.к. при закаливании мальчика кузнец держал его щипцами за коленные суставы из-за чего они и остались слабыми и уязвимыми.

В одном из карачаево-балкарских сказаний о рождении Сосурука довольно своеобразно трактуются действия Сатанай, встречающиеся только в данной версии. Извлекая Сосурука из камня и перерезая ему пуповину, она совершает магический обряд и при этом заклинает верховных богов: «Сделайте его настоящим нартом: пусть его не берут ни меч, ни стрела! Пусть всегда побеждает он своих врагов!».

Описание внешнего облика новорожденного Сосурука является ещё одной особенностью карачаево-балкарского эпоса. Он описывается с хохолком, наподобие гребня, на голове, тонкими, как вертел, ногами и высоким подъёмом стопы. Поначалу кажется даже странным столь пристальное внимание при описании внешности героя именно к анатомическому строению его нижних конечностей: «единственное, что отличало Сосурука от остальных нартов, – это высокий свод

стопы. Он был настолько высок, что под ним могли проходить цыплята» [4, 380]. Данный факт можно объяснить следующим образом. Человек, у которого плоскостопие, находится в максимально тесном контакте с земной поверхностью. Сосурук же приподнят над землёй, он, «призван» вверх, поэтому его строению придаётся форма «предполётной позиции».

Широко известный мотив чудесного рождения будущего героя из камня, устойчиво сохранившийся у всех народов-носителей эпоса, кристаллизует этот образ. «Каменная природа» героя выступает как показатель его несокрушимости.

В этих традициях создано и другое сказание – о том, как Сосурук добыл огонь, победив эмегена. Анализ всей совокупности вариантов сказания о добывании Сосуруком огня показал, что в них основные сюжетные звенья совпадают с аналогичными произведениями других национальных версий. Однако в сказании «Как Сосурук добыл огонь для нартов» встречается и ряд существенных отличий. Например, когда нартских воинов в пути настигает лютый мороз, они не могут развести огонь и им грозит гибель, Сосурук выезжает в поисках огня. При этом традиционной мотивировкой его выезда является спасение от гибели находившихся в походе нартов, и только. В данном же сказании речь идёт о спасении жизни всего нартского племени. А в одном из карачаевских вариантов, приводимых А.Н. Дьячковым-Тарасовым, Сосурук освободил карачаевский народ от чудовища – пятиголового эмегена. Правда, в указанном эпосе борьба Сосурука с эмегеном не всегда связывается с похищением огня. Весьма важным представляется то, что во всех вариантах этого сказания самым устойчивым и детально разработанным является эпизод богатырских «игр» Сосурука и его победа над многоголовым чудовищем. Что же касается эпизода о добывании (или похищении) огня, то данный мотив присутствует не всегда.

Сказание начинается с описания того, как отряд нартских всадников, среди которых был и Сосурук, в пути настигает сильный мороз, они не могут развести огня, им угрожает гибель, но тут Сосурук обещает принести огонь:

«Я вам добуду огня», - сказал и прочь поскакал.
Только в дальней пещере увидел мерцание огня,
Там заметил спавшего эмегена».

Сосурук поехал на огонёк и увидел в пещере спящего у костра эмегена. Он въехал на коне в пещеру и, не спешившись, схватил горящую головню. Вдруг от головни отлетела искра и попала в глаз великана. Сонный эмеген протянул руку, схватил Сосурука вместе с конём и закинул в свой глаз [2, 34].

Проснувшись, эмеген вытащил из глаза Сосурука вместе с конём. После чего Сосурук предложил ему «игры». Во всех случаях эмеген без особого труда справлялся с «играми» Сосурука, всякий раз приговаривая: «Ах, как хороша эта забава!».

После этого эмеген погружается в озеро и находится там в течение пяти дней. Лютый мороз сковал озеро, но эмеген вышел. Тут Сосурук видит, что не одолеть ему эмегена, и говорит ему: «Ошибся я, надо ещё пять дней (вмерзать)».

Обратившись к верховному божеству балкарцев и карачаевцев, Сосурук просит: «Холод пяти лет за пять дней собери».

Лёд в озере так замёрз, что стал крепче камня. Эмеген понял, что пришла его гибель и решил на хитрость. Он говорит Сосуруку, что его не убить мечом нарта – это сделает лишь собственный меч эмегена, который находится под его чубом. В других вариантах сказания, умирающий эмеген, желая обманом погубить героя, советует ему подпоясаться его, якобы, магическим «эмегеньим» мозгом (кишками). Тут Сосурук догадывается, что великан хочет его обмануть и прибегает к хитрости. Отыскав огромную сосну в два обхвата толщиной, он сперва поднёс к эмегеновому мечу (по другому варианту – обмотал мозгом ствол) и увидел, как дерево упало, перерезанное на столько кусков, сколько раз он его обмотал. Сосуруку удаётся схватить меч за рукоять и снести голову великана. После этого Сосурук берёт огонь и приносит его нартам.

В эпосе карачаевцев и балкарцев иногда подчёркивается, что это был не просто великан, а «пятиголовый эмеген», который «в один обед всех карачаевцев объедал».

Своеобразную трактовку получил в балкаро-карачаевском эпосе и эпизод с пищеводом (спинным мозгом, жилой и т.д.) эмегена. Увидев, какой способностью обладает пищевод эмегена, Сосурук забирает его с собой и делит пищевод между Дебетом и нартскими воинами. Закалённые или смазанные им мечи и стрелы становились ядовитыми и всесокрушающими.

Нетрадиционен и финал этого уникального сказания: нарты после возвращения Сосурука с огнём устраивают пир в его честь и передают ему чашу героя – Агуну – и поют величественную песню, прославляющую его подвиг.

В цикле о Сосуруке кроме упомянутых выше сказаний имеется несколько сюжетов, которые в Нартиаде зафиксированы только в эпических текстах карачаевцев и балкарцев. К примеру, в сказании о Сосуруке и пауках-людоедах Сосурук выступает как избавитель нартов от огромных пауков, пожирающих людей. С его именем в этом сказании связывают и гибель эмегенов. Он выступает как неутомимый истребитель многоголовых чудищ, нарушающих мирную жизнь страны нартов.

В карачаево-балкарском эпосе, в отличие от других версий Нартиады, Сосурук бессмертен. Это бессмертие ему даёт вещь Сатанай. Все эпизоды сказания о том, как нарты задумали погубить Сосурука, совпадают с аналогичными национальными вариантами эпоса, отличаясь лишь своей концовкой.

Сказание начинается с объяснения того, почему нарты решили погубить Сосурука: «Среди нартов Сосурук не отличался большей силой. От кого он родился, тоже неизвестно. Но Сосурук был остроумный, находчивый. Он славу всегда присваивал себе. Потому его многие не любили. И зложелатели хотели погубить его».

Нарты проводили состязание – игру с колесом, которое в карачаево-балкарском сказании выглядит следующим образом:

«С вершины Голой горы пускали вниз железное колесо, окружность которого была равна расстоянию, на котором слышен человеческий крик. Не было у нартов верёвки такой длины, которая обхватила бы это колесо».

Состязание заключалось в том, что богатырь, стоявший у подножия горы, должен был толкнуть скатившееся с горы колесо лбом, рукой, грудью с такой силой, чтобы оно покатило назад, в гору. В состязании Сосурук победил, вернув колесо на гору, ударив его лбом, рукой и грудью. Тогда нарты решили обратиться за помощью к колдунье. Она, в свою очередь, разузнав об уязвимых местах Сосурука, рассказала о них нартам.

Только здесь в карачаево-балкарском сказании говорится об уязвимом месте Сосурука: «У Сосурука уязвимым, слабым местом были колени. Теперь катите колесо так, чтобы оно попало на колени, ибо всё его тело целиком стальное. Поэтому никакого вреда ему не сумеет сделать».

Железное колесо перерезало колени Сосурука. На его просьбу сообщить о случившемся матери откликнулся только голубь. Прибежав на помощь к сыну, она припала своими устами к его коленям и его кости срослись. Сатанай вылечила сына снадобьями, и его колени стали крепче прежнего [3, 103].

В карачаево-балкарском варианте нартского эпоса Сосурук чудесным образом исцеляется благодаря Сатанай. Это является его особенностью, так как в других национальных версиях он всё-таки погибает.

У балкарцев и карачаевцев бытуют также свои локальные версии о смерти Сосурука. В песне «Сосурук и Акбилек» он тёмной ночью тонет во время переправы через бурную реку.

В сказании «Смерть Сосурука» раскрывается другая версия этого сюжета. В ней герой, преследуемый своими братьями, взбирается на высокую скалу и начинает оттуда угрожать и братьям, и нартам. Они в ответ на это насылают на него проклятия с пожеланиями того, чтобы он превратился в камень. И Сосурук на их глазах превращается в каменное

изваяние. «Умерший богатырь возвращается туда, откуда пришёл» [4, 29].

Несмотря на то, что Сосурук в карачаево-балкарском бытовании не проходит полный жизненный цикл, всё-таки – это образ большого воспитательного и эстетического воздействия, и в этой версии он не теряет своей эпической мощи и красоты [5, 29].

Литература

1. Кучукова З.А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). – Нальчик, 2005.
2. Малкъар поэзияны антологиясы. – Нальчик, 1959.
3. Нартла / М.Ч. Джуртубаев, Х.Х. Малкондуев. – Нальчик, 1995.
4. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М., 1994.
5. Урусбиева Ф.А. Избранные труды: очерки, эссе, статьи. – Нальчик, 2001.

Занукова Ф.Х.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНОВ «ФОЛЬКЛОРИЗМ» И «МИФОЛОГИЗМ»

Вопрос соотношения устного народного творчества и литературы, изучения фольклорно-литературных связей в теоретической и практической филологии всегда оставался открытым. Свидетельством тому служат многочисленные труды, куда входят как отдельные монографические работы, специализированные сборники, учебные пособия, так и отдельные главы книг, статьи в журналах.

Столь высокий интерес к данной проблеме обусловлен тем, что влияние фольклорных традиций на литературу –

процесс постоянный. И это закономерно: именно в устном творчестве «сжат» культурный опыт многих поколений народа, именно оно предшествовало литературе, заложило её основы, и именно из него черпают вдохновение писатели и поэты. Конечно, интенсивность этого влияния в разные периоды развития той или иной национальной литературы было различным, формы его также могли трансформироваться. Связано это с тем, что «литература не равнодушный преемник, а субстанция активная, требовательная, генерирующая и созидающая» [Гамзатов 1986: 18]. Кроме того, многое зависит от эпохи, от требований, предъявляемых ею к художественным произведениям.

При изучении проблемы влияния устного народного творчества на литературу, исследователи наиболее часто оперируют такими понятиями, как фольклоризм и мифологизм. Однако, ни в фольклористике, ни в литературоведении нет ещё единого и общепринятого определения данных терминов. В.М. Гацак, к примеру, расценивая фольклоризм как вторичную форму традиций, предлагает закрепить данное понятие за творческим иносистемным преобразованием фольклорной традиции у писателей [Гацак 1975: 13]. У.Б. Далгат же связывает его с переработкой и использованием элементов фольклора лишь в литературе, причём исключительно в случае сознательного обращения писателя к фольклорной эстетике, то есть, по мнению автора, фольклоризм присущ только развитым литературам [Далгат 1981: 13-15]. На наш взгляд, данное утверждение не в полной мере соответствует действительности: от уровня развития литературы зависит не сам фольклоризм, а его разнovidность, тип, степень интенсивности его влияния.

Исходя из этого, фольклоризм следует понимать как любое творческое использование богатств устного народного «фонда», независимо от сознательности или неосознанности обращения автора к традициям родного фольклора.

С понятием мифологизма всё обстоит ещё сложнее.

Мифология карачаевцев и балкарцев, являясь универсальной идеологической системой, в какой-то период

истории выполняла теистические функции, чем и объясняется её богатство и многообразие: короткие рассказы, объясняющие обустройство мира, те или иные особенности животных и растений, природных явлений, религиозно-обрядовые песни, определённые обычаи, традиции, приметы, запреты.

В дальнейшем карачаево-балкарская мифология испытала влияние фольклорной традиции (придание богам человеческих черт, слабостей), христианской и мусульманской религий (отождествление языческих богов, покровителей той или иной сферы жизнедеятельности народа с христианскими и мусульманскими святыми, богом: Тейри, верховный бог – Аллах; Уммай-бийче, покровительница материнства – Мариям, то есть Святая Мария, мать Иисуса Христа; Святой Фёдор (Тодор) – Тотур, покровитель волков и т.д.; трансформация представлений о мироустройстве, возникновении тех или иных объектов живой и неживой природы, элементов быта и т.д.).

Учитывая всё вышеизложенное и тот факт, что устное народное творчество, представляя собой следующую ступень развития, вобрало в себя многие элементы, традиции мифологии, понять, где же проходит граница между фольклоризмом и мифологизмом, практически невозможно.

Довольно часто мифологизм воспринимается как некое малопонятное, «магическое» соединение представлений и идей. Однако, как справедливо отмечает Г.Г. Гамзатов, это «вполне реальный структурный элемент современного искусства слова» [Гамзатов 1986: 26], главная цель которого состоит в том, чтобы как можно глубже познать человека, его сущность, смысл его существования. Другими словами, мифологизм выступает в качестве художественного средства, соответствующего определённой концепции мира. Суть его состоит «в обнаружении постоянных и вечных принципов, скрытых под обыденной поверхностью и сохраняющихся неизменными при любых исторических изменениях». Он вышел за социальные и исторические рамки и стал инструментом повествовательного структурирования [Мелетинский 2000: 129].

Таким образом, мифологизм представляет собой «художественную ассимиляцию мифологических элементов» сначала в фольклоре, а затем и в литературе [Хакуашева 2007: 7].

Следовательно, термины «фольклоризм» и «мифологизм» используются для определения процесса усвоения и дальнейшего развития традиций устного народного творчества. Однако, что именно представляют собой эти традиции, и в чём конкретно выражается опора на них, в большинстве работ не указывается.

Говоря о традициях устного народного творчества в литературе, об их преемственности, учёные обычно выискивают элементы сходства этих двух систем, внешние проявления. По мнению же З.Х. Толгурова, не следует искать следы фольклорных традиций в изобразительных средствах, писательском мастерстве. Основными признаками её являются чувство, точка зрения на человека, личность, его связь с жизнью [Толгуров 1997: 28]. Другими словами, автор отмечает глубинный, скрытый характер традиции. Однако, на наш взгляд, традиции могут иметь как явные, внешние, так и более скрытые, глубинные атрибуты. Другое дело – особенности их проявления. На первоначальном этапе преемственность фольклорных традиций неизбежно проявляется в заимствовании и подражании, а в более зрелый период – в глубоком творческом освоении [Бушмин 1978: 136].

Таким образом, традиция представляет собой определённый тип отношений между последовательными стадиями развивающегося объекта, когда старое переходит в новое и продуктивно работает в нём [Спиркин 1978: 8].

Традиции не являются чем-то постоянным, неизменным, с течением времени они, и сам характер их проявления, могут трансформироваться. Тем самым проблема традиций, преемственности теснейшим образом связана с проблемой новаторства. Без наследия предков было бы невозможным какое-либо движение вперёд, поскольку каждому последующему поколению приходилось бы начинать с нуля. Но

и тогда, «когда традиции перестают развиваться вместе с общим ходом истории, когда из живых и плодотворных основ и стимулов дальнейшего прогрессивного развития становятся тормозом его» [Благой 1978: 30], происходит то же самое.

Следовательно, продуктивное развитие (в том числе и литературное) возможно лишь при условии гармоничного сотрудничества прошлого и настоящего, традиций и новаторства, фольклора и литературы. Соотношение же традиционных и новаторских элементов в произведениях находится, как уже было отмечено, в прямой зависимости от эпохи, уровня развития общества, от требований, предъявляемых ими к литературе, но, в первую очередь, от индивидуальности писателя, степени его мастерства.

Литература

1. Благой Д.Д. О традициях и традиционности // Традиция в истории культуры. – Москва: Наука, 1978. – С. 28-36.
2. Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы: Монография. – 2-е изд., доп. – Л.: Худож. лит., 1978. – 224 с.
3. Гамзатов Г.Г. Взаимодействие литературы и фольклора: проблемы и суждения // Взаимосвязи фольклора и литературы народов Дагестана. – Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1986. – С. 7-41.
4. Гацак В.М. Роман и фольклор. Ион Друцэ «Бремя нашей доброты» // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР: Сб. статей / Отв. ред. и автор введ. У.Б. Далгат. – М.: Наука, 1975. – С. 16-38.
5. Далгат У.Б. Литература и фольклор (теоретические аспекты). – М.: Наука, 1981. – 303 с.
6. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика». – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 170 с.
7. Спиркин А.Г. Человек, культура, традиция // Традиция в истории культуры. – Москва: Наука, 1978. – С. 5-14.

8. Толгуров З.Х. Литератураны теориясы (Теория литературы). – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 200 с.

9. Хакуашева М.А. Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2007. – 379 с.

Кетенчиев М.Б.

ПРОБЛЕМЫ ВОКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Отношение к вокативным предложениям у синтаксистов-тюркологов неоднозначно. В ряде работ вокативное высказывание рассматриваются как разновидность номинативных конструкций (Алиев 1973: 103; Покровская 1978: 62; Баскаков 1984: 107; Закиев 1995: 197). Некоторые грамматики же их выделяют в отдельную группу, но при этом они рассматриваются вслед за номинативными предложениями (Кононов 1956: 513). В «Грамматике карачаево-балкарского языка» (1976: 503) вокативное предложение определяется следующим образом: «По сути дела вокативное предложение тоже обращение, в котором главным и единственным членом является название лица, к которому обращается говорящий. Однако это обращение-вокативное предложение, в отличие от простого обращения, бывает осложненным выражением нерасчлененной мысли, волеизъявления, чувства». Грамматики хакасского и башкирского языков (1975; 1981) их вообще не рассматривают.

Вокативное предложение по форме похоже на обращение, однако его следует разграничивать от последнего. По справедливому замечанию М.З. Закиева, главные члены «так называемых вокативных предложений... состоят из обращений с модальным оттенком укора или радости» (Закиев 1995: 197). В них репрезентируется побуждение к прекращению действия, выражается сожаление, упрек, несогласие с собеседником в чем-либо, призыв, радость и т.п.

В лингвистической литературе обращается внимание на связь обращения с предложением. Оно употребляется как самостоятельное высказывание и (вместе с интонацией) «полностью несет семантическую и прагматическую нагрузку» (Кронгауз 1999: 133).

Употребление вокативов, вне всякого сомнения, обуславливается факторами экстралингвистическими. Выбор их формы зависит от отношения говорящего (пишущего) к адресату речи. Такие параметры адресата, как возраст, пол, степень знакомства, отношения родства, дружбы, вражды и т.п. также подсказывают выбор формы вокатива. Таким образом, употребление вокативных предложений, как и обращений, ставит перед собой задачу воздействия на другого коммуниканта. Именно от этой точки зависит исход дальнейшего общения участников речи, поскольку они важнейший инструмент воздействия на слушателя. Порой вокатив более действенно и эффективно воздействует на него, чем само дальнейшее сообщение. Он социально обусловлен и отражает культуру народа, в которой наличествует не только универсальное, но и идиоэтническое.

Так, в карачаево-балкарском языке слово жолдаш употреблялось как «товарищ», хотя их семантический объем совпадает не в полной мере. Жолдаш – это, скорее всего, спутник (человек, идущий с кем-либо по одной дороге). Правда, нельзя сбрасывать со счетов и его метафорическое употребление.

Эгечден туугъан «родившийся от сестры», так старшие обращаются к тем, к которым питают большое расположение, что предопределяется традиционной культурой карачаевцев и балкарцев. При помощи таких и им подобных вокативов создается особое коммуникационное пространство, способное определить дальнейшую «стратегию и тактику» общения.

В определении смысла вокативного предложения «в устной речи огромную роль играет интонация. В письменной же речи характер интонации (следовательно, и значение предложения) определяется контекстом или авторскими

ремарками» (Ахматов 1976: 503). Примеры: 1) Эй, жаным, тенгим! Сен манга шагъырей болмагъан ишими юсюнден сѣз башладынг (фольк.) «Эй, душа моя, друг мой! Ты начал разговор со мной о неизвестном мне деле»; 2) Я Аллах, Азрет! Не мен акъылдан шашханма, неда сени аякъларынг тѣрт болгъандыла (фольк.) «О Аллах, Азрет! Или видно я сошел с ума, или у тебя появилось четыре ноги». Как видно из примеров, вокативные предложения могут оформляться притяжательными аффиксами 1-го лица и осложняться междометиями. Это предполагает усиление их экспрессивности. Лексическая наполняемость подобных предложений довольно свободная.

Известно, что включением обращения в предложение можно достигнуть его распространения. Как отмечал А.М.Пешковский, в письменной речи группа обращения часто делается эстетическим или риторическим центром, вбирающим в себя максимум мысли и чувства автора. В именительном падеже появляется возможность совмещения обращения и предикативного значения (Пешковский 1956: 407).

В художественной речи, в поэзии у обращения функция адресования речи часто ослаблена. Это позволило И.И.Ковтуновой выделить три разряда обращений. В первый разряд она включает обращения, которые совмещают в себе функции адресации и характеристики (обращения, характеризующие адресата). Второй разряд представлен обращениями, совмещающими функции адресации и номинации (обращения-номинации). В третий же разряд помещены обращения, в которых сочетаются все три функции – адресация, номинация и характеристика (фразовая номинация в позиции обращения) (Ковтунова 1986: 105). Примеры: 1) Хош кел, акъ жамычылы къонагъым! (К. Кулиев) «Добро пожаловать, мой гость в белой бурке!»; 2) Ой, эски Малкъар, сен не ачы эдинг (К. Кулиев) «Ой, древняя Балкария, как ты была горька»; 3) Бата туруп кеме тенгизге, Юллени ичгенин къоймагъан, Жеринден да къымылдамагъан, Аллаи беклик къолунгдан келген Капитан! Мен сени ёмюрге Суйгенме. Турабыз биз бирге! (К. Кулиев) «Когда корабль шел на дно, Не выпустивший

трубку из рук, Не сдвинувшийся с места, Обладающий таким мужеством Капитан! Я тебя навеки полюбил. Мы стоим вместе!»).

Для поэтической речи характерны именные конструкции, которые составляют обширную переходную зону между обращением и именными предложениями. В таких построениях со значением адресованности возможно совмещение всех тех значений, что обычно выражаются именными предложениями.

Во многих случаях для разграничения указанных конструкций необходимо обратиться к последующему тексту. Речь в третьем лице в нем свидетельствует о наличии именного предложения, а речь во втором лице – об обращении. Однако в балкарской поэзии встречаются именные конструкции с неоднозначным синтаксическим статусом: Тенгиз. Кёк. Наратла. Юзmez. Сен. Сизге жесир болгъанма кесим (К. Кулиев) «Море. Небо. Сосны. Песок. Ты. Вашим пленником стал я». Здесь ряд номинативных предложений, совмещающих в себе функции адресации и номинации, получает оттенок обращения в последующем тексте. Но они не утрачивают статуса предложений, который подкрепляется единством и теснотой стихового ряда. Таких примеров значительное количество в поэтической речи.

Думаланы башында тынч баргъан,
Боз башлыкълагъа ушагъан булутла!
Ма ауанагъыздан мылы болгъан
Биченлик, сары къаяла, сыртла.
Жерими кырдыгында жатханлай,
Мен, сизге къарап, кёп сагъыш этдим (К. Кулиев)
Над Думалой тихо проходящие,
Похожие на серые башлыки облака!
Вот от вашей тени намокшие
Сенокос, желтые горы, вершины.
Лежа на траве земли своей,
Я, смотря на вас, много думал.

Последующий за номинативными конструкциями текст в подобных рядах говорит о наличии обращений–препозитивов. Однако в них сохраняется и значение бытийности, и значение характеристики. Анализируемый материал свидетельствует о включении значения экзистенциальности во многие обращения–номинативные предложения, что зависит от их лексической наполняемости. По этой причине, на наш взгляд, имеет место рассмотрение их в одном ряду с номинативными предложениями.

Литература

1. Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. – 351 с.
2. Ахматов И.Х. Односоставные предложения // Грамматика карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – С. 488-507.
3. Баскаков А.Н. Предложение в современном турецком языке. – М.: Наука, 1984. – 200 с.
4. Грамматика карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 571 с.
5. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 495 с.
6. Грамматика хакасского языка. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1975. – 418 с.
7. Закиев М.З. Татарская грамматика. Т.Ш. Синтаксис. – Казань, 1995. – 576 с.
8. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 206 с.
9. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
10. Кронгауз М.А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 124-134.
11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

12. Покровская Л.А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978. – 203 с.

Кучмезова И.Х.,
Хуболов С.М.

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТНОШЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория отношения является важнейшей категорией в системе любого языка. Почти во всех существующих в лингвистике классификациях предикатов отдельным классом выделяются предикаты отношения. Как было отмечено выше, ядро предикатной лексики составляют глаголы. Наиболее полно глаголы отношения описаны Л.М.Васильевым (1971, 1976) и Р.М. Гайсиной (Гайсина 1981, 1997). Весь класс глаголов отношения Р.М.Гайсина делит на глаголы соответствия, равенства, неравенства, зависимости, классификационных и социальных отношений, эмоционального и рационального отношения.

Ею отмечается, что именно глагол является специализированным лексическим способом представления понятия отношения в языке. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что лексико-семантическое поле отношения характеризуется сложностью структуры. Последнее, кроме глаголов, выражается существительными, прилагательными и наречиями, которые различаются между собой способом представления понятия отношения в языке и характером ориентации этого понятия на определенное функционирование в составе предложения. “Глаголы представляют понятие отношения как грамматикализованный процесс и ориентируют его на предикатное функционирование; прилагательные (а также наречия) интерпретируют отношение как признак чего-либо и ориентируют понятие отношения на атрибутивное

функционирование; предикатные имена существительные представляют понятие отношения как грамматикализованный предмет и ориентируют его на актантное функционирование” (Гайсина 1981: 176). Отсюда видно что, такая важная языковая единица, как фразеологическая единица, осталась за пределами семантического поля отношения. Между тем в системе любого языка, в частности карачаево-балкарского, имеется значительное количество ФЕ (фразеологическая единица), характеризующихся семантикой отношения. На их основе строятся конструкции, которыми выражаются различные семантические структуры предложения.

Сема отношения требует наличия как минимум двух участников ситуации. Один из них выражает свое отношение к другому через речевую деятельность, поведение и эмоциями, поэтому можно отметить, что предикаты эмоционального отношения являются своего рода пунктом пересечения нескольких лексико-семантических классов предикатов речи поведения, чувства - с классом предикатов отношения.

Здесь рассматриваются соматические фразеологизмы с семой отношения, которые выражают следующие значения :

1) уважительное отношение: бетин чыгъар “показывать кого-то с хорошей стороны”- [Хашир:]: Школубузну бети чыгъарын излей эсек, биз барыбыз да бир юйюрча болайык (О.Х.) “Чтобы показать лицо нашей школы в лучшем свете, мы должны жить как одна семья”; жан бла тёммек кибик “неразлучный, неразделимый”- Къыралым! Поэзия! Кишилик! Мен сизнине- жан бла тёммек кибик (К.О.) “Страна! Поэзия! Мужество! Я ваш- душой и телом”;

2) неуважительное отношение: бети бла ойнайды “он играет с чьей-либо честью, позорит кого-либо”- [Домалай:] Къызны бети бла ойнагъанга кечим болмазгъа керекди (О.Х.) “Тому кто играет с честью девушки, пощады быть не должно”; кёз-къаш берме “относиться к кому-то неприветливо” - Мустафир кёз-къаш бермегенин, жашы анасын эркелетгенча, тансыкълагъанча этмегенин Букъминат жаратмады (Х.Ш.) “Букъминат не понравилось то, что Мустафир отнёсся к ней

неприветливо, не проявил к ней уважения, которое заслуживает мама”; башына урсун “не надо, пусть оставляет себе”- [Элкъан :] Къарындашым менден аягъан атын башына урсун (Фольк.) “А брат, пусть оставляет себе, коня, которого пожалел от меня”; кёлю чыкъды “он разочаровался в ком-то”- [Заурбек Озайгъа:] Сени акъыллы жаш сунуп тура эдим, энди уа кёлюм чыкъды (С.Ш.) “Я думала ты умный парень, теперь я в тебе разочаровалась”; бетине тюркюр “плевать в лицо” -Къарачай намысын къоруулагъан бла къалмай, эрини бетине тюркюре эди (А.Т.) “Къарачай не ограничилась отстоянием своей чести и плюнула мужу в лицо”;

3) мстительное отношение: аягъын мара “держать камень за пазухой”- Бир бири аягъыбызны марамайыкъ (О.Х.) “Не будем делать пакости друг другу”;

4) зависимое отношение: кёзюне къарагъан “зависимый от кого-либо” - Сени кёзюнге къарагъан жаш адамланы умутларын толтураллыкъса (А.Т) “Ты сможешь оправдать доверие молодых людей, которые надеются на тебя”;

5) сочувственное отношение: жаны ауруйду “он сочувствует, чувствует жалость, сострадание к кому-то”- “Ол ариу хайыуанчыкъгъа жаным ауругъандан жилийма,”- деп, Тетуу кёз жыламукъларын чыгъарады (Б.Г.) “Я плачу от сочувствия к этому красивому животному,”- прослезившись сказала Тетуу”; жүрегин тёкдю “он излил свою душу”- [Наныкъ Зурумгъа:] Къачан эсе да араларында бир затлары болгъан эди деп, теге тураса сен жүрегинги (О.Х.) “Из-за того, что когда-то между ними что-то было, ты сейчас изливаешь душу”;

6) отношение с симпатией: жүреги жабышады “кто или что-либо ему очень по душе”- Аны [Темиркъаннга] биринчи кёргенлей окъуна, кимни да жүреги жабышырыкъды (Ж.З.) “С первого взгляда к нему проникаешься симпатией”; къаш бер “приветливо посмотреть, смотреть с радостью в глазах”- Къонакъгъа аш бермесенг да, къаш Бер (Н.с.) “Даже если не угостишь гостя, будь к нему приветлив”;

7) обиду: жүрегине тюркдю “запало ему в душу”- Аны [Хажибекирни] хар терс, тапсыз сёзю бителмезлик жара болуп,

Жандетни жүрегине тышдю (О.Х.) “Каждое неправильное слово Хажобекира осталось в сердце Жандет открытой раной”; жүрек кыйын “обида”- Ыннаны кеп затха жүрек кыйыны болганын аны бет каны, мудахлыгы билдире эдиле (З.) “То, что у бабушки накопилось много обиды выдает её лицо полное обиды”;

8) доверительное отношение: жүрегин ачды “он открылся перед кем-то”- Адам бла терк-терк тубей, селеше, ушак эте, жүрегинги да ача, аны жүрегин да биле туруга керекди (Ж.З) “Надо почаще встречаться и откровенничать”;

9) унижительное отношение: башын энишге кьаратды “осрамить кого-то”- Планны толусунлай толтуралмагьанланы жыйылыуда башларын энишге кьаратдыла (К.ж.) “Тех, кто не справился с планом, на собрании осрамили”; башын жерге сукьду “опозорить кого-то”- [Саняйт:] Кьызым, биреуню юйюрюн бузуп, башыбызны жерге сукьсанг, эшитмедим деме (Фольк.) [Саняйт:]” Дочка, смотри не опозорь нас, разрушив чью-либо семью”;

10) надоедливое отношение: башын сууга атарыкь этди “сильно надоест, довести до отчаяния”- [Анасы жашына:] Сени адамла арасында кесинги жүрюте билмеуюнг, халсызлыгынг башымы сууга атарыкь этгендиле (К.ж.) “Твое поведение и неумение вести себя в обществе мне осточертело”; кез ачдырма “притеснять”- Бизни Мёлеуше уа бютюн да бу арт кезиуде кез ачдырмай башлагьанды (Э.Г.) “Наша Мёлеуше особенно в последнее время не даёт нам проходу”;

11) заботливое отношение: кез-кьулакь бол “приглядывать, присматривать за кем-либо”- Ортабайны керегине, Рая кетгенден сора, Зайнаф бла Сакинатха да дайым кез-кьулакь болургьа, кьалай ёсенлерине таймаздан кьараргьа борчум эди (А.С.) “После ухода Раи присматривать за Ортабаем, Зайнаф и Сакинат было моим долгом”;

12) высокомерное отношение: кетен кьайыр “мнить о себе больше чем заслуживает”- Кьайдагы да манга кетен кьайырады (Н.с.) “Каждый мнит о себе больше чем заслуживает”;

13) отрицательное отношение: чачын-башын жырт “сильно ругать кого либо”- Анасы, ачыуланып, кызыны чачын-башын жырттыргъа жетди (З.) “Мать сильно ругала свою дочь”; чачдан-башдан бол “ссориться, ругаться”- Нек эсе да даулаша кетип, эки къатын чачдан-башдан болдула (З.) “В процессе ссоры обе женщины поссорились”;

14) пренебрежительное отношение: бет берме “избегать кого-либо”- Исса не бек кюрешсе да, Халиймат бет бермейди, тюбемезге кюрешеди (К.ж.) “Как бы Исса не старался, Халиймат избегает его”; къулагына алмайды “и ухом не ведёт”- Тюкенчи, эшек бузгъа тирелгенча тирелип, отказны уруп къойгъан болмаса, Хожаны айтханын чырт къулагына алмагъанды (А.Ё) “Продавец упёрся как осёл и даже не стал слушать разговоры Хожи”.

Из изложенного видно, что наиболее частотными среди рассматриваемых единиц являются фразеологизмы с соматизмами кёз, жан, жүрек.

Литература

1. Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли, речи // Очерки по семантике русского глагола. - Уфа: Изд-во Башк. ГУ, 1971. - С. 78 - 96.
2. Васильев Л.М. Семантический класс глаголов поведения в современном русском языке // Исследования по семантике. - Уфа: Изд - во Башк. ГУ, 1976. - С. 41 - 64.
3. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. - Саратов: Изд - во Саратов. ГУ, 1981. - 196с.
4. Гайсина Р.М. Категория отношения в языке: Аспекты рассмотрения // Категория отношения в языке. - Уфа, 1997. - С. 8-12.

Малкондуев Х.Х.

СПОРТ КАК ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

Тема народных игр карачаево-балкарского народа, так или иначе затрагивалась в трудах многих видных ученых, в том числе и таких, как академик Самойлович, профессора Л.И. Лавров, М.Дж. Каракетов, а также У.Ж. Алиев, В.М. Батчаев, А.З. Холаев, Ю.Н. Асанов, И. Шаманов, А.И. Мусукаев, М.Ч. Кучмезова и др.

Опираясь на устные традиции, более подробно писал об этом собиратель фольклора Далхат Таумурзаев в своей книге «Детские игры карачаевцев и балкарцев», в которой пытается осветить данную проблему более полно.

Народные игры были в равной степени распространены с востока на запад, на территории, где компактно проживал в ущельях (Малкар (Балкария), Холам, Чегем, Баксан, Кобан, Теберда) у подножия Большого Кавказского хребта этнос «таулу», как называли себя согласно канонам эндоэтнонима карачаевцы и балкарцы.

Наиболее распространенными были несколько национальных видов спорта. Среди них следует особо выделить «Тутуш» – «Борьба», «Жип тартыу» – «Перетягивание веревки», «Чариш» – «Скачки», «Къаягъа ёрлеу» – «Восхождение на скалу», «Жюзюу» – «Плавание», «Къол таш атыу» – «Метание камня», «Чыпыннга ёрлеу» – «Лазание на столб» и др.

Часто спортивные игры сопровождали календарные обряды. Так, в период проведения пахоты весеннего общинного обряда «Сабан той» (вспомним у татар «Сабан туй»), что в интерференции означает «Праздник пахоты», устраивали различные игры, носящие спортивный характер. Группа женщин (независимо от возраста) должна была перебежать как можно быстрее свежеспаханное поле, а самые молодые супруги – после этого совершить, будучи сокрытыми от глаз любопытных дымовой завесой, половой акт. Данный языческий ритуал носил явно выраженный языческий контагиозный характер, и имел древнейшие традиции в человеческой

культуре. В прошлом подобное имело место и в обрядности некоторых кавказских народов, например, у адыгов. Значение ритуала заключалось в том, что молодая супружеская пара должна была быть плодотворной, а молодое поле – урожайным и богатым.

Толстушке, занявшей первое место в беге, в зависимости от возраста делали подарки, которые, согласно ритуальной традиции, было принято называть «Жаз башыны сыйы» – «Подарком весны».

Интерес представлял и весенний обряд «Голлу», во время проведения которого, по данным фольклориста А.З. Холаева, «...устраивали различного рода состязания: бег, стрельба из лука, толкание камня и др. В такой обстановке иногда какой-нибудь решительный парень на коне умывал поправившуюся ему девушку».

В прошлом в Безенги существовал танец стариков под названием «Голлу», который проходил в зимнее время в сакле одного из видных общинников. Пожилые люди должны были танцевать вокруг очага и центральной опоры дома, что находился посередине сакли, исполняя традиционные ритуальные песни, совершать десятки и сотни кругов.

Кто не выдерживал состязания, должен был покинуть танцевальный круг. Данный обряд хорошо описан этнографом Ю.Н. Асановым.

Такое спортивное состязание, как борьба, почиталось всей общиной, ему придавалось большое общественное значение. Нередкими были случаи, когда в качестве приза победителю князя выставляли коня с дорогим седлом. В состязаниях по такому поводу принимали участие представители нескольких ущелий.

Борца, которого никто не мог одолеть, называли термином «гѣжеф» – «богатырь». Песни и легенды о нем передавались из уст в уста. Так, народная память сохранила повествование о следующем случае.

Из Карачая в Баксанское ущелье прибыло несколько всадников, объяснивших, что они приехали в Баксан по

поручению карачаевских стариков. К ним (в Карачай) явился некто бывалый богатырь из Сванетии, который победил всех их умелых борцов. Потому они приехали позвать с собой удалого и всесильного баксанца Байзуллаева Току.

В старый карачаевский аул Карт-Джурт собрались тысячи людей, чтобы наблюдать за поединком двух богатырей. Началась борьба. В первые же минуты Току настолько сильно сжал своего противника, что у того изо рта пошла кровь и наступила смерть.

По этому случаю в Карачае была сложена песня, а старожилы-баксанцы хорошо помнят это предание.

Среди знаменитых борцов Чегемского ущелья в народной памяти сохранились имена Калабекова Магомеда, Таппасханова Салаха, Хочуева Таулана. Однако лучшими борцами считались выходцы из Уллу Малкъар (Большой Балкарии), где спортивные игры «Тутуш» проводились каждый год осенью в местности Уштулу.

Спортивная игра «Жип тартуу» – «Перетягивание веревки» – также имеет древние корни. Состязание проходило осенью, когда завершалась страда, и люди были относительно свободны от повседневных трудов. Соседские общины договаривались и выставляли друг против друга равное количество физически крепких ребят, числом от тринадцати до двадцати человек, и по команде начиналось перетягивание веревки. Победители получали овцу или теленка, им преподносили емкость с бузой или сырой (пивом).

Тем не менее, наиболее любимым видом спорта карачаевцев и балкарцев все же был «Чариш» – «Скачки». Объяснялось это тем, что традиционно в карачаево-балкарском этносе культ коня занимал значительное место и имел довольно древние корни. Вспомним эпических богатырских коней Гемуду и Колана, которые верно служили нартским героям, спасая их в тяжелые минуты от их извечных врагов эмегенов, или же знаменитых коней (Чычхансырт, Джылан и Учхан-Къуш) в народных историко-героических песнях.

Скачки проводились два раза в год – поздней осенью и весной – в зависимости от того, насколько община была готова к этому мероприятию.

Чегемцы и хуламо-безенгиевцы обычно проводили скачки совместно на поляне Кереут; малкарцы – выше соседних сел, на большой поляне Уштулу; карачаевцы – между селами Хурзук и Карт-Джурт. В качестве приза для победителя обычно выставляли быка или буйвола.

В народной памяти сохранились клички знаменитых коней, которые прославились своими подвигами на скачках и разного рода состязаниях. Это – Гемуланы Учхан Тайчыкъ (Гемуевых Летящий Жеребенок), Жабелланы Сокъур Ажир (Жабеловых Слепой Жеребец), Хахуланы Акъ Ат (Хахуевых Белый Конь), Жанхотланы Къара-Буу Ат (Жанхотовых Конь Кара-Бу), о которых народ сложил замечательные песни, удивляющие своими художественно-эстетическими достоинствами.

Так, согласно преданиям и песням, молодой красавец-всадник Гемуев Атлы из старого, ныне заброшенного аула Думала в Чегемском ущелье оказался победителем в конном состязании в Карачае в XIX в., где, помимо карачаевцев и балкарцев, были и представители Дигории, Кабарды, Ногая. Причиной этих соревнований явилось то, что красавица-карачаевка из богатейшей дворянской патронимии Байчоровых пообещала выйти замуж за того, кто сумеет подняться на коне без седла на гору, а затем переплыть Кубань несколько раз, что и сделал храбрый чегемец, прославив тем самым и себя, и своего коня. После этого Гемуевых начали называть в народе «Тайчылары» (в интерференции – «Жеребёнковы»). Об этом событии народ сочинил замечательную песню. Вот как звучат некоторые ее строки:

Когда заканчивались игры,
Вдруг появился всадник.
Его конь встал на дыбы,
Одним прыжком он оказался посередине

Кубани.

Переплывал он Кубань, словно горный барс,

По склонам он мчался, словно тур,
С горы на гору перелетал, словно коршун,
Спускался вниз, словно трехлетний олень
«Летящим чегемцем» прозвали его
Удивленные его виртуозной игрой.

К сожалению, в наши дни многие хорошие обычаи, традиции и обряды прошлого утрачиваются. Именно поэтому мы должны приложить все усилия, чтобы они не оказались преданными забвению.

Махиева Л.Х.

ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОКРАШЕННЫХ СИНОНИМАХ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблеме синонимии посвящено немало работ как в русском, так и в тюркском языкознании. Вместе с тем эмоционально-экспрессивные функции синонимов в лексике карачаево-балкарского языка, имеющего определенные литературные традиции, остаются малоисследованными. В настоящей статье предпринимается попытка освещения некоторых сторон эмоционально-окрашенных синонимов в современном карачаево-балкарском языке.

Синонимы – слова, разные по звуковой форме, но тождественные или близкие по значению, употребляющиеся для обозначения одного и того же понятия. Они могут различаться между собой либо оттенками значения в пределах данного понятия, либо экспрессивно-эмоциональной окраской, либо употреблением в определенных стилистических условиях, в определенных сочетаниях с теми или иными словами. Так, например, слова акъ, тѣгюл, саркъ в карачаево-балкарском языке могут быть синонимичными в значении «течь», однако каждый

из них еще имеет дополнительные оттенки значений. Синонимичность этих слов была бы невозможна без общего для всех них значения. Но значения неодинаковы у всех слов – синонимов. Некоторые из них являются названиями эмоций и переживаний, поэтому эмоциональность присуща их лексическому содержанию.

В карачаево-балкарском языке многочисленны ряды таких синонимов, которые различаются оттенками значений или по стилистической окраске. Подавляющую часть стилистически окрашенных синонимов составляют синонимы с эмоциональной окраской.

Эмоциональная окраска имеет множество разнообразных оттенков: одобрительный, уничижительный, пренебрежительный, презрительный, ласкательный, бранный, иронический, шуточный, насмешливый, неодобрительный, осудительный и др.

Эмоционально окрашенные синонимы подразделяются на 1) эмоционально положительные, 2) эмоционально отрицательные и 3) эмоционально положительно-отрицательные (нейтральные).

Эмоционально положительные синонимы выражают положительные эмоции, содержащие положительную оценку (мелиоративы), которые могут способствовать созданию позитивного образа. В частности они служат для выражения радости, похвалы, восхищения, уважения и т.д. Например, синонимы с оттенком уважительности употребляются в условиях торжественной речи с установкой на проявление объекта речи и «выражают почтительное, уважительное, вежливое, дружеское, отрицательное отношение автора речи к адресату» (Улаков 1995:24). Ср.: акьсакъл – тамата выражает почтительное отношение к старшему; ата – аття «отец» – почтительность, вежливое, уважительное обращение.

Среди синонимов, выражающих положительные эмоции, можно выделить синонимы с оттенком одобрения: жараулу – жарагъан «хороший, настоящий», асыл – асыллы

«воспитанный», кючлю – къарыулу – борбайлы «сильный», чырайлы – келбетли «красивый, симпатичный» и др.

Синонимы с оттенком хваления служат для выражения похвалы, полной удовлетворенности чьим-либо поступком, состоянием кого-либо, восхищения, восторга. Ср.: кишилик – эрлик «мужество», жигитлик – батырлыкъ «смелость», мадарыулу – мадарлы – мадарымлы «ловкий, находчивый» и т.д.

Эмоциональность и оценочная окраска синонимов может быть образована и морфологическим путем. Например. В эмоционально положительных синонимах ласкательность вне контекста может передаваться с помощью ласкательных и уменьшительных аффиксов. Ср.: аття – аттыка «дедуля», гелля – гелляка, амма – аммака, ання – анняка «бабуля». Синонимы с оттенком ласкательность могут иметь разговорный характер: алтын «золото», алтынай «золотко» – алтыным «золотце мое», гитче – гитчемай – гитчека «маленький», наным-ханым «милый мой» и др.

Как видно из примеров, помимо аффиксов уменьшительности и ласкательности, здесь наличествуют аффиксы принадлежности, которые усиливают эмоциональную окрашенность.

Эмоционально отрицательные синонимы с отрицательной оценкой (нейоративы) выражают неодобрительное, пренебрежительное, презрительное, ироническое, унижительное отношения говорящего к предмету речи или адресату. Ср.: эринчек – мытыр «ленивый», тели – акъмакъ – сылхыр – башсыз «глупый» и др. Среди эмоционально отрицательных синонимов, выражающих отрицательные эмоции, выделяются синонимы с бранным оттенком. Они выражают оскорбление, порицание, упрек, осуждение вне контекста. Ср.: уллубыдыр – быдырбай – быдыркъай «пузатый, брюхатый, пузан», кимилди – гыбышы «незаконнорожденный», кирли – киркитай – кирряй – шылагота – шылхан – шиппе (малк. гов.) «грязнуля» и др.

В иронических эмоциональных синонимах наблюдается высмеивание, насмешка, издевательство, которые выражаются

как в открытой, так и в скрытой форме. Ср.: Сиз уллубыдырла, ашамишле, къазанкъырласыз! (А.Т.) «Вы большепузые, любящие поесть, прожорливые!»! Жашны шайтансуу эшигин жапханды. «Парня погубила чертова вода (водка)».

В синонимах с оттенком уничтожения отражаются отрицательные эмоции, чаще пренебрежение. В частности они могут отражать какие-нибудь недостатки (чаще человека). Например, малхуня – малхьяр – миябаш – хьярбаш – гаккыбаш «одурелый, дубина», къызгъанч – жутдай – малкёз – чымыр (малк. гов.) «жадный», къызбай – къызтеке – къызукку (малк. гов.) «женоподобный» и др.

Синонимы с презрительным оттенком выражают большую степень неуважения: къошакълы – къолан – ахмадий (карач.) «причудливый», уручу – гудучу «воришка», жаншакъ – гырылдауукъ – сёз къапчыкъ – сёзтепер (карач.) «болтун, пустозвон».

Эмоционально положительно-отрицательные (нейтральные) синонимы одновременно могут выражать и положительные и отрицательные эмоции. Нейтральную оценку имеют синонимы, в которых отсутствует ярко выраженное одобрение или осуждение. Например, послелог себепли имеет несколько синонимов: сартын, къыллы, амалтын и большая их часть – яркие, эмоционально окрашенные слова.

Отметим, что синоним тематически может содержать описание любого предмета, однако наиболее эмоционально окрашенным является описание, когда объектом является человек. Окружающие предметы, их свойства, действия, состояния познаются человеком во всем своем многообразии. Так появляются синонимы, имеющие общий смысловой стержень и позволяющие с предметной ясностью детализировать описываемые явления. Эмоционально окрашенные синонимы часто используются как для описания ипостасей внешнего человека (поведения, внешнего облика, социального положения, физического состояния), так и внутреннего (в большинстве случаев – эмоционально-волевой и интеллектуальной сфер). Ср.: адепли – сырлы – ишленмекли

(карач.) «воспитанный», ариу – чырайлы – келбетли – айбат «красивый», кючлю – кьарыулу – борбайлы «сильный», сабыр – тынч «спокойный».

В художественных произведениях чаще всего описывается эмоциональная сфера человека, при этом синонимизируются именно обозначения эмоций. Возможно описание автором своего эмоционального состояния, чувств и эмоций персонажей. В речи персонажей синонимы часто восполняют оценочную функцию. Например, выбор писателем синонимов зависит от речевого поведения адресующего, его личности. Использование синонимов с бранным, грубым оттенком помогает раскрыть внутренний мир, характер персонажа. Ср.: Аллында турганны да кёрмезсе, сен кьакьырау! «Косоглазый, ты не увидишь даже то, что лежит (стоит) перед тобой!» В приведенном примере синоним содержит отрицательную оценку действия героя.

Из вышеизложенного следует, то, что эмоционально окрашенные синонимы составляют довольно большую часть лексики карачаево-балкарского языка. Как отмечает Ж.М.Гузеев, «хотя в зависимости от контекста и речевой ситуации характер эмоционально-экспрессивной окраски может видоизменяться, общая эмоционально-экспрессивная окрашенность у слова, как правило, всегда сохраняется» (Гузеев 1993:71).

Таким образом, в исследуемом языке синонимы выражающие эмоции, содержат в себе различные чувства говорящего в зависимости от того, как адресующий относится к адресату, - чувства либо положительные, либо отрицательные, т.е. они помимо коммуникативной функции, выполняют и эмоционально-экспрессивную. В основном они представляют разветвленные системы лексических единиц, объединенных общим семантическим признаком категориально-лексического характера «эмоциональность». В свою очередь, эмоциональность позволяет выбрать то слово, которое наиболее уместно в конкретной речевой ситуации, стилистически оправдано в том или ином контексте. И чем лучше мы владеем

синонимическими средствами языка, тем легче нам говорить и писать на этом языке.

Литература

1. Ахматова М.А. Однокоренные синонимы в карачаево-балкарском языке: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Махачкала, 1997.
2. Гузеев Ж.М. Функционально-стилистическая отнесенность и эмоционально-экспрессивная значимость слов // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1993.
3. Улаков М.З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1995.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка // Под ред. Н.А. Кожина. – М.: Наука, 2003.

Мизиев А.М., Айдарова М.Т.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖДОМЕТИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Междометия в карачаево-балкарском языке выделяются своеобразием их фонетического оформления, семантико-грамматической формы и специфической коммуникативной функцией. Вопросы описания междометий и междометных единиц неразрывно связаны с такими вопросами языкознания, как дихотомия языка и речи, категориальная принадлежность, номинация, предикация и др.

Изучение междометий ставит перед исследователем целый ряд проблем. В теоретическом плане - выявление сущности междометий и определение их лингвистического статуса, в практическом - исследование разнообразных функций междометий в устной и письменной формах речи, особенности употребления междометий в речи, в зависимости от гендерной, возрастной и социальной принадлежности междометий, анализ

результатов переводческого процесса и выявление наиболее адекватных способов перевода междометий с одного языка на другой.

Междометия и междометные образования долгое время оставались за пределами специальных научных исследований. В последние десятилетия интерес к проблеме междометий возрос, но до сих пор междометия являются одной из наименее изученных областей лингвистики, так как в науке о языке наблюдается противоречивое толкование междометия.

Одним из наиболее сложных вопросов многокомпонентного анализа междометия в карачаево-балкарском языке является определение его семантического содержания, которое непосредственно связано с эмоциональным или волеизъявительным поведением человека в конкретной речевой ситуации. Сложность определения семантики междометий обусловлены наличием в любом языке однозначных и многозначных (диффузных) междометий. «Междометия с семантически диффузными функциями передают общее состояние возбуждения, и потому могут использоваться для выражения разнородных душевных состояний... С опорой на содержание и общую эмоциональную окрашенность речи одно и то же междометие может выражать одобрение и порицание, испуг и радость, восхищение и презрение, страх и решимость. В сужении и уточнении семантики таких междометий велика роль интонации, мимики, жеста».

Среди продуктивных типов междометий называются фразеологические сочетания и сращения, идиомы, которые выражают «сложный комплекс переживаний, эмоциональных оценок и волеизъявлений», типа: ма санга, хау санга, и т.д. Л.П.Карпов даёт классификацию междометий «по семантике в её основной коммуникативно-речевой направленности». Согласно его классификации, все междометия русского языка делятся на три группы:

1. Оценочные:

а) эмоциональной оценки; б) логической оценки: хау-«да», угъай-«нет», ангыладым-«понятно» и т.п.

2. Апеллятивные: а) контактирующие; б) увещательные, поздравительные, пожелательные; в) императивные.

3. Экзистентные:

а) звукоподражательные; б) процессуально-динамические.

Собранный нами фактологический материал свидетельствует о том, что междометия карачаево-балкарского языка включает следующие семантико-грамматические разряды:

1. Междометия, которыми выражаются чувства, эмоции, типа: асто! а! охо да! (удивление), аха, хау, ыхы (одобрение), хау санга (удовлетворение, смешанное с угрозой), тьфу, пу, фу (отвращение), уф, ух (усталость).

Примеры: [Зубайда:] Асто, бу байлап тургъанлары уа къайсы къыйынлыды? (Боташланы Исса) «Ах, а этот связанный кто такой?»;

«Охо, къарындашчыгъым, сен айтханлай болсун», - деп къойду Алий да («Минги Тау») «Хорошо, братик, пусть будет так, как скажешь,-сказал Алий».

Сюда были включены все первичные, производные эмоциональные» междометия.

2. Группа междометий, производных от имён существительных, типа: Аллах-Аллах, пу анасыны, атасыны, и т.п. близких по смысловым оттенкам к производным эмоциональным междометиям. Они отличаются от других междометных разрядов характером интонаций, смысловыми и синтаксическими возможностями. Примеры: Пу анасыны, аланы бир окълары барды да, жангыз бири эки жыйырма гёренке болур «Тьфу, урод! У них есть такие пули, которые очень тяжелые»; Пуу анасыны, бу адамны Аллах бизге кеси тибетип къойгъан болур эди! (Этезланы Омар) «Вот тебе раз, этого человека сам Бог нам послал!»; [Жашланы бири:] Аллах-Аллах, Осман, керти да саулукълу кёреме сен! (Шауаланы Хасан) «Боже мой, Осман, да ты и вправду здоров!».

3. Междометия, выражающие волевые изъявления побуждения, своеобразная группа междометных императивов:

ма санга! алай болур! (предложение), цыц! тс! шш! (запрещение), марш! алло! (в значении приглашения или побуждения, к какому-либо действию). Примеры: [Ислам:] Тсс! Жап аузунгу, сабий бусагъатда жукълагъанды, уятаса.- «Тсс! Закрой свой рот, ребенка разбудишь, он только что уснул».

4. Междометия, выражающие эмоционально - волевое отношение к речи собеседника, в которых обнаруживаются аффектные оценки, вызванные репликами собеседника.

Данные междометия характеризуются оттенком модальности. К этой группе относятся: хы, хау, охо (подтверждение); угъай (отказ); а? ай? ой? (оклик).

5. Междометия, «являющиеся своеобразным экспрессивными звуковыми жестами, которыми обмениваются соответственно общественному этикету знакомые или встречные в различных жизненных ситуациях». Например, Аперим, Салам алейкум! Алейкум салам! Примеры: [Азамат:] Аперим, Назир, тюз айтаса, соймеген жау да, бал да ашамайды (Залийханланы Жагъафар) «Молодец, Назир, правильно говоришь, кто не хочет ни масло, ни мед не ест».

6. Бранные междометия, типа: пу анасыны! Примеры: Пу анасыны, мынафыкъ! Бусагъатда Аллахларын унутханла, жюйюсханланы мюлклерине сенича журтланганла кёпдюле (Боташланы Исса) «Тьфу ты, урод! Сейчас много безбожников, претендующих на богатства господ, как ты»; Тьфу, нажас, сенден чыкъмазлыкъ жокъду. «Тьфу, негодный, ты на все пойдешь».

7. Звательные иначе вокативные междометия: эй, э жаш, э киши, хей.

Примеры: Эй, Жабалакъ! – деп, кезиу-кезиу стражникле экиси да эшикни къамичи сапла бла къакъдыла . (Гуртуланы Берт) «Эй, Жабалакъ!- сказали стражники и по очереди начали бить кнутом двери»; Э жаш, - дер эди Осман, - Эртте къопхан адамны ажири да тай табады дегендиле бурунгула (Залийханланы Жагъафар) «Э парень, сказал бы Осман, кто рано встает, тому Бог подает».

8. Звукоподражание типа: кишт, юш, и т. п. Примеры: Зулейхат, секирип туруп: «Юш-ш, юш-ш!»-дей, тауукъланы изгилтин этди (Толгъурланы Зейтун) «Зулейхат вскочила и с криком «Юш-ш, юш-ш!» разогнала всех кур»; Ала кыыттай, гёзенекге минип, элни тёбен жанына айланып кычыра эди, анга уа ким: «Хайыр хапар айт», - деп, алгыш эте эди, ким: «Юш, бош кьаллыкъ», - деп ачыгулана эди (Тёппеланы Алим) «Пестрый петух, взобравшись на плетень, кричал в нижнюю часть села. Одни его благословляли: «Да принесешь ты хорошую весть», а другие злились: «Кыш, да пропади ты».

Таким образом, история изучения междометий показывают, что трактовка междометий карачаево-балкарского языка является одной из наиболее спорных, и, в то же время, наименее исследованных областей науки о языке. Противоречивое толкование лингвистами сущности междометий берет свое начало в античных грамматиках. В научной литературе можно выделить три тенденции освещения междометий как языковых единиц, основные положения которых сводятся к следующим:

а) междометие является словом и частью речи, имеет многообразные функции в речи;

б) междометия не признаются частью речи, отождествляются с инстинктивными звуками и рефлекторными выкриками;

в) междометия стоят за пределами логического языка, представляя собой особый аффективный язык.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь, М.: 1990.
2. Карпов Л. П. Междометные слова и выражения русского языка и их основные синтаксические функции: Афтореф. дисс. ... канд. филол. наук.- Ростов н./Д., 1971.

Мизиев А.М., Айдарова М.Т.

КОГНИТИВНЫЕ МЕЖДОМЕТИЯ В КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Междометия, представляя собой одно из наиболее ярких средств эмоционально - экспрессивного выражения коммуникативного смысла, являются важным компонентом процесса общения, благодаря своей особой функциональной нагрузке, которая заключается в непосредственном выражении эмоции и волеизъявлении. В системе языка они значительно отличаются от других типов языковых единиц, по своим грамматическим признакам и по своей функции в речи, как краткие, мгновенные эмотивные формы выражения отношения говорящего к ситуации общения.

К когнитивным относятся междометия, способные отражать состояние сознания и мыслей субъекта, которые отличаются от всех других междометий тем, что они «носят интеллектуальный характер, и совсем не обязательно предполагают эмоциональную окраску, хотя и остаются словами экспрессивно-изобразительными, непонятными» (Карпов, 1970: 24).

В составе когнитивных междометий нами рассматриваются междометия, которые выражают: 1) узнавание; 2) припоминание; 3) догадку; 4) понимание; 5) подтверждение; 6) возражение.

В лингвистической литературе статус и объём междометий классифицируются по-разному, что объясняется неоднородностью оснований, по которым они выделяются, а также своеобразием семантико-грамматической структуры и звуковой формы междометий.

Узнавание определяется как опознание воспринимаемого объекта как уже известного по прошлому опыту. В карачаево-балкарском языке это значение может выражаться междометием а, которое произносится на выдохе, более или менее протяжно, что на письме обозначается несколькими а: А-а! А-а-а! Данное междометие содержит семантический компонент наблюдения, является реакцией на

невербальную информацию, в высказывании для него более характерна препозитивная дистрибуция. Примеры: А-а-а-а! Салам алейкум, Салим жюйюсхан! (Боташланы И.) «А-а-а-а! Здравствуйте, господин Салим!»; А-а-а! сенмисе жашым? Къатыма бир келчи «А-а-а! Это ты сыночек? Подойди ко мне»; А-а, эгечден туугъан, кюнюнг ахшы болсун («Минги Тау») «А-а, племянница, добрый день».

Междометие ой с семантическим содержанием узнавания является реакцией на неожиданный невербальный стимул. Характеризует «растерянное» поведение субъекта (говорящего). Чаще употребляется в начале высказывания. Примеры: Ой! Жюйюсхан оберлейтенант, келигиз (Боташланы И.) «Ой! Господин оберлейтенант, проходите»; Ой, Аминатды ол келген. Бусагъат мен аны бир иги къоркъутайым (Боташланы И.) «Ой, это Аминат идёт. Сейчас я её напугаю».

В карачаево-балкарском языке догадка может передаваться междометием А! Произносится на выдохе, протяжно. Имеет варианты написания: А-а! А-а-а! Обычно является ответной реакцией на полученную вербальную информацию. Употребляется в начале высказывания. Примеры: А-а-а, жолдаш оперуполномоченный, сиз а Кундурну хыйлаларына ийнанып тура кёреме да... (Боташланы И.) «А-а-а, товарищ оперуполномоченный, по-моему вы верите хитростям Кундура...».

Междометия, со значением припоминания выступают в речи как реакции на реплику собеседника, событие или на собственную мысль. В карачаево-балкарском языке припоминание чаще всего выражается междометием А-а! Произносится протяжно, что на письме иногда обозначается как А-а-а! В «Орфографическом словаре карачаево-балкарского языка» данное междометие представлено как а. В письменной форме речи в равной степени встречаются варианты написания А! Аха! Для междометия характерно препозитивное употребление. Примеры: А-а! Кечгинлик бер! Къарангыда мен сени танымагъанма (Боташланы И.) «А-а! Извини! В темноте я

тебя не узнал»; А-а-а! Ма алайчыкъда турады! («Минги Тау») «А-а-а! Вот там лежит!».

Междометия, выражающие понимание в речи чаще всего являются реакцией на реплику собеседника, событие или откликом на собственную мысль. В карачаево-балкарском языке для передачи понимания в письменной речи используется междометие Охо! Степень выражения семантического содержания пассивная. Примеры: Охо, Ибрахим, мен аланы тар къолда бир тыйсам, биз сау болуп, ала Кенделеннге ычхынмазла, Къонакъ жетсе уа, бу акъ къабанланы артларын былайда этербиз (Боташланы И.) «Ладно, Ибрагим, я постараюсь их задержать в узком ущелье, будем живы, они в Кенделен не пройдут, а когда подоспеет Конак, мы этих белых кабанов здесь же уничтожим». Также понимание в карачаево-балкарском языке может выражаться междометием Ыхы! Примеры: Ыхы. Келдим. Ма бери бурулдукъма. Бу ауур эшикни ачарыкъма («Минги Тау») «Ага. Я пришел. Повернусь сюда. И открою эту тяжелую дверь»; Ыхы -ыхы. Не да болсун, жигит, бу жазыу ишни атып къойма («Минги Тау») «Ладно-ладно. Что бы ни случилось, герой, а писать не бросай».

В карачаево-балкарском языке междометием, выражающим подтверждение является Хау! Хы! Междометия Хау! хы! В данной модификации значения не содержат эмоционального компонента смысла. Являются реакцией на предшествующее высказывание собеседника. Могут употребляться как в начале, так и в конце фразы. Примеры: Хы, сен уучудан къачханенг. [Къоян] Мен ... мен а ушкокдан («Минги Тау») «Ага, ты от охотника убежал. А я от ружья»; Хау, алайды, ийнаныгъыз, эллиле,- деди къыз ичинден. [Налжан] («Минги Тау») «Да, это так, верьте сельчане».

Междометие Охо, Ыхы, со значением подтверждения широкое употребление имеет в письменной речи. Является реакцией на высказывание собеседника или откликом на собственную мысль: «Охо, къарындашчыгъым, сен айтханлай болсун», - деп къойду Алий да («Минги Тау») «Хорошо, братик, пусть будет так, как скажешь,- сказал Алий»; Ыхы, маржа,

жашла, ыннагъа къайсыгъыз болушасыз? (Зокаланы З.) «Ага, мальчики, кто из вас будет помогать бабушке?».

Междометия, передающие значение возражения, всегда являются реакцией на какую-либо вербальную информацию. Междометия эй, э-э, эй-я, выражающие возражение в речи выступают в сочетании с высказыванием, передающим несогласие с какой-либо информацией. Является реакцией на высказывание собеседника, откликом на собственную мысль. Характеризуется препозитивной дистрибуцией. Примеры: Эй-я, таланган! Аны уа анда не атасыны башы кългъанды?! (Боташланы И.) «Эй, да что он там забыл!»; Э-э-э! Жюйюсхан оперлейтенант, не медет, бусагъатда къыркъ биринчи жыл угъай, башха жылды (Боташланы И.) «Э-э-э! Господин оперлейтенант, на дворе не двадцать первый век, а другой».

Междометие угъай, в зависимости от интонации, обозначает возражение, несогласие с воспринятой информацией. Может употребляться изолированно, или в сочетании с поясняющим предложением. Примеры: Угъай, большевикча сѣлешмейме, адамча сѣлешеме, айтдырмай къоймай эсенг а - таулуча («Минги Тау») «Нет, я не как большевик говорю, а как человек, как балкарец».

Очевидно, что одно и то же междометие может выражать разные когнитивные смыслы, что характерно и для эмотивных междометий. Многозначность междометий не вызывает трудностей у носителя языка, так как она снимается с помощью невербального или вербального контекста, паралингвистическими и супрасигматическими средствами.

Литература

1. Грамматика карачаево-балкарского языка. - Нальчик: Эльбрус, 1976.
2. Карпов Л. П. Междометные слова и выражения русского языка и их основные синтаксические функции: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. -Ростов н/Д, 1970.

Мисирова А.Б.

ФОЛЬКЛОР БАЛКАРЦЕВ И КАРЧАЕВЦЕВ В ЗАПИСЯХ И ПУБЛИКАЦИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Балкарцы и карачаевцы – два близкородственных народа с единым языком и традиционной культурой. Они издавна населяют центральные и западные районы Северного Кавказа в верховьях Терека и Кубани, в современных границах Кабардино-Балкарской Республики и Карачая.

За свою многовековую историю балкарцы и карачаевцы создали богатейший фольклор, который представлен различными жанровыми формами, из которых следует особо выделить нартский эпос, сказки, легенды, предания и песни.

Отсутствие национальной письменности и литературы, было одной из причин того, что до середины XIX века произведения фольклора карачаевцев и балкарцев не фиксировались. Изучение балкаро-карачаевского эпоса началось во второй половине XIX века. Труды первых представителей национальной интеллигенции (Исмаил, Сафар-Али и Науруз Урусбиевы, Мисост Абаев) помогли обратить внимание на малоизученность фольклора наших народов таких ученых, как Вс.Ф. Миллер, М.М. Ковалевский, Л.Г. Лопатинский, Л.Н. Дьячков-Тарасов, композиторов С.И. Танеева и М.А. Балакирева и др.

Проблеме становления и развития балкарской фольклористики посвящены труды таких ученых и фольклористов: А.З. Холаев, А.И. Алиева, Т.М. Хаджиева, А.Ю. Бозиев, А.И. Караева, М.А. Хубиев, Х.Х. Малкандуев, Р. Ортабаева, Ф.А. Урусбиева.

Эволюция и пути становления балкарского и карачаевского фольклора содержится в различного рода исследованиях, где приводится перечень публикаций произведений устной народной поэзии наших народов и краткая их характеристика. Перечень этот в основном совпадает, различаясь лишь степенью полноты. Общее для всех работ мнение таково, что дореволюционные публикации были немногочисленны, носили случайный характер, не

представляют карачаево-балкарский фольклор во всем его многообразии и богатстве и имеют преимущественно этнографический характер.

В предисловии к сборнику Т.М. Хаджиевой «Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях» А.И. Алиева пишет, что с появлением первых публикаций и любители, и исследователи изящной словесности получили возможность составить более верное представление о богатом и самобытном фольклоре балкарцев и карачаевцев, о том, как отразились история, быт, нравственные и эстетические идеалы его создателей в произведениях, отличающихся высоким художественным совершенством (Хаджиева 1964: 7).

В своей работе автор так же подчеркивает огромную роль в становлении фольклористики Балкарии и Карачая представителей русской академической науки и культуры указанных нами выше. С деятелями русской науки, литературы, музыки тесно связаны были и первые образованные балкарцы и карачаевцы, которые стремились поведать миру о быте, нравах, обычаях, культуре, устной народной поэзии своих народов.

Особого внимания заслуживает деятельность Сафар-Али Урусбиева, который в 1881 году в первом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» напечатал в русском переводе тексты балкарских сказаний о нартах. В своей работе он перечисляет основных героев карачаево-балкарского нартского эпоса – Ерюзбек, Сосурук, Шауай, Ширдан, Хмыч, Батраз, Рачикау, Сибильчи, Злоязычный Гиляхсыртан, Дебет, Алауган – и сообщает, что каждому из них посвящена особая песня, исполняемая на определенный мотив. После появления публикации Урусбиева не только стал известен сюжетный состав и круг героев карачаево-балкарского нартского эпоса, но и было подтверждено, что еще в конце XIX века многие сказания имели стихотворно-песенную форму.

Дополнением к этой работе послужила публикация в 1883 году М. Алейникова «Карачаевские сказания», в которой автор объединил произведения различной жанровой принадлежности – сказания о нартах, сказки и образцы

несказочной прозы. С появлением публикации М.Алейникова («Ачemez и Хубун» и «Эмегены») заметно расширилось представление читателей о сюжетном составе карачаево-балкарского нартского эпоса, о круге его героев, в число которых входят и специфические, известные только этой версии эпоса (эмегены – враги героев нартского эпоса), и традиционные персонажи, популярные и у других народов Кавказа (Ёрюзmek, Сосурук, Злоязычный Гиляхсыртан).

В конце XIX века интерес к истории, фольклору балкарцев и карачаевцев возрастает. Преподаватели учебных заведений с помощью своих учеников разных национальностей записывают произведения кавказских народов. В 1896 году в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (вып. 21, Тифлис, 1896) сказки, собранные воспитанниками Закавказской учительской семинарии, составили специальный раздел. Среди них была напечатана и «карачевская сказка» «Богатырь Ецмей, сын Ецея».

Следующая публикация текстов карачаево-балкарского нартского эпоса принадлежала известному кавказоведу А.Н. Дьячкову-Тарасову – летом 1896 года он совершил путешествие по Большому Карачаю. Собранные им материалы послужили основой статьи «Заметки о Карачае и Карачаевцах», опубликованной в XXV выпуске СМОМПК в 1898 году. В статье автор описывает уникальную природу Карачая, историю карачаевцев. Особое внимание хочется уделить разделу, посвященному героическим сказаниям карачаевцев («Сосурука и эмеген Пятиголовый», «Алауган», «Генджакешауай», «Смерть Ерюзмека» и «Чюерды»). В целом публикация А.Н. Дьячкова-Тарасова представляет значительный интерес как первое представление новых, до тех пор не известных вариантов нартских сказаний карачаевцев и историко-героической песни («Чюерды»).

В «Терском сборнике» №6 за 1903 год напечатана большая коллекция произведений карачаево-балкарского фольклора под названием «Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области.

Записаны Н.П. Тульчинским». Это первая публикация, где представлены почти все жанры карачаево-балкарского фольклора: обрядовая поэзия, нартский эпос, сказки, несказочная проза, историко-героические песни, народная лирика, пословицы и поговорки.

В публикацию «Исследование по карачаевскому диалекту» в 1909 г. В. Прёле включил – пословицы, загадки, лирические народные песни, эпические народные песни – о Салпагарове Гапалау, о Канамате; шуточная песня «Джерме». Достоинство публикации состоит в том, что с ее появлением стали известны не только новые произведения того или иного жанра (песни «О Салпагарове Гапалау», «О Канамате»), но и новые варианты уже известных произведений.

В журнале «Мусульманин» №14-17 (1911г.) был напечатан очерк М.К. Абаева «Балкария». Очерк имеет очень широкое содержание: в нем характеризуются не только история балкарцев, но и их отношения с соседями – Грузией, Сванетией, Осетией, Карачаем, Кабардой. Особое место занимает рассказ об отношениях с Россией. При написании очерка использовал многочисленные источники и литературу, а также народные предания – об образовании самого древнего общества «Малкар».

Большой вклад в публикацию произведений фольклора балкарцев и карачаевцев принадлежит журналисту Е.З. Баранову. В конце XIX – начале XX в. сказки и предания балкарцев в переводах этого автора систематически печатались на страницах газеты «Терские ведомости» и в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа». Важно отметить, что во многих случаях публикации Баранова сопровождают сведения о времени и месте записи произведения, данные об информаторе.

Мы охарактеризовали лишь часть фольклорных материалов, зафиксированных и опубликованных в конце XIX – начале XX в., но по-нашему мнению, оказавших значительную роль в становлении фольклористики наших народов. Огромная роль в изучении фольклора балкарцев и карачаевцев

принадлежит выходцам из самих горцев и представителям русской и зарубежной науки. Без их внимания к истории, этнографии, фольклору, без уважительного отношения к культуре этих народов не могли увидеть многие произведения устного народного творчества балкарцев и карачаевцев.

Литература

1. Бозиев А.Ю. О сборе и публикации произведений устного народного творчества балкарского народа. – В кн. Материалы научной сессии КБНИИ по проблеме периодизации, отбора и публикации адыгейского, кабардинского, черкесского, балкарского и карачаевского фольклора. – Нальчик, 1960.
2. Хаджиева Т.М. «Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях», Нальчик, 1964.
3. Холаев А.З. Карачаево-Балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974.
4. Урусбиева Ф.А. Карачаево-балкарский фольклор. Черкесск, 1979.

Мусуков Б.А.

АФФИКС -НА- // -НЕ- В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на то, что в тюркологической литературе по словообразованию данный аффикс рассматривался неоднократно, многие глаголы до сих пор не поддаются морфологическому членению на корневую и аффиксальную морфемы и их историческое происхождение продолжает оставаться неизвестным.

В тюркских языках встречается немало самостоятельных глаголов на -на- // -не-, которые ныне утратили этимологическую связь с производящими основами.

Основную трудность представляет то, что даже при условном членении на составляющие компоненты, к примеру, производящая основа не выявляет лексического значения, и поэтому, с другой стороны, аффикс -на- в них никакой семантической функции не выполняет, ср. к.-балк.: тырна- ‘царапать’. Омертвелость первичных основ не позволяет классифицировать их по семантическим разрядам.

В. Банг и Г. Рамстедт выделяют -на- // -не- как показатель подражательных глаголов (Bang 1918-191:147), хотя немало и таких единиц, которые вовсе не имеют подражательную природу.

А.Н. Кононов отмечает, что аффикс -на-, по Зайончковскому восходит к аффиксу < -(и)н +а (Кононов 1960: 258).

По А.Г. Гулямову, аффикс -на- в узбекском языке является фонетическим вариантом аффикса -ла- (Кононов 1960: 42).

Этот непродуктивный аффикс в тюркских языках является архаичным, сохранившимся в составе лишь небольшого числа изолированных глаголов. Ограниченность фактического материала и неразложимость глаголов указанного типа лишают нас возможности достоверно определить их основное значение при именном происхождении. На основе привлечения сравнительных источников из других тюркских языков в карачаево-балкарском языке можно лишь выявить, что именными основами некоторых глаголов на -на- // -не- являются слова, обозначающие названия процесса и признака, н-р, жашна- ‘цвести, развиваться’ – жаш ‘парень, юноша’; ‘молодой’; эсне- ‘зевать’ – эс ‘память’; айны- ‘развиваться’ – ай ‘месяц’.

В данном случае производные глаголы образованы по двум словообразовательным моделям: 1. имя существительное + аффикс -на-; 2. имя прилагательное + аффикс -на-.

В составе отмеченных глаголов аффикс -на- является транспозиционным и межкатегориальным, т.к. переводит именные основы в глагольную часть речи. То, что аффикс -на- присоединяется как к именным частям речи, так и к глагольным односложным основам, свидетельствует о его грамматической

недифференцированности, т.е. о его оморфности, и о том, что данный морфологический показатель является одной из древних форм глаголообразования.

Об оморфности аффикса -на- лишний раз свидетельствует то, что он участвует в образовании имени существительного от глагольной основы, ср. к.-балк.: жыйны ‘зародыш’; ‘икра’ – жый- ‘собирать, копить’; ‘загонять’; ‘объединять’.

Часть глаголов на -на- // -не- восходит к глагольным основам и выражает значения учащательности и интенсивности действия.

Аффикс -на-, как и некоторые другие невычленимые аффиксы, представлен в единичных примерах, что затрудняет точное определение его состава и функций. В памятниках древнетюркской письменности, средневековья и в современных тюркских языках рассматривался и рассматривается как малопродуктивный и непроизводительный аффикс, что свидетельствует, с другой стороны, о его древности.

По нашему мнению, немалый интерес для ученых представляют несколько производных глаголов из карачаево-балкарского языка для сравнительно-исторического изучения, которые не утратили этимологической связи с именными и глагольными производящими основами и обнаруживают модифицирующее (деривационное) значение по отношению к производящей основе.

По мнению Э.В. Севортыяна, такие общетюркские глаголы, как кьайна- ‘кипеть’, чайна- ‘жевать’, нельзя рассматривать как подражательные основы (Севортыян 1962: 336), как это делают В. Банг (Bang 1918-1919: 34, 35) и другие исследователи тюркских языков (Zajaczkowski 1932: 144).

Хотя аффикс -на- // -не- в исследованиях по карачаево-балкарскому языку особо не отмечается, его можно выделить в некоторых производных наименованиях, образованных как от именных, так и от глагольных основ. А что же касается глаголов кьайна-, чайна- в карачаево-балкарском языке, как и в большинстве тюркских языков, они все-таки

образовались не от знаменательных частей речи, а от односложных основ – звукоподражаний (Мусаев 1964: 240).

Краткие первоначальные сведения об аффиксе -на-, как о словообразовательном средстве отыменного глаголообразования и внутриглагольного словообразования в карачаево-балкарском языке, можно найти в исследованиях венгерских миссионеров-ориенталистов В. Преле (Pröle 1909; 1909; 1914-1915; 1915-1916) и Ю. Немета (Németh 1911: 91-153).

Во всех последующих разработках, за исключением «Грамматики карачаево-балкарского языка» 1966 г., вплоть до недавнего времени, аффикс -на- // -не- вообще не включался в разряд словообразовательных средств глаголов карачаево-балкарского языка.

Относительно обзорное исследование всех словообразовательных моделей с участием аффикса -на- // -не- можно найти в упомянутой работе автора данного труда. В ней отдельно рассматриваются все части речи, участвующие в образовании глаголов, типы лексических значений производящих и производных основ, определяется количественный состав производных глаголов, собранных в картотеке толкового словаря карачаево-балкарского языка, устанавливается время происхождения глаголов, продуктивность // непродуктивность аффикса (Мусуков 1985: 16).

Из числа тюркологических работ последних двух десятилетий можно отметить монографию Ж.М. Гузеева, в которой аффикс -на- также исследуется как словообразовательное средство глаголов (Гузеев 2006: 223).

Аффикс -на- // -не- выполняет исключительно словообразовательную функцию, модифицирует полностью или частично значение производной основы по отношению к производящей основе. Наиболее отчетливо этот процесс проявляется в тех основах, которые имеют мотивированные отношения и прозрачную семантику. Новых образований не дает.

К числу дифференциальных признаков глаголов на -на- // -не- относится то, что в их составе данный аффикс получает дальнейшее морфологическое развитие, т.е. к этим глаголам прибавляется аффикс понудительного залога -т-: кьайнат- ‘вскипятить’; перен. ‘беспокоить’; аунат- ‘валить кого-что (куда-л.)’. Подобные глаголы являются самостоятельными лексическими единицами, т.к. в структуре значений данных глаголов отсутствуют такие признаки понудительного залога, как значения понуждения и двусубъектности.

Производные глаголы на -на-, как вторичные единицы морфологической номинации, участвуют и в образовании грамматических форм имени действия. Лексикализованных образований не дает.

Производные глаголы на -на// -не- имеют в основном непереходную семантику.

К числу отличительных лексико-грамматических особенностей карачаево-балкарского глагола, как производящего, так и производного на -на- // -не-, относится то, что одна и та же основа может имплицитно выражать скрытые видовые оттенки категории завершенности / незавершенности.

Семантическая классификация производящих основ

1.1.0. производные глаголы, образованные от основ, обозначающих название процесса:

1.1.1. от имен существительных:

жашна- ‘цвести, развиваться’ – жаш ‘парень, юноша’; ‘молодой, юный’; второе значение данной именной основы обозначает признак предмета; эсне- ‘зевать’ – эс ‘память’; айны- ‘развиваться, расти’ – ай ‘месяц’;

2.1.0. производные глаголы, образованные от основ, обозначающих динамическое воздействие субъекта на объект:

2.1.1. от непереходных глаголов:

ауна- ‘валиться, переворачиваться с одного бока на другой (о животных)’ – ау- ‘упасть, свалиться’;

3.1.0. производные глаголы, образованные от основ, которые являются звукоподражательными словами:

къайна- ‘кипеть’ – къай – звукоподражательная основа, обозначающая процесс кипения воды; чайна- ‘жевать’; ‘грызть’; перен. ‘ругать’ – чай – звукоподражательная основа, обозначающая процесс жевания.

Семантическая классификация производных основ

1.1.0. производные глаголы, которые имеют значение действия:

1.1.1. созидательного действия:

1.1.2. непереходные:

жашна- ‘цвести, развиваться’ – жаш ‘парень, юноша’; ‘молодой, юный’; айны- ‘развиваться, расти’ – ай ‘месяц’;

2.1.0. значение динамического воздействия субъекта на объект:

2.1.1. непереходные:

ауна- ‘валяться, переворачиваться с одного бока на другой (о животных)’ – ау- ‘упасть, свалиться’;

3.1.0. производные глаголы, которые имеют значение состояния:

3.1.1. физического состояния:

3.1.2. непереходные:

къайна- ‘кипеть’ – къай – звукоподражательное слово, обозначающее процесс кипения воды; чайна- ‘жевать’; ‘грызть’; перен. ‘ругать’ – чай – звукоподражательная основа, обозначающая процесс жевания; эсне- ‘зевать’ – эс- ‘память’.

Литература

1. Bang W. Aus türkischen Dialekten, – Keleti Szemle, XVIII. – 1-3 szam. – Budapest, 1918-1919.
2. Гузеев Ж.М. Бусагъатдагъы къарачай-малкъар литература тил. – 2-чи кесеги.: Морфемика, морфология, сѣз къурау. – Къарачаевск: КЧГУ, 2006. – 294 с.
3. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.
4. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964. – 344 с.

5. Мусуков Б.А. Структурные модели глагольного аффиксального словообразования в карачаево-балкарском языке (продуктивные и непродуктивные модели): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 19 с.
6. Németh G. Kumük tanulmányok I, Resz: Kumük és Balkar szójegyzek (Kumükisches und Balkarisches Wörterverzeichnis), Keleti Szemle. – Bd. XII. – Budapest, 1911. – S. 91-153.
7. Pröle W. Karatschajische Wörsterverzeichnis. Keleti Szemle, Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 83-150.
8. Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 643 с.

Османова А.И.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ДИАЛЕКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МАЛКАРСКОГО ГОВОРА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Такие группы имеются среди имен существительных, прилагательных и глаголов. Однако в данном сообщении мы ограничиваемся именами существительными, которые имеют значительно больше семантических групп, чем имена прилагательные и глаголы.

Семантические группы слов малкарского говора относятся «к различным областям хозяйственной жизни и быта сельского населения, природным условиям, явлениям природы, абстрактным понятиям и т.д.» (Акбаев 1999: 201).

Более широкое распространение имеют названия растений, инструментов и орудий, менее широкое – строений, продуктов питания и анатомические, значительно меньшее – насекомых, птиц, одежды, посуды и др.

Названия растений

Среди них выделяются деревья: мырды (малк.) – къайын (лит.) «береза», кюйдюргюч (малк.) – кюйгюч (х.-б., б.-ч.)/кюрюч (карач.), къарамырзы (малк.) – къаракъайын (лит.) «черемуха» и др.; плоды, ягоды и семена: балам (малк.) – муркку (б.-ч.)/муртху (карач.) «калина», итбурун (малк., карач.,

х.-б.) - юлѣкью (б.-ч.) «шиповник», зюдюр (малк.) – тужур (х.-б.) - къара наныкъ (лит.) «ежевика», гурегей, кыфца (малк.) – хогулт (х.-б.) - къара эрик (лит.) «чернослив» и др.; травы: юфхюрюуюцю (малк.) – баппахан (лит.) «одуванчик», хуржели (малк.) – жыгыра (лит.) «дикий укроп», гедигин (малк., х.-б.) - жыгыра (лит.) «укроп», бурцакъ (малк.) – къудору (лит.) «фасоль» и др.

Болатланы Исхакъ, жашил жабыугъа бурчакъ тѣгюлгенлей, тау этегини кырдыгына жайылгъан къойлагъа къарайды. (Кучиналаны М.) «Исхак Болатов смотрит на овец, которые очень похожи на горох, рассыпанный на зеленую скатерть, и пасут траву подножия гор»; Ол а [Махмут] зюдюр жъя тургъан кызлагъа бугъуп къарайды. (Гадийланы И.) «А он [Махмут] спрятался и смотрит на девушек, которые собирают ежевику».

Названия инструментов и орудий

В исследуемой группе слов данные названия являются самыми распространенными: кифе (малк.) – чага (лит.) «мотыга, тяпка», кынгыр кылыц (малк., х.-б.) – суу агъач (карач.) – суу кылыч (б.-ч.) «коромысло», кырка (малк.) – гири (х.-б, б.-ч.) – кытчас (карач.) «деревянная бляха с отверстием посередине, прикрепляемая к концу данного ремня», тахан (малк., х.-б.) - дагъан (карач.) – чыпын (б.-ч.) «стойка», кыйтхы (малк.) – тырнауч (х.-б, б.-ч.) – тырнау (карач.) «борона» и др.; посуды: кюштел (малк.) – чыккыр (х.-б, б.-ч.) – джыккыр (карач.) «кадушка», цырца (малк.) – чырча (х.-б.) - табакъ (лит.) «тарелка» и др.

Таулан эшекни тууарды, бишлакъланы, жауланы да гѣзеннге элтип, кюштелле ичине салды (Кучиналаны М.) «Таулан распряг осла, головки сыра и куски масла отнес в чулан и положил в бочки»; Мен Биймырзагъа готон ауузлукъ излейме (Гуртуланы Б.) «Я ишу для Бекмурзы железку для лемеха»; Юй кюйюп, темир таханла сюелип кългъанда, аны майданнга сюрдюле (Тѣппеланы А.) «Когда дом полностью сгорел, и торчали его железные стойки, его погнали на площадь».

Названия одежды

Из наименований одежды, употребляемых в малкарском говоре, наиболее известны следующие: гефхин (малк.) – ал бота (х.-б, б.-ч.) - хота (карач.) «фартук», цикиля (малк.) – чикиля (х.-б.) «платок», боюнцакъ (малк.) – боюнлукъ (х.-б, б.-ч., карач.) «кашне», белмау (малк.) – бел бау (х.-б, б.-ч.)/ белибау (карач.) «пояс», бохция (малк.) – жыйрыкъ (х.-б, б.-ч.) – чепкен (карач.) «платье (женское)».

Жеминат гефхин кыйыры бла бетин сыйпады (Ёзденланы А.) «Жеминат вытерла свое лицо краем фартука»; Цикиля артынг гилау болсун, кюз артынг зылау болсун (фольк.) «Пусть задняя часть твоего платка будет дырявой, а осень - плачевной»; Огьурлу болсун, ариу жарашады Ол боюнунгдагы боюнчакъ (Малкъар халкъ жыр) «Носи на здоровье, очень тебе идет кашне твое на шее».

Названия продуктов питания

Одна часть названий продуктов питания, употребляемых в малкарском говоре, противопоставляется только одному говору: уууз (малк., х.-б., карач.) – ырпыс (б.-ч.) «молозиво», гумул (малк., х.-б, б.-ч.) - джалдан (карач.) «квас», другая – двум говорам: кюяжапха (малк., х.-б.) - бишлакъ биширген (бишген) (б.-ч.)/ бышлакъ биширген (карач.) «пюре из картофеля и сыра», зумуртха (малк.) / жумуртха (х.-б.) - гаккы (б.-ч.) (карач.) «яйцо», третья – всем другим говорам: фулму (малк.) – пулгу (х.-б, б.-ч.) – хулгу (карач.) «мучная пыль на жерновах», кыймакъ (малк.) – сют баш (х.-б, б.-ч.)/ сют башы (карач.) «сметана, сливки», улкъум (малк.) – локъум (лит.) «жареный в масле кусочек теста» и др.

Ийнекни желини четен болгъанды да, ууузун кече къобуп саумаса, болмайды (Хубийланы О.) «Вымя коровы сильно вздулось от молозива, поэтому приходится ночью вставать и доить ее»; Танг аласында Астемир уянып къарагъанында, къатыны, от да этип, кюяжапха бишире тура эди (Кациланы Х.) «Когда Астемир утром рано проснулся, он увидел, что его жена варит кояжапху»; Заубатыр, кычыргъан таууш эшитип, юснде фулмусун сыйпаргъа кюреше, тирменни

арбазына чыкьды (Кучиналаны М.) «Заубатыр услышал крик и, страшивая с себя мучную пыль, вышел во двор мельницы».

Названия жилых и хозяйственных строений и их частей

Данные названия включают в основном названия деталей дома (хырык (малк.) – аркъау (х.-б, б.-ч.) - аралыкъ (карач.) «опора, продольная балка, матица», цорбат (малк.) – чорбат (х.-б, б.-ч.) – шорбат (карач.) «крыша», тыфыр (малк.) – тыпыр (х.-б, б.-ч.) –тыбыр (карач.) «очаг») и названия хозяйственных построек (хастан (малк., х.-б.) - дуркъу (б.-ч., карач.) «сеновал», цалман (малк.)/ чалман (х.-б., карач.) – чалы (б.-ч.) «плетень», тышхы (малк.) – четен (лит.) «плетень, рогожа», гибыдыш (малк.) – габдеш (карач.) – къуудуш (б.-ч.) «ясли для скота, кормушка», къашмакъ (малк.) – къашпакъ (лит.) «хлев; навес; тепляк» и др.)

Цалмандан цыкьгъан къурманлыкъ «Жертвоприношение по поводу выхода [скота] из загона [на летнее пастбище]»; Элиясны эски юйюню хунасы оюлуп, хырыклары энишге салыннгандыла (Ёзденланы А.) «Старый дом Элияса разрушился, и балки его висят»; Къара гырайт, къашмагъыны сехлеринден арбазгъа къарап, сыгъынып-сыгъынып окъуйду (Гуртуланы Б.) «Черный осел смотрит из-за ограды навеса во двор и натужно ревет».

Анатомические названия

В качестве примеров названий частей тела (человека и животных), бытующих в малкарском говоре, которые являются синонимами или вариантами таких наименований в других говорах карачаево-балкарского языка (Алиева 2006: 101-187), можно привести следующие: умбаш (малк., х.-б.) - /имбаш/ умбаш (б.-ч.) – имбаш (карач.) «плечо», цыканай (малк.) – чыканай (х.-б.) - чыкына (б.-ч.) - чыпчыкъ бармакъ (карач.) «мизинец», ушхол (малк.) – чеги (х.-б, б.-ч.) – ичеги (карач.) «кишка», гумхот – гумот (малк.) – гемхот/ гимхот (х.-б, б.-ч.) – хамхот (карач.) «морда», къыжжай (малк.) – чырмылтын (х.-б, б.-ч.) – чымылтыр (карач.) «грыжа», мийис (малк., х.-б.) - мыйы (лит.) «мозг», цууун (малк.) – билек (лит.) «рука выше локтя» и др.

Чирик биченни ашагъан малланы гумхотларына къара мурула жабышхандыла (Гуртуланы Б.) «У скотины, поевшей гнилого сена, на мордах остались его черные крошки»; Жашла ушхол, быдыр жууаргъа, къазан асаргъа суу ташыйдыла, отун мажарадыла (Кучиналаны М.) «Юноши таскают воду для мытья кишок, желудка, для котла и добывают дрова»; - Къалайса? – деп соргъаныбызда, жашчыкъ, бизге соймей къарап, чыканайын кёргюзтдю (Таумурзаланы Д.) «Когда мы спросили: «Как твои дела?», - мальчик неохотно посмотрел на нас и показал свой мизинец».

Названия животных, птиц и насекомых

Различия в зоонимической лексике между говорами карачаево-балкарского языка относятся в основном к названиям птиц, насекомых и пресмыкающихся: къырыу (малк.) – зурнук (х.-б, б.-ч.) – турна (карач.) «журавль», эркек (малк.) – къычырычу, къыттай (б.-ч.) – хораз, адакъа (х.-б, б.-ч.) «петух», къумурцха (малк.) – къумурсха (карач.) – къумурчха (х.-б.) – гумулжук (б.-ч.) «муравей», сенгирцхе (малк.)/ сенгирчке (х.-б, б.-ч.) – каска (карач.) «кузнечик», кокуш (малк.) – гогуш (х.-б, б.-ч.) – гура (б.-ч.) – къырым тауукъ (карач.) «индейка», къубаллек (малк.) – гебенек (х.-б, б.-ч.) – гёбелек/ гёбелекке (карач.) «бабочка», кеселке (малк., х.-б.) – кеселекке (карач.) – гургун – кёхтюй (б.-ч.) «ящерица», теуе (малк.) – тюе (лит.) «верблюд» и др.

Къумурцха тёбеде да болурла бир затла (Кучиналаны М.) «Наверное, и муравейник не бывает пустым»; Шара уа, узун буруну да, кокуш бурунунлай, энишге салынып, бек мудахды (Кучиналаны М.) «Шарау очень хмурый, длинный нос его висит, как клюв индюка».

Материал диалектной лексики карачаево-балкарского языка показывает, что диалектные слова малкарского говора в большинстве случаев противопоставлена словам всех остальных говоров.

Диалектизмы малкарского говора с литературными словами находятся в синонимических (чалман – чалы «плетень»,

мырды – къайын «береза») и вариантных (тыфыр/ тыпыр/ тыбыр «очаг», умбаш/ имбаш «плечо») отношениях.

Литература

1. Акбаев Ш.Х. Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. – Карачаевск, 1999.
2. Алиева Т.К. Вариантность слова и литературная норма (на материале карачаево-балкарского языка). – Ставрополь, 2006.

Сокращения

- б.-ч. – баксано-чегемский говор
- карач. – карачаевский говор
- лит. – литературный вариант
- малк. – малкарский говор
- х.-б. – холамо-безенгиевский говор

Соегов М.

ИЗ ОПЫТА РЕКОНСТРУКЦИИ НЕКОТОРЫХ ПЛАСТОВ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА ДРЕВНИХ АЛАНОВ

Аланы оставили заметный след в древней и раннесредневековой истории Евразии, и имеется богатая научная литература о них [Для современной литературы см.: Бубенок 2006, 35 – 37]. Агусти Алемань в своей работе «Аланы в древних и средневековых письменных источниках» приводит около 600 отрывков из трудов приблизительно 200 авторов, которые содержат сведения об аланах [Алемань 2003]. Тем не менее, некоторые кардинальные вопросы, связанные с аланами, остаются до сих пор нерешенными. Одним из таких вопросов, является: на каком именно языке говорили древние аланы?

Традиционно аланов относят к древним ираноязычным народам, хотя научные основания для этого не существуют. Подобное обстоятельство, прежде всего, объясняется тем, что письменные памятники, созданные на языке аланов, до наших

дней не сохранились, или же еще не обнаружены. Имеющиеся малочисленные и небольшие по объему записи, не позволяют однозначно разрешить данный вопрос. Ибо принадлежность многих из них к аланскому языку остается дискуссионной. Притом иранисты расшифровывают эти записи в пользу ираноязычности аланов, а тюркологи с таким же успехом читают их по-тюркиски [Фаттахов 1992, 156 – 159; Хабичев 1992, 179 – 182]. Данный вопрос осложняется еще и тем, что современные народы, которые считают себя прямыми потомками древних аланов, то есть осетины и карачаево-балкарцы говорят на языках, относящихся к разным языковым семьям: первые являются ираноязычными (индоевропейская семья), а вторые – тюркоязычными (алтайская семья).

В разные эпохи истории аланы вошли особым (большим или малым) компонентом в этногенез многих современных народов Европы и Азии, в том числе туркменского народа. Еще в XI веке об аланах, проживавших в пределах древнего Хорезма на берегу Сарыкамышского озера, писал великий ученый-энциклопедист Абу Рейхан Мухаммет ал-Бируни (973 – 1048). Спустя 600 лет, Хивинский хан и историк Абу-л-Гази Бахадурхан (1603 – 1663) в своем историческом трактате «Родословное древо туркмен» сообщает о туркменском племени «олам-ургенчли» (т.е. оламах из Ургенча) [Кононов 1958, 74]. Можно с уверенностью предположить, что эти двое ученых писали об одном и том же этносе. В силу разных обстоятельств в данном историческом этнокультурном регионе и в данном историческом периоде прежний народ «аланы» трансформировался в последующее племя «оламы», которое вошло самостоятельным компонентом в состав современного туркменского народа. Аланский (оламский) составляющий в этногенезе туркмен, в том числе туркмен-салыров Серахского района (аламы), был исследован в свое время видным историком-этнографом Г.И. Карповым (1890 – 1947), который в 1930 году выступил в журнале «Туркменоведение» со статьей «Осколки “исчезнувших” аланов». По его мнению, оламы и салырские аламы являются потомками аланов или асов,

которые в IX – XI вв. жили на берегу Сарыкамыша [Карпов 1930, 39 – 40]. Акад. А.А. Росляков считает, что аланы появились в современной территории Туркменистана еще две тысячи лет тому назад, и долихоцефалия (длинноголовость), красный наряд, а также некоторые виды конских украшений перешли к всем другим туркменским племенам непосредственно от аланов [Росляков 1962, 12]. В настоящее время потомки туркмен-оламов проживают в Ходжамбазском и некоторых других этрапах (районах) Лебапского велаята (области) нейтрального Туркменистана, одним из представителей которых является автор настоящих строк.

Ниже мы попытались провести некий сравнительный анализ соответствующего лексического материала из карачаево-балкарского языка и оламского диалекта туркменского языка. Последнему была посвящена кандидатская диссертация доцента Худайберди Багыева, защита которой проходила еще в 1965 году [Багыев 1965]. В ней рассматриваются основные различия оламского диалекта от современного туркменского литературного языка (СТЛЯ) и некоторых других его диалектов.

Как известно, по общей классификации тюркских языков туркменский язык относится к огузской группе, а карачаево-балкарский язык – кыпчакской группе. По другому (фонетическому) делению туркменский язык вместе со своими многочисленными диалектами и говорами является й-языком, а карачаево-балкарский – дж-языком. По этому поводу небезынтересно будет ознакомиться с мнением проф. Н.З. Гаджиевой: «Туркменский язык, обычно причисляемый тюркологами к тюркским языкам огузской группы, на самом деле во всей совокупности его диалектов представляет причудливое переплетение огузских и кыпчакских языковых черт» [Гаджиева 1975, 21].

Целью нашего анализа является выявление общего лексического пласта для карачаево-балкарского языка (КБЯ) и оламского диалекта туркменского языка (ОДТЯ), которые, имея единое (аланское) происхождение, в обозримом прошлом никогда не контактировали. Тем самым установить хотя бы ту

небольшую, гипотетическую часть лексики древнего аланского языка, характеризующую его как язык тюркской группы (шире: алтайской семьи).

Как пишет знаменитый ученый-языковед проф. Умар Баблашевич Алиев (О нем см.: Хабичев 1971, 135 – 136), «карачаево-балкарский язык, особенно его цокающий диалект, имеет больше общего с монгольскими языками, чем другие тюркские языки. Такие слова, как эмеген ‘чудовище’, кьунаджин ‘корова-перволетка’, бегеджин ‘свинья-самка’ и др., которые употребляются в современном карачаево-балкарском языке, редки в других тюркских языках». Развивая свою мысль, ученый утверждает, что «современный карачаево-балкарский язык имеет черты, свойственные древнеуйгурскому и современному уйгурскому языку (звуковой состав, морфология, лексика). Огузо-кипчакские элементы в лексике и грамматике, особенно в словообразовании, трудно объяснить современными связями с языками огузского типа» [Алиев 1972, 10].

В первую очередь следует отметить, что два слова из приведенных в цитате трех конкретных примеров употребляются в ОДТЯ и близких ему диалектах и говорах точно в том же значении с незначительным фонетическим различием: гунаджын [gunajɯn] ‘корова-перволетка’ и мекеджин [mekejin] ‘свинья-самка’. Что касается третьего слова, т.е. эмеген ‘чудовище’, то оно именно в этом значении сохранилось только в произведениях народного творчества (в туркменских сказках), хотя образование качественного прилагательного эмеген [emeɣen] ‘детеныш млекопитающего, часто сосущий матку, сосун’ от глагольной основы эм- [em-] ‘сосать’ является фактом живой туркменской речи. Сюда же следует включить: ийнек в КБЯ, а в ОДТЯ с обычным, кратким [i], т.е. инек [inek] ‘корова’ (в СТЛЯ корова обозначается лексемой сыгыр – syɣyr); чыпчык в КБЯ ‘птица’, но чыпчык [çurçuk] в ОДТЯ ‘воробей’ (в СТЛЯ воробей обозначается лексемой серче – serçe); чабак в КБЯ ‘рыба’ и в ОДТЯ чапак [çapak] ‘один из видов рыбы’. В ОДТЯ имеется слово гериш [geriʃ]: Тамы эшек гериш эдип япмак [Tamy eʃek geriʃ edip uɣpmaɣ] ‘Сделать крышу дома в

форме спины осла' или даг гериши [dag gerişi] 'горный хребет', что соответствует в КБЯ кириш 'горная вершина' [См.: Хабичев 1988, 73]. Все это связано с животным миром и относится в целом к фауне.

Цитированная нами книга У.Б. Алиева, являясь одной из основных работ ученого, посвящена синтаксису и выполнена на богатом фактическом материале из карачаево-балкарского языка, который позволяет продолжить изучение лексики о животных в сравнении с тем же пластом слов из ОДТЯ. Удивительно то, что выявляются идентичные по содержанию пословицы и поговорки, в составе которых присутствуют почти одни и те же слова по данной тематике: Ийнекни кьарны токь болса, джелени тыкь болур – КБЯ // Инегинг гарны док болса, йелени дык болар [Inegiñ garny dok bolsa, ýelini dyk bolar] – ОДТЯ 'Если живот коровы набит, то вымя бывает также полным'; Ийнек кьозлагъанлыкъгъа ёгюзню неси ауруйду – КБЯ // Инек гузланында, ёкюзинг ниреси агырасын [Inek guzlanda, öküziñ niresi agyrasyn] – ОДТЯ 'Оттого что корова отелилась, разве у быка может что-либо болеть'; Ийнеги болмагъанны кысыр тууары кьайдан болсун – КБЯ // Инеги болмадыгынг гысыр догары кайдан болсун [Inegi bolmadygyn gysyr dogary kaýdan bolsun] – ОДТЯ; Ит тойса, иесине чабар – КБЯ // Ит дойса, эесини ярар [It doýsa, eýesini ýarar] – ОДТЯ 'Если собака наестся – бросается на хозяина'; Иесин сьуйсенг, итине сюек бер – КБЯ // Эесини сёйсенг, итине сюек бер [Eýesini söýseñ, itine süyek ber] – ОДТЯ 'Если уважаешь хозяина, дай кость его собаке'; Арыкь ат кьамчы бла ургъанлыкъгъа джортмаз – КБЯ // Аррык ат гамчы билен урсангам йортмаз [Arýk at gamçy bilen ursañam ýortmaz] – ОДТЯ 'Худая лошадь, хоть бей плетью, не бежит'; Джылкы бирден суу ичсе, тирмен суу азайыр – КБЯ // Ылыкы бирден сув ичсе, дегирмен сувы азалар [Ýylky birden suw içse, degirmen suwy azalar] – ОДТЯ 'Если табун будет пить воду одновременно, то вода у мельницы убудет' и другие.

Являясь уроженцем Ходжамбазского этрапа (района), мы в молодости не раз слышали эти и другие крылатые слова, а в

последующем, проживая уже в Ашхабаде, во время каникул, отпусков и служебных командировок записали отдельные произведения народного творчества, в том числе указанные выше пословицы и поговорки из уст носителей оламского диалекта туркменского языка.

Приведем еще несколько слов в таблице из разных тематических групп (отдельные лексемы на согласный т [t]):

КБЯ	ОДТЯ	СТЛЯ
терек ‘дерево’	Терек [terek] ‘тополь’	derek ‘тополь’
терезе ‘окно, окошка’	тиризе [tiri:ze] ‘окно, окошка’	penjire ‘окно, окошка’
терк ‘быстро’	терк [terk] ‘быстро’	tiz ‘быстро’
тюк ‘шерсть’	тюк [tük] ‘шерсть, волосы на теле человека’	tüý ‘шерсть, волосы на теле человека’
тютюн ‘дым’	тютюн [tütün] ‘дым’	tüsse ‘дым’

Если допустить мысль о том, что древние аланы были действительно тюркоязычным народом, то данные карачаево-балкарского языка (КБЯ) и оламского диалекта туркменского языка (ОДТЯ) позволяют утверждать о существовании в древнем аланском языке не менее двух диалектов, а именно: 1) джокающего диалекта и 2) йокающего диалекта. Но йокающий диалект, скорее всего, испытывал свое время некоторое влияние диалекта джокающего, ибо в говоре туркмен-оламов литературное игде/йигде [igde/yigde] произносится как джигде [jigde] ‘финик’. Отдельные вопросы данной проблемы нами в своем докладе «Как можно восстановить язык древних аланов?» были внесены на рассмотрение участников международной научной конференции, проходившей в феврале 2008 года в Ашхабаде [Соегов 2008, 329 – 330].

Как известно, общепринятая классификация тюркских (алтайских) языков, предложенная еще в 1952 году проф. Н.А.

Баскаковым, хронологически начинается с хунской эпохи (хунну, гунны) [См.: Алиев 1972, 10]. Установление тюркоязычности древних аланов, которые являются очень древним суперэтносом, вовлечет собой необходимости внесения ряд серьезных изменений в существующую классификацию.

Настоящее сообщение выполнено на основе очень ограниченного количества источников фактического материала, и поэтому мы не претендуем на более чем, внесение вопроса на повестку дня для дальнейшего обсуждения. Это, во-первых. Во-вторых, разработки по данному направлению в будущем могут быть успешными только при условии объединения усилий заинтересованных ученых Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии (Российская Федерация), Туркменистана и других стран. В этой связи вспоминаются дни совместной работы, когда 10 – 12 сентября 1985 года в Ашхабаде проходила Всесоюзная тюркологическая конференция, в работе которой наряду с туркменскими и другими учеными приняли участие И.Х. Ахматов, И.М. Отаров (Нальчик), М.А. Хабичев (Карачаевск) и И.М. Шаманов (Черкесск) [См.: Вопросы 1985]. В настоящее время для успешного решения поставленных совместно задач гуманитарного характера следует широко пользоваться возможностями Интернета и других инноваций в мировой информационной технологии.

Литература

1. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
2. <http://www.iriston.com/nogbon/news.php?newsid=394> (05.08.2010.)
3. Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.
4. Багыев Х. Оламский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1965.
5. Бахтияров А. (Карпов Г.И.) Осколки “исчезнувших” аланов // Туркменоведение, 1930, № 8 – 9.

6. Бубенок О.Б. Интеграція аланів у хозарське суспільство у VIII – X ст. // Східний Світ, 2006, № 2.

7. Вопросы Советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений IV Всесоюзной тюркологической конференции, 10 – 12 сентября 1985 г. Ашхабад, 1985.

8. Гаджиева Н.З. Проблемы тюркских ареальной лингвистики. Среднеазиатской лингвистики. М., 1975.

9. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М. – Л., 1958.

10. Росляков А.А. Туркмен халкынын гелип чыкышы. Ашгабат, 1962.

11. Соегов М. Как можно восстановить язык древних аланов? // Махмыт Кашгарлы – основоположник научной тюркологии. Материалы Международной научной конференции. Ашхабад, 2008.

12. Фаттахов Ф.Ш. На каком языке говорили аланы? // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды Международной конференции в 3-х томах. Т. 1. Казань, 1992.

13. Хабичев М.А. Аланские фразы приветствия из «Теогонии» [Иоанна Цеца (XII в.)] // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды Международной конференции в 3-х томах. Т. 1. Казань, 1992.

14. Хабичев М.А. К особенностям морфем тюркских языков // Вопросы Советской тюркологии. Материалы IV Всесоюзной тюркологической конференции. Ч. 1. Ашхабад, 1988.

15. Хабичев М.А. Умар Баблашевич Алиев (К 60-летию со дня рождения) // Советская тюркология, 1971, № 1.

Таукенова Ж.М.

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ПУТЕМ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ

Несмотря на наличие огромного количества исследований, посвященных категории залога в тюркском языкознании, сущность ее продолжает оставаться не до конца выясненной. В большинстве случаев не разграничены аффиксы залогообразования и словообразования. Например, аффиксы – тир, -тур/-тюр (кел-тир- «принести, привезти», ёл-тюр- «убить», тол-тур- «наполнить»), -ар/-ер, -ыр/-ир, -ур/-юр (кет-ер- «убирать», чыгъ-ар- «вытащить», ич-ир- «напоить», къач-ыр- «дать убежать», «умыкать (девушку)», уч-ур- «дать полететь (улететь)», кёч-юр- «переселять, выселять», «переводить, перемещать из одного места в другое», «переписывать, списывать»), -гъыз/-гиз, -гъуз/-гюз (кир-гиз- «вводить кого-что; вносить что», «вонзать, втыкать что», «загонять, вгонять, вбивать, вколачивать», кёр-гюз- «показывать что кому, демонстрировать что кому», тур-гъуз- «поднимать кого с места»), -ыз/-из (агъ-ыз- «ронять, рассыпать что», «капать чем», «сбить что», «сбивать, стряхивать, отрясать что», «убивать кого» (перен.), эм-из- «дать сосать») во многих грамматиках тюркских языков квалифицированы как аффиксы понудительного залога (ГАЯ I 1960: 138; ГНЯ 1973: 213-215; ГХЯ 1975: 179-180; ГКБЯ 1976: 200; ГКЛЯ 1980: 361; ТЧ 1997: 181 и др.).

Отнесение залога в тюркском языкознании к внутриглагольному словообразованию объясняется следующими обстоятельствами: 1) один и тот же залоговый аффикс в одном случае имеет только залоговое значение и совершенно не касается лексического значения основы, в другом – только словообразовательное значение, а в третьем – и залоговое и словообразовательное значения. Например, аффикс дыр (-дир, -дур/-дюр): 1) Нартюхню тирменнге элтдир- «Заставить его отнести (отвезти) кукурузу на мельницу»; 2) Биз ишибизни битдирдик «Мы завершили свою работу»; Ишни кыйынлыгы аны битдирди «Непосильный труд его доконал»; 3) Айтдыра-айтдыра, тил жаууму кьурутдунг «Ты измучил меня, заставляя повторять одно и то же»; Бу иги хапарны биз элге айтдырдыкь «Эту приятную весть мы сообщили в село».

В первом случае аффикс –дыр (элтдир) имеет залоговое значение, во втором (битдирдик, битдиреди) – словообразовательное значение («завершить, погубить»), в третьем – залоговое (айтдыра-айтдыра) и словообразовательное (айтдырдыкъ) значения.

По всей вероятности, это, многозначность аффиксов, и является причиной того, что во мнениях тюркологов нет единства по вопросу отношения залога к словоизменению или словообразованию. Так, по мнению одних из них, залоговые аффиксы относятся к словообразованию (Дмитриев 1948: 179; Баскаков 1952: 333; Серебренников 1952: 62-72; Бозиев 1964: 79; Иванов 1967: 18, Кобешидзе 1975: 9 и др.). Основным аргументом отнесения залога к словообразованию, по их мнению, является то, что залоговые аффиксы, как и другие словообразовательные аффиксы, примыкают непосредственно к корневой морфеме, а словоизменяемые следуют за ними.

При этом следует учесть то, что вначале залоговые формы в тюркских языках выполняли словообразовательную функцию, словоизменяемая функция их появилась позже (Севортян 1962: 450, 478). Следовательно, залог представляет собой категорию, переходную от словообразовательной к словоизменяемой.

По мнению ряда исследователей, залог является категорией формообразования, но в отдельных случаях он служит и словообразованию (напр. Кононов 1960: 197). Третья группа исследователей залог считает лексико-грамматической категорией (Юлдашев 1981; Зиннатуллина 1997: 161 и др.).

Не решен вопрос во внутриглагольном словообразовании также об оформлении залогов. Одни тюркологи считают его формообразованием (Кононов 1956: 192-205; 1960: 187-197), другие – глаголообразованием и формообразованием (Севортян 1962: 1962), третьи, которые составляют большинство, залоговое оформление рассматривают как глаголообразование (Дмитриев 1940: 129; 1948: 179).

В языкознании давно высказывалось мнение о том, что категория залога тесно связана с категорией падежа (Поспелов 1955: 82).

В тюркском языкознании на материале башкирского языка эту связь довольно четко определил А.А. Юлдашев. Сравнивая категорию залога с другими категориями глагола, он выявил дополнительные грамматические признаки каждого залога. «Дополнительным грамматическим признаком **п о н у д и т е л ь н о г о з а л о г а** (в башкирском языке) является то, что действие осуществляется взаимодействием двух или более лиц, название одного из которых (побуждающего) должно быть поставлено в позицию подлежащего в форме неопределенного падежа, а другого (непосредственного исполнителя действия) – в позицию дополнения в форме исходного падежа; для **с т р а д а т е л ь н о г о з а л о г а** – возможность постановки объекта в позицию подлежащего в форме неопределенного падежа, за которым название действующего лица следует в форме неопределенного падежа и обязательно сопровождается послелогом тарафынан (если действующее лицо является человеком) или менэн (если действующее лицо представляет собой персонифицированный предмет); для **в о з в р а т н о г о з а л о г а** – совпадение действующего лица с объектом действия; для **в з а и м н о г о з а л о г а** - или возможность постановки названий действующих лиц, объединенных посредством послелога менэн, в форме неопределенного падежа (взаимное значение), или возможность постановки названия одного действующего лица (доминант) в дательном падеже, другого (соучастник) – в неопределенном (значение соучастия)» (Юлдашев 1958: 10-11).

Вышесказанное полностью подтверждается и на материале других тюркских языков.

Отсутствие указанных признаков свидетельствует о лексикализации залоговых форм, т.е. потере ими грамматического значения, поэтому они «... должны быть взяты в качестве критериев для выделения соответствующих залогов» (Там же).

Материал исследуемого языка показывает, что последовательное применение этих признаков дает возможность для отграничения залогообразования от словообразования, что в свою очередь лишает положение о принадлежности залога к словообразованию.

Исходя из вышеизложенного, залогообразование – это только уточнение отношения объекта и субъекта к обозначенному в данной основе действию без ущерба для содержания данной основы.

Залоговое значение это не значение сочетания глагольной основы и залогового аффикса, а значение лишь последнего. Ср., например: ал- «брат кого-что» - алдыр- «заставить брать кого-что» (понуд.) – алын- «быть взятым» (страд.) – алыш- «брать совместно» (вз.-совм.). Из этих примеров видно, что значение основы глагола при ее изменении по залогам остается неизменным, и каждое залоговое значение не выступает как значение неразложимого целого. Свидетельством того, что при изменении по залогам основа глагола сохраняет свое значение, является то, что данный аффикс при всех случаях залогообразования постоянно имеет одно и то же значение. Ср. бардыр- «заставить кого идти (ехать) куда» бердир- «заставить отдать кому что» бурдур- «заставить крутить что» сюртдюр- «заставить штукатурировать что», «заставить вытереть, протереть, стереть что»; табыл- «быть найденным», сюрюл- «быть вспаханным», кечил- «быть прощенным», окюул- «быть прочитанным»; буруш- «крутить что-л. с кем-л.», ёрлеш- «подниматься, взбираться (о многих)», чабыш- «бегать наперегонки», кьараш- «смотреть куда-л. (о многих)», сёгюш- «критиковать, осуждать друг друга или кого-л. (о многих)» и др.

Многие тюркологи считают правомерной трактовку залога как грамматической категории. Однако некоторые из них впадают в крайность, считая залогом любой глагол, имеющий в своем составе залоговый аффикс (Фатыхов 1953; Чарыяров 1955 и др.). Например, Б.Ч. Чарыяров к возвратному залогоу относит глаголы тутунмак «держатъ», «содержатъ», «нанять», йыгланмак «собираться (о многих)» к понудительному сыпырмак

«сдирать», «соскабливать», гёркезбек «показывать» (Чарыяров 1970: 135-155), которые, хотя и имеют залоговые аффиксы, ничем не отличаются от основного залога. Это лексические формы, потерявшие значения косвенных залогов.

По справедливому замечанию А.А. Юлдашева, «таких лексических форм в каждом из тюркских языков слишком много, чтобы пренебрегая ими, считать залогом всякое сочетание глагольной основы с залоговым аффиксом» (Юлдашев 1972: 133).

Как свидетельствуют общепилологические словари, в карачаево-балкарском, как и в других тюркских языках, среди каждой залоговой формы немало, лексикализовавшись, ставших словарными единицами, хотя, как уже говорилось, абсолютное большинство их регистрировалось и продолжает регистрироваться как залоговые формы. При этом основную часть этих единиц составляют формы понудительного, незначительную взаимно-совместного и страдательного залогов. Что касается формы возвратного залога на -н (-ын, -ин, -ун, -юн), т.е. собственно возвратного залога, то она за редким исключением имеет только лексическое значение, хотя и распространена на ограниченный круг основ.

Известно, что при лексикализации любая грамматическая форма, в том числе и залоговая форма глагола, обычно приобретает отличное от исходной основы значение; ср. айтдыр- 1. «заставить сказать, признаться в чем и 2. сообщить, передать (от айт- «говорить, сказать»); табыл- 1. быть найденным и 2. приходиться, идти, доходить, добираться куда-л. (от тап- «находить, обнаруживать кого-что»); даулаш- 1. предъявлять претензии, иск друг к другу и 2. спорить (друг с другом) (от даула- «требовать что, оспаривать что; претендовать на что», «предъявлять иск» (юр.)) и др.

Однако немало случаев, когда значения лексикализованных залоговых форм по смыслу не отличаются от значений их исходных основ, т.е. их дублируют. Например, бёлдюр- 1. заставить делить и 2. делить кого-что, разделить на части; 3. расщеплять, дробить что (от бёл- «делить кого-что,

разделить на части», «расщеплять, дробить что») кёрюш- 1. видеть друг друга и 2. повидаться (от кёр- «видеть»), жыйыл- 1. быть собранным и 2. собираться; 2. комплектоваться (от жый- 1. собирать кого-что; 2. комплектовать что) и др. С нашей точки зрения, и в подобных случаях следует усматривать лексикализацию, поскольку грамматическое (залоговое) значение переходит в лексическое.

Все это говорит о сложности проблемы разграничения залоговых и словообразовательных аффиксов в системе внутриглагольного словообразования, а также словообразовательной и словоизменяющей функций залоговых аффиксов.

Литература

1. Геляева А.И. Залоговая и словообразовательная функция залоговых аффиксов в карачаево-балкарском языке. - М.: Ин-т языкознания, 1981.
2. Зиннатуллина К.З. Залог глагола в современном татарском литературном языке. – Казань, 1969.
3. Юлдашев А.А. Глагол // Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
4. Юлдашев А.А. Полная лексикализация грамматических форм слова // Юлдашев А.А. Принципы составления тюрко-русских словарей. - М.: Наука, 1972.

Т
е
к
у
е
в

М
.
М
.

ИРРЕАЛИС И СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема выделения морфологических категорий в тюркских, да и не только в тюркских, языках является одной из самых сложных. Сложность заключается в том, что нет единого принципа их классификации. Спор в основном идет вокруг ирреальных наклонений, которые имеют разветвленную сеть форм, выражающих «различные воображаемые» ситуации (Плунгян 2000: 10), а реалис – это изъяснительное наклонение, совпадающее с категорией времени и выражающееся в нем, споров не вызывает.

Выделение изъявительного наклонения не вызывает споров и в русском языкознании (СРЯ 1999: 561). Однако по вопросу ирреальных наклонений и у них нет единого мнения. Так, в работе «Современный русский язык» (ред. Е.И. Диброва) выделяется три наклонения (изъявительное, сослагательное, повелительное) (СРЯ 2001: 96-97). А Н.Ю. Шведова выделяет пять наклонений: повелительное, сослагательное, изъявительное желательное, долженствовательное (Шведова 2005: 116-132).

В тюркологии тоже разные ученые в разных тюркских языках выделяют разное количество наклонений. Для выделения наклонений должен быть какой-то общий принцип, или общее инвариантное значение, опираясь на которое можно было бы распределить по рубрикам те ситуации, которые встречаются в действительности или в воображении (недействительности). Таким семантическим инвариантом М.В. Зайнуллин предлагает считать значение «выражения отношения говорящего на связь, которая устанавливается им между содержанием высказывания и действительностью» (Зайнуллин 1986: 29). Исходя из этого весьма плодотворного положения, вся структура модальности распадается на два разряда: реальность (действительное наклонение) ирреальность (повелительное, сослагательное, желательное, долженствовательное и т.д.) наклонения. Сюда же относятся будущее время, отрицательная полярность, косвенные наклонения (т.е. формы, выражающие необходимость и возможность, эпистемическую оценку, желание, намерение, побуждение и запрет, условие, уступку и т.д.), а также – в несколько меньшей степени – формы эвиденциальной семантики в тех случаях, когда они дополнительно выражают негативность говорящего брать на себя ответственность за истинность незасвидетельствованной им лично ситуации (ИИ 2004: 15). Это такие ситуации, в семантике глагольных граммем в которых имеется ирреальный компонент.

В связи с этим разные тюркологи выделяют в разных тюркских языках разное количество наклонений. Например, А.Н.Кононов в узбекском языке выделяет четыре наклонения:

изъявительное, повелительное, условное, желательное (Кононов 1960: 202).

К.М. Мусаев в караимском языке выделяет тоже четыре наклонения: повелительное, изъявительное, желательно-сослагательное, условное (Мусаев 1964: 265). Следует отметить мысль К.М.Мусаева о том, что следует выделять наклонения «на основе суммы семантических и грамматических признаков, т.к. не все наклонения обладают формальным признаком наклонения. Только желательно-сослагательное и условное имеют формальные показатели, а остальные не имеют: повелительное – нулевой показатель, изъявительное – совпадает с категорией времени (Там же).

Н.Э. Гаджихмедов в кумыкском языке отмечает семь наклонений: изъявительное, повелительное, желательное, условное, сослагательное, уступительное, долженствовательное (Гаджихмедов 2000: 211-283).

М.В. Зайнуллин выделяет семь наклонений: модальность действительности (индикатив), модальность долженствования и необходимости (дебитатив), модальность возможности (потенциалис), побудительная модальность (императив), желательная модальность (оптатив), модальность намерения (волитатив), предположительная (гипотетическая) модальность (Зайнуллин 1986: 33-106).

Еще более разветвленную систему наклонений дает в якутском языке Е.И. Коркина: изъявительное, повелительное, условное, утвердительное, долженствовательное наклонение обычно совершаемого действия, возможное наклонение, наклонение несовершившегося (неосуществимого) действия, сослагательное, предположительное. Она не ограничивается десятью наклонениями и предупреждает о возможности появления новых наклонений (Коркина 1970: 285). В.И. Рассадин в тофаларском языке отмечает семь наклонений: изъявительное, повелительное желательное, спасительное, уступительное сослагательное (Рассадин 1978: 200-231).

Карачаево-балкарские исследователи тоже дают разное количество наклонений. Так, Н.К. Караулов в «Кратком очерке

грамматики горского языка «болкар» указывает три наклонения: изъявительное (сюда же он относит «долженствовательную форму»), повелительное, условное. У.Д. Алиев устанавливает четыре наклонения: повелительное, желательное, изъявительное и условное (оно же «сослагательное» и «предположительное»). В.З. Филоненно и В.Прёле отмечают изъявительное, повелительное, условное и желательное (цит. по Урусбиеву 1963: 32). У.Б. Алиев отмечает пять наклонений: изъявительное, повелительное, условное, желательное и инфинитив (Алиев 1958: 121-122). При этом он желательное наклонение называет «алгышчы туруш», хотя следовало тогда назвать доброжелательным. А.М. Байрамкулов выделяет три наклонения: повелительное, изъявительное и условное (Байрамкулов 1958: 86-87). Учитывая анализ фактов языка и мнения специалистов, И.Х.-М. Урусбиев выделяет в карачаево-балкарском языке пять наклонений: повелительное, изъявительное, желательное, условно-уступительно-сослагательное и положительную модальность (Урусбиев 1963: 32).

Вне наклонений он рассматривает отдельные аналитические модальные формы глагола с модальными модификаторами кёр «видеть, пробовать», болур «возможно, будет» кёреме «видеть пробовать» ушайды «похоже», де «сказав», ашагъан болур «наверное, покушал», ашагъан кибик эт // ашагъанча эт «притворись, как будто кушаешь», экен «оказывается», барыргъа кюреш «стараться идти» (там же: 110-117).

Нам представляется, что ближе к пониманию системно-семантического описания наклонений все же подошел И.Х.-М. Урусбиев, но не успел из-за безвременной кончины.

Мы, памятуя известное положение М.В. Зайнуллина, предлагаем следующую систему наклонений в карачаево-балкарском языке.

Изъявительное наклонение (индикатив) (туура туруш): Мен юйге барама, бардым, барлыкъма «Я иду, пошел, пойду домой».

Повелительное наклонение (инфинитив) (буйрукчу туруш): Сен юйге бар «Ты иди домой»; Сиз юйге барыгъыз «Вы идите домой».

Условное наклонение (шарт туруш) с формальным показателем -са (-се): Мен барсам «Если я пойду»; Сен барсанг «Если ты пойдешь»; Ол барса «Если он пойдет» и т.д.

Желательное наклонение (итиниучо туруш): Юйге бир барайым «Схожу-ка я домой»; Ийсагъан юйге бир барыр эди «Хоть бы сходить раз домой»; Барайым «Схожу-ка я» и т.д.

Благожелательное наклонение (алгъышчы туруш). Это наклонение обычно тюркологи не выделяют. И.Х.-М. Урусбиев рассматривает его в составе желательного наклонения, хотя по содержанию и формальным средствам отличается от него. Поэтому мы его рассматриваем отдельно. Формальные средства -гъын/-гин, -гъун/-гюн, -сын/-син, -сун/-сюн: Сен артымда къалгъын «Чтобы ты пережил меня»; Насыпдан толгъун «Чтобы ты был счастлив»; Аналагъа жангыз улан туумасын, Тууса, туусун, аурумасын ёлмесин, Аны анасы аны ачыуун кёрмесин «Пусть у матерей рождается не один сын, а если родится, то пусть не болеет, не умирает, Пусть мать не видит его горя».

Неблагожелательное наклонение (къаргъышчы туруш). Формальные показатели этого наклонения совпадают с благожелательным, только содержание совершенно противоположное, поэтому предлагаем рассматривать отдельно: Ары айлансанг, акъ атынг бла ал болгъун, бери айлансанг, акъ атынга сол болгъун, къара чепкенинги туймеси сайын окъ тийсин «Когда пойдешь в набег, чтоб на белом коне ехал впереди, когда будешь возвращаться, чтобы твой труп привезли на твоём белом коне, сколько пуговиц на бешмете, чтоб тебя пронзило столько пуль». К этому можно добавить мнение Б.А. Серебренникова (1988: 23), который приводит выражение «Чтобы ты лопнул».

Уступительное наклонение (хатерчи туруш). Образуется с аффиксом -са/-се в глаголе и частицы «да»; Кёрсем да «Хотя и увижу я»; Кёрсенг да «Хотя увидишь ты»; Кёрсе да «Хотя и увидит он».

Долженствовательное наклонение (керекчи туруш). Образуется присоединением аффикса -ыргъа/-ирге к глагольной основе + керек + личные аффиксы: Барыргъа керекме «Я должен сходить»; Сен барыргъа керексе «Ты должен сходить»; Ол барыргъа керекди «Он должен сходить».

Наклонение неуверенности в совершении действия (арсарчы туруш). Образуется аналитически: присоединением аффикса -гъан/-ген + болур + личные аффиксы: Баргъан болурма «Я возможно, ходил»; Баргъан болурса «Ты, возможно, ходил и т.д.».

Наклонение предположения (ишекличи туруш). Образуется аналитически с помощью аффикса -ча, присоединяемого к основе глагола на -гъан + кёрюне + личные аффиксы: Тилегенча кёрюнеди «Как будто он просит»; Тилегенча кёрюнесе «Я как будто прошу»; Тилегенча кёрюнесе «Ты как будто просишь» и т.д.

Наклонение похожести действия (ушашчы туруш). Образуется аналитически по модели: глагол в деепричастной форме на -а/-е или на гъаннга/-геннге + модификатор ушай + личные аффиксы: Бара ушайма, келе ушайма «Я как будто ухожу, как будто прихожу»; Баргъаннга ушайма, келгеннге ушайма «Я похож на уходящего, входящего». Эта модель продуктивна.

Наклонение возможности (онглучу туруш). Образуется аналитически по модели: глагол в деепричастной форме на -а/-е + глагол – модификатор айлана + личные аффиксы: бара айлана + личные аффиксы: Бара айланама, келе айланама «Я собираюсь пойти, прийти» и т.д. Образование регулярное.

Наклонение видимости действия (кёрюмчю туруш). Образуется аналитически по модели: 1) причастие на -гъан основного глагола + модификатор кибик + личные аффиксы: Баргъан кибикме, баргъан кибиксе «Я, похоже иду, ты, похоже идешь»; 2) на -гъан/-ген + кибик + эт + личные аффиксы: Баргъан кибик эт «Ты создай видимость, что идешь»; Баргъан кибик этсин «Пусть он создает видимость, что уходит» и т.д. Эта модель весьма регулярная в карачаево-балкарском языке.

Наклонение старательности действия (кюрешчи туруш). Образуется по модели: глагол в форме на -ыргъа/-ирге + модификатор кюреш + личные аффиксы: Барыргъа кюрешеме «Я стараюсь идти»; Ишлерге кюрешсин «Пусть он старается работать» и т.д. Такие образования регулярны в карачаево-балкарском языке.

Наклонение констатации факта (толтуруучу туруш). Образуется аналитически по модели: причастие на -гъан/-ген основного глагола + модификатор в деепричастной форме на -е + личный аффикс 1-го лица: Ол школгъа бара кёреме «Он, оказывается, идет в школу»; Ол школгъа баргъан кёреме «Он оказывается сходил в школу» и т.д. Тоже дает весьма регулярные образования.

Наклонение стремления совершить действия (итиниучю туруш). Образуется аналитически по модели: форма на -ыргъа/-ирге основного глагола + модификатор в форме на -е + личные аффиксы: Барыргъа суюме «Я хочу, стремлюсь поехать»; Барыргъа суюсе «Ты хочешь стремиться поехать» и т.д. По такой модели образуются регулярные ряды.

Таким образом, можно констатировать, что в тюркских языках ирреальная модальность представлена весьма широко. В языке есть такие значения, есть и средства выражения этих ирреальных значений – значит им следует придать статус наклонений.

Литература

1. Гаджихмедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке. - Махачкала, 2000.
2. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория. - Саратов, 1986.
3. Ирреалис и ирреальность (ИИ). - М., 2004.
4. Кононов Е.А. Грамматика узбекского литературного языка. - М.-Л., 1960.
5. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. - М., 1970.

6. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. - М., 1964.
7. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. - М., 2003.
8. Серебрянников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. - М., 1988.
9. Современный русский язык (ред. Диброва) (СРЯ). - М., 2001.
10. Современный русский язык (ред. Шведова) (СРЯ). - М., 1999.
11. Текуев М.М. Сопоставительное изучение реалиса/ирреалиса в русском и карачаево-балкарском языках. - Карачаевск, 2007.
12. Урусбиев И.Х.-М. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. - Черкесск, 1963.
13. Шведова Н.Ю. Русский язык: Избранные труды. - М., 2005.

Уртенова Л.С.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ГАЗЕТЫ «ЗАМАН»

Продолжающиеся по сегодняшний день преобразования затрагивают не только культуру, но и политику, экономику и другие сферы нашей жизни. Это особенно ярко проявляется в общественно-политической терминологии современного карачаево-балкарского языка.

Средства массовой информации и пропаганды в современном мире оказывают огромное влияние на развитие и функционирование языка, особенно для новописьменных языков, таких как карачаево-балкарский. Материалы средств массовой информации в основном имеют политическую окраску, их контекст обуславливается во многом социально-оценочными качествами. Таким образом «в условиях все возрастающей политической активности масс, эта лексика

органически входит в повседневную жизнь» (Протченко, 1965:103).

Мы опираемся на тексты газеты «Заман» и видим картину, где наиболее чувствительной к изменениям в обществе является его лексический пласт. Именно в сфере политической лексики наблюдаются интересные тенденции в использовании журналистами общественно-политических терминов.

Общественно-политическая лексика газеты «Заман» освещает события внутренней и международной жизни, поскольку общественно-политические темы являются ведущими и основными в газете. По мнению Г.Я. Солганика, это связано с тем, что «язык газеты быстро реагирует на все «новшества», происходящие в системе языка: так, первые фиксации заимствований мы встречаем именно на страницах газет» (Солганик, 2003). Ведь главным образом через газету и происходит сегодня процесс обновления общественно-политической терминологии современного карачаево-балкарского языка.

Анализ текстов газеты «Заман» позволяет выделить четыре периода в развитии общественно-политической терминологии: первый – с 1924 по 1930гг., второй – с 1931 по 1944гг., третий – с 1957 по 1990гг. и четвертый - 1991 по настоящее время.

В изданиях первого периода можно встретить огромное количество арабских и персидских терминов. Ср: сиясат «политика», хурриет «революция», хокумат «государство» и т.п. По мнению И.М.Отарова «это связано с тем, что среди карачаевского и балкарского мужского населения в начале XX века, изучавшие арабский язык составляли 7%, а изучавшие русский язык – 1,5%» (Отаров, 1987:7). Но, тем не менее, в этом периоде, благодаря общению с представителями русского и других народов, в карачаево-балкарский язык активно проникают русские и интернациональные слова. Например: банк, комсомол, социализм, политика, комиссар, актив, председатель и др.

Второй период характеризуется массовым притоком русских и интернациональных слов. «Этому способствовали гигантские преобразования в общественно-политической, экономической и духовной жизни карачаевцев и балкарцев, связанные с первыми пятилетками и Великой Отечественной войной, а также стремление передовых представителей печати изъять из письменного языка арабизмы и иранизмы» (Отаров, там же). Появляются новые заимствования, которые закрепляются в активном фонде лексики карачаево-балкарского языка: промышленность, трактор, делегат, совхоз, колхоз и создаются новые термины из карачаево-балкарских слов: бешжыллыкь «пятилетка», иш кюн «трудодень», ишсизлик «безработица» и др.

Третий период в развитии общественно-политической терминологии связан с возвращением карачаевцев и балкарцев на родину из мест ссылки, восстановлением автономии и возобновлением газетного дела. В эти годы карачаево-балкарские языковеды и журналисты искали новые пути улучшения языка газет, издаваемых на карачаево-балкарском языке, при этом учитывали ошибки предыдущих лет. Издаются словари по терминологии: «Русско-балкарский политико-терминологический словарь» (1961), «Русско-карачаево-балкарский словарь» (1965), «Русско-карачаевский словарь общественно-политической терминологии» (1980) и др.

Четвертый период – это сложный процесс становления новой демократии, свобода слова, внедрение рыночных отношений, смена политических и идеологических ориентиров, переоценка ценностей, которые не только привели к ряду новаций в языке газеты «Заман», но и косвенно стимулировали ускорение некоторых чисто лингвистических тенденций. Современный газетный текст в полной мере отражает не только перемены, происходящие в общественно-политической и социально-экономической жизни, но и, что особенно важно для лингвистических исследований, изменения в языке.

При образовании новых общественно-политических терминов карачаево-балкарского языка ученые - языковеды

использовали следующие способы: семантический, морфологический, синтаксический и заимствование с калькированием. Ср.: семантический: буйрукъ «приказ», бегим «постановление», сайлау «выборы» и др.; морфологический: мамырлыкъ «мир», къарам «взгляд», къыраллыкъ «государственность», келишим «договор» и др.; синтаксический: ата журт «отечество», эл мюлк «сельское хозяйство», халкъланы шуёхлугъу «дружба народов» и др.

Значительное место в общественно-политической терминологии имеет заимствованная лексика. Как было указано выше, в первом периоде были приведены заимствования из арабского и персидского языков, некоторые из них позже были заменены интернациональными терминами, ср.: хурриет «революция», сиясат «политика», синф «класс» и др. Но на сегодняшний день, на материалах газеты «Заман» можно встретить разные терминологические варианты этих слов. Можно было бы уже определиться в отношении употребления таких слов и выбрать один вариант.

Большинство общественно-политических терминов карачаево-балкарского языка заимствованы через русский язык и их гораздо больше, чем исконно карачаево-балкарских.

Из выше изложенного следует, что понятность, доступность общественно-политической лексики составляет отличительную особенность ее как терминологической сферы. Использование общественно-политической терминологии в языке массовой пропаганды и агитации (в том числе в газетах и журналах) является одной из причин широкой доступности. Другой же причиной, или важной особенностью общественно-политической лексики заключается в ее социально оценочном характере. Достижения социальной эволюции, общественно-культурного развития карачаевцев и балкарцев способствуют росту интеллекта и национального самосознания.

Общественно-политической лексике отводится важное место в словаре современного литературного карачаево-балкарского языка. Она получила широкое распространение во многих стилях и потому встречается и в разговорной речи, и в

языке художественной литературы, и в официально-деловом, научном, газетно-публицистическом стилях.

Литература

1. Отаров И.М. Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик, 1987.
2. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1965.
3. Солганик Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX веке / Г.Я. Солганик // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика.- М., 2002.- №2.- С. 39-53.

Хаджиев Р.А.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРАБСКИХ И ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОСТАВЕ КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКИХ ПАРЕМИЙ

Специфика языка находит свою репрезентацию в паремиях и других речевых произведениях, относящихся к ее древним пластам. В силу этого достаточно релевантным следует признать и выявление того, насколько глубоко пустили свои корни арабские и персидские заимствования в лексике устного народного творчества карачаевцев и балкарцев. Исходя из этого, обратимся к пословично-поговорному фонду карачаевцев и балкарцев. тем более, что одним из показателей семантического освоения заимствований является их употребительность в составе пословиц и поговорок, о чем говорят специальные лингвистические исследования (Забитов 2001: 143).

В значительном количестве карачаево-балкарских пословиц и поговорок, в которых констатируется предопределенность всего сущего от Всевышнего, имеется компонент Аллах: Хар зат Аллахданды «Все от бога»; Аллах берген да этер, алгъан да этер «Бог и дает, и забирает». Аллах наказывает человека лишением рассудка: Аллах адамны жарлы этерге тебиресе, алгъы бурун акъылын алады «Если Аллах

собирается сделать человека несчастным, то первым делом лишает его разума».

Жан карачаевцами и балкарцами, как и многими другими тюркскими этносами, воспринимается в качестве неотъемлемого атрибута всякого живого существа, в первую очередь человека. О значимости этого концепта для карачаево-балкарской лингвокультуры свидетельствуют также пословицы и поговорки: Жан жашаудан тоймаз «Душа жизнью не насытится»; Жан татлыды «Душа сладка» и др.

В пословицах и поговорках достаточно отчетливо проявляется такой концепт, как намыс, который дефинируется посредством понятий «честь, достоинство, совесть». Он имеет непосредственное отношение к так называемой «этической картине мира» карачаевцев и балкарцев. Лицо, обладающее намысом, обычно в социуме пользуется авторитетом и уважением. В восприятии носителей карачаево-балкарского языка рассматриваемый концепт ценится больше, чем любые другие материальные блага: Алтындан намыс багъалыды «Честь дороже золота». Его невозможно приобрести как другие предметы: Намыс сатылып алынмайды «Честь не покупается». Утраченная нравственность не подлежит возврату, его легко потерять: Жылла бла табылгъан намыс бир такъыйкъагъа тас болур «Накопленная годами честь теряется вмиг». Жизнь человека без намыса не представляется возможным, при его отсутствии нет и других земных благ: Намысы жокъну дуниясы жокъ «Кто не чтит, у того нет жизни».

В карачаево-балкарской языковой картине мира «счастье обусловлено честью» (Мокаева 2004: 21), они неотделимы друг от друга: Намыс жокъда насып жокъ «Где чести нет, там нет и счастья». Ср. паремию Намысы болгъан юйде тепсилени саны – юч «В доме, где есть нравственность, столов три». Появление такой паремии предопределяется образом жизни традиционного социума. Дело в том, что в карачаевских и балкарских семьях для стариков, главы семьи, матери и детям накрывались отдельные столы, что признавалось как неотъемлемый атрибут приличия. Спиртное и честь несовместимы: Ичги бери болса,

намыс кери болур, табылмаз «Чем ближе выпивка, тем дальше честь».

В паремиях представлено мерило счастья. Так, для традиционного общества – это рождение батыра, для земли – дождь, для родителей – успех детей и т.п.: Батыр тууса, элге насып, жауун жауса, жерге насып «Если родится батыр – счастье для села, если пойдет дождь – счастье для земли»; Насыплыны баласы кюнден кюннге баш болур «У счастливого дитя день ото дня умнеет (становится во главе)». Счастье для человека – это фортуна: Насыбы алгъа урса, къылдан тутуп тизилир, насыбы артха урса, сынжыр бау да юзюлор «Будет счастье – волосинка спасет, не будет ее – цепь не спасет». Несмотря на то, что счастье ценится, балкарец и карачаевец выбирают человечность: Насып игиди, адамлыгъ’ а андан да игиди «Счастье хорошо, а человечность еще лучше».

Концептуализации в паремиях подвергается и ум «акъыл». Пословичный фонд карачаевцев и балкарцев достаточно ярко представляет образную картину ума в контексте различных кодов культуры. Так, четко отмечается, что интеллект имеет непосредственное отношение к такому важному соматическому коду, как голова, поскольку «в голове находится мозг, орган человека, осуществляющий его интеллектуальную деятельность, поэтому наибольшее количество фразеологизмов с этим словом дает характеристику умственных способностей человека» (Хайруллина 1996: 83). Отмеченное здесь релевантно и для паремий: Акъыл къартда, жашда тюйюлдю, башдады «Ум не в возрасте, а в голове».

Наличие ума это не результат торга, а следствие кропотливого труда, он приносит пользу уже на физиологическом уровне, является благом для человека: Акъыл базарда сатылмайды «Ум на базаре не продается»; Акъыл аздырмаз, билим тоздурмаз «От ума не похудеешь, от знаний не обветшаешь». В силу указанного паремии советуют хранить ум и постоянно его углублять: Малдан жарым болсанг да, акъылдан жарым болма «Если даже теряешь богатство, ум не теряй»; Акъылны акъылсыздан юйрен «Уму учись у неумного». Вторая

пословица не советует поступать как неумный. Именно недалекий человек думает, что он самый умный: Акъылы жокъ акъылына ышаныр «У кого нет ума, тот надеется на свой ум». Такому человеку ничего не помогает: Акъылы болмагъаннга сакъалы болушмаз «Если ума нет, борода не поможет».

Ум ценится в равной степени с таким понятием, как «воспитанность: Акъыл бла адеп тенг «Ум и воспитанность равноценны». Для него нет единицы измерения и цены, однако он сравнивается с окружающей человека действительностью: Акъылгъа ёлче жокъ «Ум аршином не измеришь»; Акъыл – къобан, сагъыш – тенгиз «Ум – река, думы – море».

Умный человек получает положительную характеристику по широкому диапазону качеств, ценимых в социуме. Он не обманет, уживчив, безопасен, понимает с первого слова, является хозяином положения и т.д.: Акъыллы адам жарашыу болур «Умный человек уживчив»; Акъыллыны аллы бла оз, акъылсызны арты бла оз «Обходи умного спереди, дурака – сзади»; Акъыллыгъа бир айт, акъылсызгъа минг айт «Умному скажи раз, глупому говори хоть тысячу раз»; Акъыллы сени да алдамаз, кесин да алдатмаз «Умный и тебя не обманет, и себя не даст обмануть».

Существует большое количество пословиц и поговорок, в состав которых входит зимствованное персидское слово кеси «сам». Данное слово релевантно для концепта «свое», который интерпретируется как одна из основополагающих ценностей. Благодаря рассматриваемой лексеме в паремиях актуализируется эгоцентричность лица. Народная мудрость отмечает, что человек, прежде всего, должен позаботиться о самом себе, в противном случае ему никто не помощник, даже Бог. И добро, и зло исходят от самого человека: Кесим демегенни эки эрини бир бирге жетмез «Кто не говорит ясам, у того губы не смыкаются»; Кесинг башынгы тутмасанг, Аллахдан да хайыр жокъ «Сам себе жизнь не создашь, и бог не поможет (На бога надейся, а сам не плошай)»; Кесингден чыкъмагъан кир кесинге жабышмаз «Чужая грязь не пристанет»;

Кесим этдим хата, кьайры барайым сата «Сам я натворил беду, куда же мне идти ее продавать».

Когда дело доходит до самого себя, человек становится сильнее, хитрее, гибче: Кесиме дегенде, ёгюз тенгли кючюм бар, башхагъа дегенде – ишим бар «Себе – так сила как у вола, как другому – так у меня есть кое-какие дела»; Кесине керек болса – тюлкую, сениге керек болса – кирпичи «Когда ему что нужно, лисой делается, а когда тебе – становится ежом».

Кто для себя может делать добро, тот полезен и для общества: Кесине иги оноу этген халкъгъа да этер «Тот, кто может хорошо решать свои дела, способен решать дела и других». Поэтому в пословицах и поговорках высмеивается лицо, дающее советы другим, которые он сам не реализует: Кеси билмей эди да, элни юйрете эди «Сам ничего не умел, а людей поучал».

В карачаево-балкарской лингвокультуре чрезмерная эгоцентричность подвергается критике, поскольку жить в обществе и быть свободным от общества неприемлемо, чрезмерное увлечение собой является отклонением от социальной нормы: Кеси башын чегетде бёрю да асырайды «И волк в лесу себя кормит».

Ряд паремий не рекомендует человеку смотреть свысока и отрываться от близких и односельчан, поскольку именно чужие должны оценить его по достоинству, а кто думает только о себе, тот не станет богатым: Кесинги башхаладан уллу кёрме, башхала сени уллу кёрсюнле «Не считай себя лучше других, пусть тебя другие считают лучшим»; Кесиме деген байынмаз «Кто все тянет только себе, тот не разбогатеет». Даже женитьба не должна быть связана с эго мужчины: Кесинг суйгенни алма, кесинги суйгенни ал «Женись не на той, которую любишь, а женись на той, которая тебя любит».

Таким образом, рассмотренный выше фактологический материал говорит в пользу того, что заимствованные арабизмы и персизмы глубоко проникли в карачаево-балкарский язык через паремии. Рядовыми носителями языка они уже воспринимаются как обязательные элементы собственной культуры.

Литература

1. Забитов С. Арабизмы в лексике восточнокавказских языков. – М., 2001. – 219 с.
2. Мокаева И.Р. Этические концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балкарского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2004. – 23 с.
3. Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). – М.: Прометей, 1996. – 147 с.

Хаджиев Р.А.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРАБСКИХ И ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Усвоение заимствованных лексических единиц, их внедрение в лексико-семантическую систему языка-реципиента представляет собой многоплановое явление. Как отмечается в лингвистической литературе, «одним из показателей семантического освоения заимствований является их употребительность в составе устойчивых выражений» (Забитов 2001: 143).

По мнению ряда языковедов, значительный интерес представляют так называемые этические выражения, представляющие собой ритуализированные формулы речевого поведения, «которые делятся на формулы – приветствия, формулы – прощания, формулы – благопожелания, формулы – сочувствия, формулы – утешения и т.д.» (Габуниа, Башиева 1993: 60). Такого рода речевые формулы активно используются в повседневном общении, являются маркерами духовной и материальной культуры социума, дают представления о его мировосприятии, характеризуются значительным функционально-семантическим потенциалом. В их составе имеется большое количество заимствованных арабских и

персидских лексем, что свидетельствует о взаимопроникновении различных культур, а также о некоторой трансформированности традиционной карачаево-балкарской культуры. Так, например, в языческой религии карачаевцев и балкарцев, как и многих других тюркских народов, верховным богом признавался бог неба Тейри (Тенгри). Опираясь на исторические, этнографические и лингвистические данные, И.М. Шаманов приходит к выводу, что теоним Тейри в представлении карачаевцев и балкарцев являлось существом всемогущим, вездесущим, с универсальными функциями (см. об этом Шаманов 1982: 155-171). С укреплением позиций ислама в народной среде отмеченный выше теоним был вытеснен лексемой Аллах. В результате этого данная лексема превратилась в культурный концепт, отражающий национальный менталитет, и представлен на сегодняшний день в знаниях, верованиях, обычаях, религии народа.

Устойчивые дескрипции с компонентом Аллах, как правило, «имеют нейтральную или положительную эмоционально-экспрессивную окраску и часто относятся к книжному стилю» (Гаджихмедов 2010: 54). Примеры: Аллах айтса «если Бог даст», Аллах билсин «одному Богу известно» и др.

Карачаевцы и балкарцы при выражении соболезнования и упоминании имени усопшего обычно используют устойчивые обороты типа Аллах гюнахларын кечсин (кзурутсун) «да простит Аллах его (ее) грехи».

В карачаево-балкарском языке есть специальный пласт сочетаний, предназначенных для репрезентации различных чувственных проявлений и используемых носителями языка для выражения отрицательной реакции на определенную ситуацию или действия лица, к которым относятся испуг, удивление, недоумение, недовольство, порицание и т.п.: Аллах урлукъ (урсун) букв. «чтобы Аллах ударил», Аллах къаргъарыкъ «чтобы Аллах покарал» и др. Большинство из них имеют отношение к такому жанру, как проклятия (каргыши). Речевая культура предполагает употребление в разговоре формулы типа

Сёзюнгю бёлдюм, аурууунгу Аллах бёлсюн «Я прервал твое слово, пусть Аллах прервет твою болезнь». Употребление их обуславливается традиционным речевым этикетом.

Многие устойчивые речевые формулы, содержащие арабские и персидские заимствования, ситуативно строго закреплены и используются как благопожелания, произносимые при рождении ребенка, бракосочетании, сообщении доброй вести, сборе урожая, на различного рода празднествах: Аллахны жүреги да бу юйге ачык болсун! «Пусть сердце Аллаха будет открытым для этого дома!»; Базар болсун! «Сбыта вам!»; Берекет берсин! «Да прибудет! Да будет обилие, благоденствие!»; Жаратхан Аллах иги алгыш этсин, бу боза баргъан жерге да ауруу бармасын «Бог сотворивший пусть сделает хороший алгыш, куда попала эта буза, туда пусть болезни не проникнут»; Ырысхы, насып юйюгюзде толуп кълсын «Изобилия, счастья в вашем доме пусть будет много»; Аллах юйлерин къурасын! «Да поможет Аллах их домашнему очагу!» и т.д.

В карачаево-балкарском языкознании определенное внимание уделяется фразеологическим единицам с точки зрения их грамматической структуры. По семантико-грамматическим показателям в карачаево-балкарском языке традиционно выделяются субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные модели фразеологических единиц. Все они в карачаево-балкарском языке могут иметь в качестве обязательных компонентов арабские и персидские заимствования. Приведем примеры: аргъы дуния «потусторонний мир», базар гинжи «красивый, нарядный», жаны саулай «живьем», айыбына жолукъдур «привлекать его к ответственности, наказывать» и т.п.

По нашим подсчетам, в карачаево-балкарском языке имеется свыше 300 фразеологических единиц, содержащих в своем составе арабские и персидские заимствования. Самое большое количество из них составляют фразеологизмы, являющиеся эквивалентами глагольным лексемам, т.е. выполняющие функции глаголов. Они характеризуются

широким спектром значений: ахыратха жибер «убить», ахырына жетдир «доводить до конца, завершать», айыплы эт «позорить» и др.

Во фразеологических единицах с заимствованными лексемами больше всего представлено персидское по происхождению слово жан «душа (нематериальное начало в человеке)», которое употребляется наряду с исконно тюркским словом кёл «душа, внутренний психический мир человека», а во многих случаях его вытеснило. Компонент жан наличествует в свыше 50 фразеологических единицах. Обращение к ним в определенной степени способствует выявлению специфики функционирования ряда эмоциональных концептов в карачаево-балкарском языке.

Жан карачаевцами и балкарцами, как и многими другими тюркскими этносами, воспринимается в качестве неотъемлемого атрибута всякого живого существа, в первую очередь человека. Как пишет Ж.М. Кучменова, «человека без души в балкарской ЯКМ не существует, ведь без души человек – труп, ср. жан алыу, букв. «взятие души» - это смерть» (Кучменова 2005: 16). Действительно, отдать душу или взять ее у кого-то предполагает смерть, о чем свидетельствуют примеры типа жан ал // жан бер «умереть», жан тарт «агонизировать», жаны чыкъды «умереть». Фразеологическая единица жан алычу (букв. забирающий душу) дефинируется как «ангел смерти; отвратительный, превредный человек». У кого же душа в теле и цела, тот живой: жаны сау «живой (человек)». Чтобы сохранить свою жизнь, человек должен беречь свою душу: жан сакъла букв. «охранять душу». Он может находиться в состоянии тревоги за свою душу, т.е. жизнь: жан къайгъылы «опасающийся за свою жизнь». А при необходимости и бороться за нее: жан къзауат (сермешу) «смертный бой».

В ряде специальных исследований отмечается, что, будучи нематериальной, душа «не может быть связана с каким-либо человеческим органом – и, тем не менее, она представляется находящейся в верхней части тела человека, в его груди» (Битокова 2009: 172). Рассматриваемый концепт

релевантен для мира эмоций. Под их воздействием душа подвергается движению и может на некоторое время оказаться в разных частях тела человека – в пятках или горле: жаны табанына кетди // жаны тамагына тыгылды «испугаться». Этому в первую очередь способствует испуг.

Самое ценное у носителя карачаево-балкарского языка может ассоциироваться с душой. Ценностное отношение через душу может проявляться по отношению не только к людям, но и к предметам: жан бла тёммек кибик (тёммекча) «неразлучный, неразделимый», жандан жаннга тёнгек бол «быть очень близкими, неразлучными друзьями», жан дарман «очень дорогой, очень ценный», жан дуккул «душенька», жан нёгер (дос) «закадычный друг», жаны-тини «самое дорогое, самый любимый, уважаемый для кого», жаныны кыйыры «самый любимый, дорогой для него человек, самое любимое, дорогое для него», жан тамыр // жан тёммек «самое дорогое, близкое; самый дорогой, близкий».

Душа сопряжена и с концептом «любовь». В ряде фразеологических единиц актуализируется жертвенность субъекта любви, т.е. человек ради другого человека может принести в жертву свою душу, поделиться им: жанын кърман этди «он пожертвовал за кого-что своей жизнью».

В отдельную группу можно выделить фразеологизмы со значением отношения к кому-, чему-либо: жан адыргы эт «стремиться, тщетно стараться делать что», жан ат «устраиваться, стараться изо всех сил делать что» и др.

Как видно из проанализированного материала, арабские и персидские заимствования обладают значительными функциональными возможностями в составе фразеологических единиц карачаево-балкарского языка, что свидетельствует об их усвоении системой языка.

Литература

1. Битокова С.Х. Метафора в языке, мышлении и культуре. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – 301 с.

2. Габуниа З., Башиева С. Риторика как часть традиционной культуры. – Нальчик: Эль-Фа, 1993. – 88 с.
3. Гаджихамедов Н.Э. Концепт Аллагъ «Бог» в кумыкской языковой картине мира // Вопросы тюркологии. – 2010. - №5. – С. 51-58.
4. Забитов С. Арабизмы в лексике восточнокавказских языков. – М., 2001. – 219 с.
5. Кучменова Ж.М. Эмоциональные концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балкарского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2005. – 23 с.
1. 6. Шаманов И.М. Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура). – Черкесск, 1982. – С. 155-171.

Хуболов С.М.,
Гелястанова Т.С
Кучмезова И.Х.

ИНФИНИТИВНЫЙ ОБОРОТ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

В определенной части фразеологизированных предложений некоторые позиции замещаются полупредикативными конструкциями. Они выступают в качестве репрезентаторов различных семантических компонентов фразеологизированных предложений. Полупредикативные конструкции, или глагольные именные обороты, обладают специфическими признаками. Как отмечает проф. И.Х.Ахматов: «...вопрос об их природе в тюркологической литературе до сих пор остается спорным и требует специального рассмотрения. ...Это объясняется тем, что такие обороты представляют собой сложное построение,

включающее в свой состав как предикатный знак, в качестве которого выступают неличные формы глагола, прилагательные, иногда даже существительные, так и непредикатные знаки. Иначе говоря, обороты имеют свою самостоятельную формальную и смысловую структуру. Эта структура, включаясь в предложения, занимает в нем какую-либо позицию, открываемую его предикатом, и, как и слово, выступает в нем в роли какого-либо семантического компонента» (Ахматов 1983: 197-198).

Наиболее частотными являются деепричастные и причастные обороты. Но некоторая часть рассматриваемых конструкций характеризуются тем, что в них в качестве обязательного компонента семантической структуры наличествует элемент, выражаемый инфинитивным оборотом (Инф.О). Инфинитив, как особая глагольная форма показывает действие, состояние или процесс без указания на его отношение к лицу и числу или реальной действительности (Аракин 1988: 483). Он является наиболее общим названием глагольного признака (Ганиев 1993: 230). Как отмечает проф. Н.К.Дмитриев, инфинитив имеет сравнительно позднее происхождение, что позволяет говорить о том, что его нельзя отнести к числу древнейших грамматических форм, некогда существовавших в общетюркском праязыке (Дмитриев 1948: 170).

В формально-синтаксическом отношении предложения, в которых в качестве обязательного компонента наличествует инфинитивный оборот, состоят из дополнения, выраженного инфинитивным оборотом и сказуемого, в роли которого выступает ФЕ (фразеологическая единица). В отдельных случаях инфинитивный оборот может выполнять роль обстоятельства. Данные предложения в исследуемом языке представлены различными схемами. Здесь рассматриваются предложения, построенные по схеме Инф.О – (С2 + С1 + Г), где С1, С2 ... - падежные формы имени, Г – глагол.

Как показывает анализ фактического материала, позиция сказуемого в этих конструкциях часто замещается фразеологизмами, выражающими различные отношения.

Предложения, построенные на основе фразеологизма аны кёлю бармайды “душа не лежит”, “рука не поднимается”, в зависимости от того, какое значение содержит инфинитивный оборот, могут выражать разные СемС (семантические структуры). Например: 1) Къой чыпчыкны юйренген жерин къояргъа кёлю бармайды (Ш.) “Сойке не хочется покидать насиженное место”. 2) Аланы къюуп кетерге къартланы кёлю бармайды (Ж.З.) “Старки не желают уйти, оставив их”. 3) Ахматны бу ишге къатышыргъа кёлю бармайды (К.ж.) Ахмат не хочет принимать участие в этом деле”. Семантическая структура первых двух предложений состоит из объекта положительного отношения субъекта положительного отношения и предиката положительного отношения, а третьего - из объекта отрицательного отношения, субъекта отрицательного отношения, предиката отрицательного отношения. Их ФСМ (формально-семантическая модель):

$$\text{а) } \frac{\text{Инф.О}}{\text{О полож.отн.}} - \frac{(\text{C}_2 + \text{C}_1 + \text{Г})}{\text{С полож.отн.} - \text{П полож.отн.}},$$

$$\text{б) } \frac{\text{Инф.О}}{\text{О отр.отн.}} - \frac{(\text{C}_2 + \text{C}_1 + \text{Г})}{\text{С отр.отн.} - \text{П отр.отн.}}.$$

Различные семантические структуры выражают предложения, образованные на основе ФЕ аны кёзю къыймайды “проявить жадность или жалость, сочувствие”: 1) Къушну атаргъа мени кёзюм къыймайды (К.О.) “Мне стало жаль убивать орла”. 2) Бишлакъ гыртны саулай берирге къатынны кёзю къыймады (К.О.) “Женщине стало жалко отдавать целый круг сыра”. Это зависит от семантики глагольного компонента инфинитивного оборота. Этот факт свидетельствует о том, что характер семантической структуры предложения зависит не только от значения предиката, но и других его компонентов.

СемС первого предложения состоит из субъекта жалостливого отношения, объекта жалостливого отношения и предиката жалостливого отношения.

$$\text{ФСМ: } \frac{\text{Инф.О}}{\text{О жал.отнош.}} - \frac{(\text{C}_2 + \text{C}_1 + \Gamma)}{\text{С жал.отн.} - \text{П жал.отн.}} .$$

Общая семантика: жалостливое или сочувственное отношение субъекта к объекту.

СемС второго предложения состоит из объекта проявления отрицательной черты характера, субъекта проявления отрицательной черты характера и предиката проявления отрицательной черты характера. Общая семантика: характеристика личного субъекта с точки зрения проявления отрицательной черты его характера - жадности.

$$\frac{\text{Инф.О}}{\text{ФСМ: } \frac{\text{C}_2 + \text{C}_1 + \Gamma}{\text{O проявл.черты хар-ра} - \text{C прояв.черты хар-ра} - \text{П прояв.черты хар-ра}}} . \quad \text{O}$$

Этот же фразеологизм может служить для выражения СемС, состоящей из субъекта почтительного отношения, объекта почтительного отношения и предиката почтительного отношения: Атасындан кьалгъан эски юйню бузаргъа аны кёзю кыймайды “У него рука не поднимается снести старый отцовский дом”. Общая семантика: почтительное, бережливое отношение личного субъекта к определенному объекту.

$$\text{ФСМ: } \frac{\text{Инф.О}}{\text{O почтит.отн.}} - \frac{(\text{C}_2 + \text{C}_1 + \Gamma)}{\text{С почтит.отн.} - \text{П почтит.отн.}} .$$

По данной схеме строится предложение с ФЕ аны бети жетмейди “совесть не позволяет”, СемС которого состоит из субъекта проявления положительной черты характера, ситуации, при которой проявляются эта черта характера, и предиката проявления положительной черты характера: 1) Тиширыугъа тенг болуп жаншаргъа Сюлеменни бети жетмеди (Фольк.) “Совесть не позволила Сулемену вступить в спор с женщиной.” 2) Заманы аз болса да, Ахматны жыйылыугъа бармай къалыргъа бети жетмеди (К.ж.) “Хотя и не было времени, Ахмат не смог себе позволить не пойти на собрание”.

	Инф.О	(C ₂ + C ₁ + Г)
ФСМ:		_____
	Ситуац.	С проявл. полож. черты хар-ра - П проявл. полож. черты хар-ра

Общая семантика: выражение положительной характеристики субъекта при определенной ситуации.

Из изложенного видно, что инфинитивный оборот в рамках данной структурной схемы является репрезентатором таких семантических компонентов, как объект отношения, ситуация и объект проявления черты характера.

Литература

1. Аракин В.Д. Инфинитив//Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М., 1988.
2. Ахматов И.Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. – Нальчик, 1983.
3. Ганиев Ф.А. Инфинитивные формы//Татарская грамматика. Т.2. Морфология. – Казань, 1993.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л., 1948.

АРАБСКИЕ И ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЭЗИИ К. МЕЧИЕВА

Творческому наследию основоположника балкарской поэзии Кязима Мечиева значительное внимание уделено в специальных исследованиях, посвященных различным аспектам балкарского литературоведения. Что же касается специфики языка и стиля его произведений, то остается еще много нерешенных проблем. В данной статье нами предпринимается попытка рассмотреть арабские и персидские заимствования, функционирующие в поэзии К.Мечиева.

Поиск подходов к лингвистическому анализу творческой индивидуальности поэта Кязима Мечиева привел нас к изучению арабских и персидских заимствований в его поэзии, которые в определенной степени влияют на представление языковой картины мира в его поэзии. В поэтической картине мира Кязима Мечиева представлены особенности балкарской национальной картины мира, например, национально-специфические концепты.

Антропоцентризм является самой характерной чертой современного этапа развития мирового языкознания. Человек становится «центром координат, определяющих предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики» [Попова, Стернин 2002: 69]. Присутствие человека «дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе - семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [Арутюнова 1999: 3]. Указанное имеет непосредственное отношение и к поэзии К.Мечиева, представляющего собой языковую личность, благодаря которому и отражается балкарская языковая картина мира.

Важнейшими элементами языковой картины мира являются, наряду с функциональными, образными и дискурсивными, номинативные средства языка. Именно

поэтому нас привлекло исследование лексических единиц - лексико-семантического поля - как фрагмента языковой картины мира. Важно отметить при этом, что языковая картина мира, а соответственно и изучаемый ее фрагмент, обладает ярко выраженными национально-культурными характеристиками, так как отражают специфическое видение мира отдельной лингвокультурной общности. Именно в лексической системе языка мы можем наиболее четко проследить эти особенности мировидения. В этом плане особо следует выделить арабские и персидские заимствования, влияющие на балкарскую национальную культурную информацию.

Следует отметить, что Кязим не только владел арабским языком, но и был хорошо знаком с законами метрики, всеми арабскими традиционными приемами арабской классической поэзии, легко используя ее формы в своей литературной практике. На Востоке были популярны рубаи, но кязимовские четверостишия отличаются от них не только формой рифмовки, но и своим национальным ходом мысли, конкретной балкарской тематикой и содержанием. Отлично зная мастеров Востока, Кязим глубоко постигал психологию своего народа, оставался оригинальным художником. Обращение автора к арабским и персидским заимствованиям объясняется проблематикой произведений, в которых нужно обозначить национально-специфические реалии, не имеющие наименований в русском языке.

Распределение заимствованных из арабского языка слов в карачаево-балкарском языке по тематическим группам является одной из наиболее важных форм систематизации лексики, позволяющей охарактеризовать сферу воздействия арабского языка на карачаево-балкарский язык в целом и на творчество Кязима Мечиева в частности. Ниже нами представлены тематические группы слов, используемые К. Мечиевым, которые в какой-то мере пересекаются, что обуславливает в ряде случаев неоднозначность классификационных критериев.

1. Религиозные понятия:

араб. *allah* – кар.-балк. Аллах - Единый Бог; араб. *malā'ika*[t] – кар.-балк. малик - ангел; араб. *imān* – кар.-балк. иман - вера; благопристойность, покорность, преданность вере: Хар бир жанны жаратхан – Ол, сёзюмю ал, Бир Аллахха сен бу кюйде ийман сал! перс. *abdez* - кар.-балк. абидез – омовение: Абидез алмай, намазгъа Сюелген кибикди ол.

2. Абстрактные понятия:

араб. *hāl* – кар.-балк. хал - состояние, положение: Халларынгы шариатха ушатхан, Ийнаньрса китаплада бу затха! перс. *duṛs* – кар.-балк. дурус – правильно, точно: Аны дурус кёрмедиле, Суйгениме бермедиле.

3. Морально-этические понятия:

араб. *ṣabr* – кар.-балк. сабыр - сдержанность, терпение, выдержка: Сабыр этген кери болур хатадан, Кёп сёлешмез, керексизге төкмез къан. Сабыр адам сыйлылыкгъа жетишир, Анга хурмет, ырысхы да терк келир; перс. *batır* – кар.-балк. батыр – храбрый смелый: Батырлыкъ жютю къамача, Къоркъакълыкъ – гумух салтача; перс. *dushman* – кар.-балк. душман – враг, противник – Манга кёп душман чыкъды, Сынадым айырылыкъны.

4. Лексика, выражающая общественно-политические понятия: *waṣūʿa*[t] – кар.-балк. осуят- завещание, завет, наказ; *hakim* – кар.-балк. хаким - начальник, руководитель; высокопоставленное лицо: Осуятым хар къардашха, Заманны жиберме бошха! Хакимлени усталарын изледи, Себеplik жокъ, - не этерге билмеди.

5. Обозначения продуктов питания:

араб. *halwa* – кар.-балк. халыуа - халва; перс. *seker* – кар.-балк. шекер – Къара къашынг, къара кёзюнг, Бал шекерден татлы – сёзюнг!

6. Лексика искусства, науки и образования:

ilm – кар.-балк. илму - наука; *alaf* – кар.-балк. элиф - буква: Иймандан сора илму - Хар ахшылыкъны башы. Элифледен жангылама, «Мим» жазсам да, «лам» сунама.

7. Слова, выражающие качественные характеристики:

gād'iy – кар.-балк. ыразы - согласный, довольный; şal' – кар.-балк. асыл - смиренный, покорный; безобидный: Азат этип жашны, Аллах Къочхар ийди орнуна. Сёзюн тутханы ючюн, Ыразы болду къулуна. Я илляхий, асыл къушну Къанатларына къарыу бер!

8. Названия строений и их частей:

masjid – кар.-балк. межгит - мечеть; minara[t] – кар.-балк. минарет – минарет: Жашым, жашым, жашасын, Жашла ичинде сайлансын, Межгитдеги узуннга Тюз сыртындан байлансын; перс. sehr – кар.-балк. сахар – Шахарны усталары, Кёргенле, билгенле да, Къаланы ёсгенине, Къараргъа келгенле да.

9. Названия частей тела:

sifa[t] – кар.-балк. сыфат - облик; лицо: Зулеханы кюлгени, Къууанч, мудахлыгъы - Бары да, таурух болуп, Сейирлик сыфат алды.

10. Антропонимика:

перс. hisri – кар.балк. Хизир – живой; amīn верный; честный – кар.-балк. - Амин; ahmad и.с. восхваляемый – кар.-балк. - Ахмат; mahmūd и.с. похвальный - кар.-балк.- Махмут; перс.daulet – кар. -балк. Даулет – счастье, богатство; перс.halk – кар.-балк. халкъ – народ, насаление, публика: Даулет, ийман тиледим, халкъгъа себеплик дедим; перс.gauhar – кар.-балк. гяухар, жаухар – бриллиант, драгоценный камень, жемчуг – Ажабийке, нюрлю Гяухар – Адамла ичинде жаухар.

11. Топонимы и этнонимы:

misru – кар.-балк. Мисир - Египет; medinat – кар.-балк. Мадина - Медина;
mekka – кар.-балк. Мекка – Мекка; arab – кар.-балк. араблы-араб;
jahud – кар.-балк. чюйот - еврей: Тюзлюк излей кёп жолланы къыдырдым, Эски Шамда, Мисирде намаз къылдым, Тау бийлени игиликге чакъырдым, Хар ахлугъа тюзлей турду акъылым. Аллахны жолу бла Барыр кюннге жетгенбиз, Меккадан, Мадинадан Нюрле алып келгенбиз. Араблыны кёзлери да, таулуну Кёзлерича, бушуудан топ-толуду. Хар

жерде бушу кёплюгон кёреме, Хар факъыргъа саламымы береме.

Поэт мастерски применяет нетрадиционные образы для раскрытия содержания собственных поэтических образов и тех явлений прошлой и современной ему действительности, которые он описывает. Казалось бы, в творчестве советского поэта, создавшего свои произведения в обществе, в котором доминировала идеология атеизма, не должно было бы быть места отражению религиозных явлений. Однако в произведениях К. Мечиева примеров конфессиональной тематики немало, причем конфессиональная лексика относится не к актуализированной, она была введена в произведения, созданные в советское время, сразу при их написании – тогда, когда к такой лексике авторы не обращались.

Своеобразие творчества поэта Кязима Мечиева проявляется в создании им национальной (карачаево-балкарской) картины мира.

Художественный текст выступает специфической формой воплощения картины мира.

Арабские и персидские заимствования выполняют в тексте функцию номинации, стилистическую – создают определенную культурную маркированность и особые коннотации, актуализируемые контекстом. Литературное наследие Кязима Мечиева предстает как один из источников постижения сущности этноса. Его произведения служат ознакомлению многих народов с балкарской культурой и языком.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2002.
3. Русско-арабский, арабо-русский словарь. – М., 2005.
4. Мечиев К. Избранное. – Нальчик: Эльбрус, 2009.

ПОСЛЕЛОГИ - ОМОНИМЫ К ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМ
СЛОВАМ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)

Послелогии – служебные слова, выражающие различные синтаксические отношения (пространственные, временные, причинные, целевые, инструментальные и др.) между разными именами или именами и глагольными формами.

Если служебные имена не самостоятельная новая часть речи, а особая форма имен существительных, то послелогии – самостоятельная служебная часть речи. В отличие от служебных имен послелогии лишены реальной семантики, поэтому выполняют только вспомогательную функцию; их содержание определяется предшествующим им словом; они, как правило, морфологически неизменяемы. Однако в некоторых тюркских языках ряд послелогов, выражающих сравнительные и пространственные отношения, может принимать аффиксы принадлежности, числа, падежа и сравнения, например: кар.-балк. юй кибигимде «в моем так называемом доме», аны кибиклени «таких, как он», тау табаракъгъа «в сторону горы», шахар табадан «со стороны города», башкир. һиненг кеюегерэк «с тебя», беззенг кеюектэргэ «таким, как мы», һезгэ табангъа «по направлению к вам», миненг шикеллене «такого (такую), как я».

Невозможно употребление служебных слов после послелогов, а послелогии после служебных имен могут употребляться, например: кар.-балк. дорбунну ичи табадан «с внутренней стороны пещеры»; туркмен. дерянын ортасы билен «по середине реки»; казах. таудынг юстіне дейін «до вершины горы» и др.

Между служебным именем и предшествующим ему словом могут быть поясняющие слова (например: кар.-балк. юйню тюз къатында «как раз возле дома»; азерб. кѐлюн сойуг

дибинде «на холодном дне озера» и др.), а между именем и послелогом обычно не может быть употреблено какое-нибудь слово. Без четкого представления всех этих особенностей послелогов порой трудно бывает лексикографу отграничить их не только от служебных имен, но и от наречий.

По своей структуре послелогов бывают двух видов: 1) собственно послелогов: кар.-балк. бла «с, вместе с, по, на, посредством, через», дери «до, вплоть до», кибик «подобно, вроде, как, словно»; башкир. менэн «с, совместно с», ёсён «для, ради, за», һымакъ «как, подобно»; казах. сайын «еще..., каждая, каждый», дейін «до», сиякты «как, подобно» и др. и 2) послелогов, образованные от различных частей речи (обычно имен, наречий и глаголов), которые подразделяются на отыменные, наречные и отглагольные.

Многие из послелогов, входящих во вторую группу, особенно отыменные и наречные, образованы от названных частей речи без каких-либо изменений в их внешней форме. Ср., например: кар.-балк. андан башха «кроме него» (послелог) и башха адам «другой человек» (прилагательное), жюзге жууукъ «около ста» (послелог) и жууукъ кел «подойти близко» (наречие), жууукъ жол «близкий путь» (прилагательное), жууукъ, тенг да жыйылдыла «собрались родственники и друзья» (существительное); кумык. бир-бирине кьаршы «друг против друга» (послелог) и кьаршы якъ «противоположная сторона; противная сторона» (прилагательное). В этих примерах послелогов башха, жууукъ, кьаршы являются омонимами соответствующих знаменательных слов.

В подавляющем большинстве грамматик и даже в специальных исследованиях нет почти никаких сведений о смысловом соотношении подобных производных послелогов со знаменательными словами, от которых они образованы, о том, являются ли эти послелогов самостоятельными словарными единицами, как и собственно послелогов, или же они представляют одно из значений своих производящих основ.

В лучшем случае исследователи отмечают лишь то, к какому знаменательному слову восходит тот или иной послелог.

Так, Х.-М.И. Хаджилаев о таких послелогох, как башха «кроме», жууукъ «около, приблизительно, примерно», пишет следующее: «Послелог башха восходит к прилагательному башха «другой». «Послелог жууукъ ...восходит к наречию жууукъ «близко» (Хаджилаев 1976: 287, 288). То же самое читаем о послелогох сай «еже-, каждо-, каждый», чоґъар «вверх», тӱӱй «словно» у Г.И. Донидзе: «Сай восходит к глаголу сай- «считать», «Чоґъар восходит к наречию чоґъар «вверх, вверху», «Тӱӱй восходит к имени прилагательному тӱӱй «похожий» (Донидзе 1975: 256, 258, 259). Таким образом, насущный вопрос о том, что происходит в подобных случаях со знаменательными словами, одновременно выступающими в собственном значении и в значении послелога, эти ученые обошли молчанием.

В этом отношении новые академические грамматики башкирского (1981) и якутского (1982) языков выгодно отличаются от грамматик других тюркских языков. Так, в грамматике башкирского языка некоторые послелогии, образованные путем конверсии, считаются омонимами по отношению к формам их исходных слов, употребляющихся в самостоятельном значении. К ним относятся послелогии һунг «после», аша «через», борон «прежде чем, до», являющиеся омонимами знаменательных слов һунг «поздно», аша «через», борон «раньше, прежде», от которых они образованы (Максютова 1981: 324). Однако не понятно, почему послелогии башкъа «кроме», къаршы «против», аркъыры «через», сэбэпле «ввиду» и др., по своему образованию и употреблению ничем не отличающиеся от һунг, аша, борон, не квалифицируются как омонимы своих производящих основ башкъа «другой, иной», къаршы «против, встречный, напротив», аркъыры «поперечный», сэбэпле «причинный». В грамматике якутского языка отглагольные послелогии типа ыла «от, с, начиная с, с тех пор, начиная и с», быһа «в течение» и др. расцениваются омонимами тех слов, от которых они произошли, а именно деепричастий ыла (>ыл- «брать»), быһа (>быс- «резать, проводить») (Петров 1982: 422-423). Однако трудно согласиться с утверждением, что «основная часть отыменных послелогов

восходит к служебным именам и с ними совпадает по звучанию, являясь их омонимами» (Там же: 424).

Следовательно, несмотря на то, что по тюркским послелогам имеется большое количество исследований, семантика их остается еще не до конца выясненной.

Литература

2. Донидзе Г.И. Послелогии // Грамматика хакасского языка. Абакан, 1975 (ГХЯ).
3. Максютова Н.Х. Послелогии // ГСБЛЯ. М., 1981.
4. Петров Н.Е. Служебные слова // Грамматика современного якутского литературного языка: фонетика и морфология. М., 1982.
Хаджилаев Х.И. Служебные части речи // ГКБЯ. Нальчик, 1976.

Шаваева Ф.Х.

ОБРАЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ ЛИНГВИСТИКИ

В традиционной лингвистике обращение дефинируется как «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» (Кручинина 1998: 340). В силу этого рассматриваемое понятие представлено в грамматиках в разделах, посвященных синтаксису предложения. В «Грамматике карачаево-балкарского языка» (1976: 507) обращение интерпретируется следующим образом: «Слово или сочетание слов, обозначающее в предложении лицо или предмет, к которому обращена речь, называется предложением». В «Грамматике современного якутского литературного языка» (1995: 184) также признается тот факт,

что обращение является членом предложения. Однако при этом считается, что оно есть древнее модально-синтаксическое явление, появившееся в ответ на потребность членов социума привлекать то или иное лицо к участию в коммуникации или действию. Как модальный конститuent высказывания обращение признается и в «Татарской грамматике» (1995: 219).

Если суммировать данные, имеющиеся в специальных грамматических исследованиях, то можно прийти к следующим выводам. Во-первых, обращение является модальным или иным компонентом предложения, который репрезентирует лицо или предмет, к которому обращена речь. Во-вторых, актуализируются средства выражения обращений. В-третьих, выделяются их структурные типы. В-четвертых, обращается внимание на их пунктуационное оформление. Правда, в ряде работ имеются попытки разграничения обращений и так называемых вокативных предложений (Кетенчиев 2001: 269-272).

По мере развития лингвистики отношение языковедов к обращению несколько трансформируется. Так, уже в некоторых лексикографических изданиях пишется, что «обращение находится вне системы синтаксических связей, существующих в предложении, и в силу этого принадлежит к числу особых явлений синтаксиса» (Энциклопедический словарь-справочник... 2008: 207). Обращения начали изучаться и с точки зрения лингвокультурологии (см., например: Кронгауз 1999).

В последние годы в научных исследованиях по тюркским языкам существенно расширяются границы рассматриваемого феномена. Так, например, Б.И. Ихлясова посвятила свою кандидатскую диссертацию структурно-семантической и функциональной характеристике обращений в кумыкском языке (2008). В ней она скрупулезно рассмотрела формулы обращений и титулований в современном кумыкском языке. В ее работе выявлены и описаны структурно-семантические, функционально-семантические, прагматические и этнокультурные особенности обращений.

В данной статье попробуем представить различные аспекты обращений, опираясь на фактологический материал карачаево-балкарского языка. Как было отмечено выше, обращение традиционно признается элементом предложения, в частности осложненного. Исходя из этого, выделяются его структурные типы, которые в карачаево-балкарском языке имеют три разновидности: простые (однословные), сложные (дескриптивные) и развернутые, представляющие собой различные причастные обороты. Примеры: Кир юйге, анам, кеч болгъанды, кёресе (фольк.) «Заходи в дом, мама, видишь уже поздно»; Кашто кызы, анда кёп мычыма (Б.Гуртуев) «Дочь Кашто, там долго не задерживайся»; Къарачайгъа барлыкъла, сагъат сегизге майданнга жыйылырсыз («Минги Тау») «Те, которые поедут в Карачай, к восьми часам соберетесь на площади» и т.п.

Лексико-семантические группы обращений также бывают трех типов: а) обращения, обозначающие лицо (обращения к одному лицу или группе лиц); б) обращения, обозначающие одушевленные предметы (не лица); в) обращения, обозначающие неодушевленные предметы. Приведем иллюстративный материал: Хожа, кесинг да кёре болурса, эрттенликде орамгъа чыкъсанг, адам кёп болады (фольк.) «Ходжа, сам тоже видишь, утром на улице бывает много людей»; Жарлы чыпчыкъ, бу къар кюн къабышырса арбазда (К. Мечиев) «Бедная пташка, в этот снежный день замерзнешь во дворе»; Эльбрус эли, жилий къалдыла субай кызыларынг - наратла (фольк.) «Село Эльбрус, остались плакать твои стройные девушки – сосны».

Релевантным для данной работы следует признать и то, какие семантические типы номинаций характерны для позиции обращения. По мнению Б.И. Ихлясовой, для кумыкского языка присущи следующие типы номинаций: релятивная, функциональная, оценочная, метонимическая, метафорическая, дескриптивная и т.д. (Ихлясова 2008: 8-9). Они, на наш взгляд, являются универсальными и существенны также для карачаево-балкарского языка. Примеры: Бийим, сен айтхандан мен

чыкъмам (фольк.) «Мой господин, я тебе покорен»; Жолдаш директор, сизге къонакъла келгендиле («Минги Тау») «Товарищ директор, к вам пришли гости»; Эй, мискин халкъ, жангылма! (Б. Гуртуев) «Эй, несчастный народ, не ошибайся!»; Къынасакъал, кѣпмю инжилтириксе жарлы халкъны? (фольк.) «Хна-борода, долго еще будешь мучить бедный народ?»; Кѣп къызлагъа юлгюсе, чолпаным мени (фольк.) «Для многих девушек ты пример, моя Венера (звезда)»; Э къыз, жанымы ала эдинг да («Минги Тау») «Э девушка, ты меня сильно напугала» и др.

Говоря об обращениях нельзя упускать из вида этикет, который учитывает экстралингвистические параметры выбора обращения. К ним относятся такие критерии, как пол и возраст адресата, степень знакомства, положение в социуме, родственные и иные межличностные отношения и т.д. Важно и то, что рассматриваемый феномен является социально и культурно обусловленным, т.е. выступает как маркер культуры того или этноса.

В карачаево-балкарской речевой практике употребительны различного типа нейтральные обращения, представленные терминами родства, чаще с аффиксами принадлежности: Ай, къарындашым, кесингден къалгъанланы жукъгъа жарамагъан бош сунаса («Шуѣхлукъ») «Ай, брат мой, ты зря остальных считаешь негодными»; Эгечим, къартла юдемидиле? («Минги Тау») «Сестра моя, старики дома?». Данные обращения используются по отношению к незнакомым лицам в форме номинации по полу, типа мужчина, женщина.

Под влиянием русской культуры в карачаево-балкарском языке начали трансформироваться так называемые стандартные (официальные) обращения. Если для традиционной балкарской культуры были характерны обращения типа бийим «князь мой», жюйюсхан «господин», бийчем «госпожа моя», то после Октябрьской революции появились такие обращения, как товарищ, а также номинации по имени отчеству, ср. примеры: Кечгинлик беригиз, жолдаш комиссар, ангыладым («Минги Тау») «Извините, товарищ комиссар, я понял»; Азрет Алиевич,

мен айтханны унутмай турамысыз? («Заман») «Азрет Алиевич, вы не забыли то, что я сказал?». В официальной обстановке обращения распространяются такими элементами, как багъалы «дорогой», сыйлы «уважаемый», хурметли «уважаемый» и т.д.: багъалы Зейтун Хамидович, сыйлы къонакъла, хурметли жолдашла и др.

Специфику имеют и обращения к знакомым. Наиболее типичной формой обращения к знакомым следует признать аппелятив-личное имя, использующийся в различных прагматических ситуациях. В карачаево-балкарской речевой культуре актуализация отчества лица не является облигаторным. Архетипичными следует считать формулы, образованные по типу изафета: Ахмат къызы «дочь Ахматовых», Шауа улу «сын Шаваевых». Эти обращения производны от фамилий и гендерно маркированы.

В кругу родственников употребительны в основном эвфемистические обращения типа кемпир «старуха» (обращение к жене), сабийлени анасы «мать детей», къатын «женщина» (грубое); сабийлени атасы «отец детей», э киши «э мужчина»; жашыбыз «сын наш» и къызыбыз «дочь наша» (обращения невесты); атака, анака, папа, мама (обращения детей) и др.

Таким образом, сфера обращения в карачаево-балкарском языке характеризуется значительным функционально-семантическим потенциалом и маркируется в социально-культурном отношении.

Литература

1. Грамматика карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 571 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. – Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 336 с.
3. Ихлясова Б.И. Структурно-семантическая и функциональная характеристика обращений в кумыкском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2008. – 23 с.

4. Кетенчиев М.Б. Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2001. – 361 с.

5. Кронгауз М.А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 124-134.

6. Кручина И.Н. Обращение // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 340-341.

7. Татарская грамматика. Т. III. Синтаксис. – Казань, 1995. – 576 с.

8. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 816 с.

Шаваева Ш.А.

РОЛЬ ЗООНИМОВ В СОЗДАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В XIX в. В.фон Гумбольдтом был выдвинут антропологический принцип в языке. Согласно его мнению, язык представляет собой орган, образующий мысль. Мышление в определенной степени зависит от языка вообще, оно в определенной степени обуславливается каждым отдельно взятым языком. Обращаясь к материалу различных языков, Гумбольдт пришел к выводу, что они являются не столько результатом прямого отражения мира, сколько интерпретацией лицом окружающего мира. Каждый язык, по его мнению, представляет собой отдельное мировидение, образующее вокруг социума, к которому оно относится, круг, выйти за пределы

которого представляется возможным только вступив в другой круг. Таким образом, язык формирует для своих носителей определенную картину мира (Гумбольдт 1985).

Картина мира представляет собой особый компонент научного знания. Она, как и любой познавательный образ, имеет тенденцию к некоторому упрощению и схематизации окружающей действительности и рассматривается применительно к каждому направлению науки. Ядро каждой картины мира образует ее важнейшую в гносеологическом смысле когнитивную структуру и составляет определенную «совокупность тематических категорий и допущений, которые носят характер бессознательно принятых, непроверяемых, квазиаксиоматических положений, утвердившихся в практике мышления в качестве руководящих и опорных средств» (Степин 2000: 192).

Г.В. Колшанский отмечает, что картина мира отображается в сознании человека и есть вторичное существование объективного мира, реализующегося и закрепляющегося в своеобразной материальной форме. «Этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания лишь как отдельной монады мира» (Колшанский 1990: 15).

Лингвисты считают, что языковая картина отражает опыт социума выработанный на протяжении его жизнедеятельности. Так, Е.С. Кубрякова пишет, что «языковая картина мира – это особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. Это – своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, влияющая на членение опыта и видение ситуаций и событий и т.п. через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка и включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но и в известной мере и правила их образования и функционирования» (Кубрякова 1997: 4).

По Г.В. Колшанскому, наиболее релевантным является конденсированное понимание выражения «картина мира», такое понимание, которое соотносилось бы с обобщенным (научным) представлением человечества о природе окружающего его мира на определенном этапе его развития (Колшанский 1990:21).

По справедливому замечанию Ю.Н. Караулова, концепт «картина мира» продолжает дефинироваться на уровне метафоры. Вместе с тем «в принципах классификации и группировки понятий, в способах установления зависимости между ними, безусловно, отражается известное представление о внешнем мире, некоторая «картина мира» (Караулов 1976: 267).

В целом языковеды единодушны в том, что знания человека о различных процессах материального мира – физических, химических, биологических и других, духовной жизни самого человека – этика, эстетика, искусство и др. находят свою репрезентацию в так называемой «физической картине мира», «химической картине мира», «картине мира биологической природы», «картине животного мира», «картинах психической жизни человека» (Колшанский 1990: 12).

Исследование наивной картины мира проводится по разным направлениям. Так, например, исследуются отдельные, существенные для отдельно взятого языка, концепты, к которым можно отнести «стереотипы» языкового и культурного сознания. Можно отметить и изучение специфической коннотации неспецифических концептов. Наряду с этим проводится также поиск и реконструирование присущего языку цельного, хотя и «наивного», донаучного взгляда на окружающий мир (см. Апресян 1995: 37-67).

Языковая картина мира имеет определенный опыт разработки в рамках тезаурусного изучения лексики, в результате чего появились функционально-когнитивные словари.

Р.Х. Хайруллина отмечает, что, несмотря на единство мира как объекта познания и отображения в языке, разные народы по-своему осмысливают внеязыковую

действительность, на что оказывают влияние многие факторы. По ее мнению, национальные особенности языковой картины мира проявляются на поверхностном и глубинном уровнях, связанных между собой. С одной стороны, имеет место наличие определенных сигналов национальной принадлежности лексики, с другой – специфика языковой картины мира проявляется в способе отображения мира, который выявляется при учете «образа жизни народа, его характера, истории, особенностей духовной жизни, национальной психологии, этнического быта, традиций и обычаев» (Хайруллина 1996: 39).

В контексте рассматриваемой проблемы целесообразно обратиться к картине мира как к базовому понятию концепции человека, т.е. необходим учет того, что к ключевым концептам любой человеческой культуры относится концепт «человек». В культурно обусловленных номинациях человека активно используются и зоонимы. В фамилиях карачаевцев и балкарцев, встречаются производные от антропонимов, обозначающие домашних и диких животных: Айбулары от айбу «медведь», Арсланлары от арслан «лев», Бёрюкалары от бёрю «волк», Биттирлары от биттир «летучая мышь», Домбайбутлары от домбайбут букв. «зуброногий», Джылкылары от джылкы «табун, лошадь», Киштиклары от киштик «кот», Къадырлары от къадыр «мул», Кючюклары от кючюк «щенок», Къочхарлары от къочхар «баран-производитель», Парийлары от парий «собака-волкодав», Текелары от теке «козел-производитель», Токъулары от токъу «ягненок (возрастом от шести месяцев до года)», Улаклары от улак «козленок», Хуболлары от хубол «медвежонок», Чыпчыклары от чыпчык «воробей», Шунгарлары от шунгар «сокол», Эчкилары от эчки «коза». Подобные примеры наличествуют и среди имен людей, в том числе и прозвищных. Подобного рода имена Х.Ч.Джуртубаев относит к так называемым «обманным» («охранным») именам. Их появление сопряжено с «желанием родителей оградить ребенка от влияния злых сил, обмануть их или напугать» (Джуртубаев 2004: 12).

Названия животных легли в основу и ряда топонимов: Айбулу кьол «медвежья балка», Жыланлы «змеяная», Тауукьлу дуппур «холм, изобилующий, богатый куропатками», Жугьутурлу тебе «возвышенность, где водятся туры», Жыланлы дорбун «змеяная пещера», Тюеле «верблюды», Борсукьла кьяя «барсучья скала», Бёрюле хуусу «волков (каменистое) место». По Б.Х.Мусукаеву, такого рода топонимы могут иметь место в употреблении постольку, поскольку сами животные имеют определенное значение в жизни социума. Их появление относится к древним периодам, поскольку чем дальше к заре человеческого общества, тем теснее его связь с дикими животными (Мусукаев 2007: 70). Все это имеет непосредственное отношение к языковой картине мира, поскольку благодаря зоонимам репрезентируются те или иные его элементы.

Таким образом, обращение к специальной научно-теоретической литературе показывает, что рассмотрение проблем языковой картины мира началось уже давно и к сегодняшнему дню появилось значительное количество работ, посвященных указанной проблеме. Она сопряжена практически со всеми уровнями языка и небезынтересна к тому же в связи с полиаспектным исследованием зоонимической лексики, которую невозможно адекватно интерпретировать и проанализировать без обращения к проблемам взаимосвязи языка, мышления и окружающей действительности. Уже налицо тот факт, что сложилась лингвистическая теория картины мира, в определенной степени разработана и ее терминология. В тюркологии этой проблеме также оказывают значительное внимание. Некоторые шаги сделаны и в рассмотрении карачаево-балкарской языковой картины мира.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. - № 1.

2. Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.
3. Джуртубаев Х.Ч. Лексический состав и структурно-грамматические типы карачаево-балкарских антропонимов. – Нальчик: Изд-во КБГУ, 2004.
4. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976.
5. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990.
6. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.
7. Мусукаев Б.Х. Очерки балкарской ономастики. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2007.
8. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: «Прогресс-Традиция», 2000.
9. Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями) – М.: Прометей, 1996.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АППОЕВ Алим Каншауович – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

АППОЕВ Асхат Каншауович – аспирант Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

АТАБИЕВА Любовь Хызыровна - кандидат филологических наук, ассистент кафедры балкарского языка Кабардино-Балкарского государственного университета

АТТЮЕВА Лейла Зейтуновна – аспирант ИФ Кабардино-Балкарского государственного университета

АХМАТОВА Мариям Ахматовна – кандидат филологических наук, докторант Кабардино-Балкарского государственного университета

АЙДАРОВА Марианна Таризловна – магистрант ИФ Кабардино-Балкарского государственного университета

БАЙЗУЛЛАЕВА Лариса Хаджи-Османовна – методист ИФ Кабардино-Балкарского государственного университета

БЕРБЕРОВ Бурхан Абуюсуфович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

ГАЗАЕВА Фатимат Валериевна – стажер-исследователь Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

ГЕЛЯСТАНОВА Танзиля Салиховна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры

балкарского языка Кабардино-Балкарского государственного университета

ДОДУЕВА Аминат Таубиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры балкарского языка Кабардино-Балкарского государственного университета

ЖАБОЕВ Назир Магомедович – аспирант Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

ЗАНУКОЕВА Фаризат Хасановна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

КАЛАБЕКОВА Мариям Мусаевна – магистрант ИФ Кабардино-Балкарского государственного университета

КЕТЕНЧИЕВ Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой балкарского языка Кабардино-Балкарского государственного университета

КУЧМЕЗОВА Индира Хасановна – магистрант ИФ Кабардино-Балкарского государственного университета

МАЛКОНДУЕВ Хамит Хашимович – доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

МАХИЕВА Людмила Хамангериевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

МИЗИЕВ Ахмат Магомедович – кандидат филологических наук, докторант Кабардино-Балкарского государственного университета

МИСИРОВА Аминат Борисовна - соискатель Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

МУСУКОВ Борис Абдулкеримович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

ОСМАНОВА Аскерхан Исмаиловна – стажер-исследователь Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

СОЕГОВ Мурадгелди – профессор, академик
Международного туркменско-турецкого университета

ТАУКЕНОВА Жаннета Мухтаровна – аспирант ИФ Кабардино-
Балкарского государственного университета

ТЕКУЕВ Мусса Масхутович – доктор филологических наук,
профессор кафедры истории языка и сравнительного
славянского языкознания Кабардино-Балкарского
государственного университета

ТОЛГУРОВ Зейтун Хамидович – доктор филологических наук,
профессор, заведующий сектором балкарской литературы
Института гуманитарных исследований Правительства КБР и
КБНЦ РАН

УРТЕНОВА Лейля Сеитбиевна – аспирант Института
гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

ХАДЖИЕВ Расул Ануарович – соискатель Карачаево-
Черкесского государственного университета

ХУБОЛОВ Сахадин Магомедович – кандидат филологических
наук, доцент кафедры балкарского языка Кабардино-
Балкарского государственного университета

ЦАКОЕВА Зухура Тахировна – методист ИПК и ПРО
Кабардино-Балкарского государственного университета

ЧЕРКЕСОВА Зухура Барасбиевна – соискатель Института
гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

ШАВАЕВА Фатима Ханафиевна – соискатель Дагестанского
государственного университета

ШАВАЕВА Шура Алиевна – кандидат филологических наук,
ассистент кафедры балкарского языка Кабардино-Балкарского
государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

.....
Толгуров З.Т. Путь в большую
науку.....

Аппоев Асхат К. Карачаево-балкарские паремические высказывания усложненной структуры

Атабиева Л.Х. К проблеме определения исходного и производного в омонимах имя – наречие (на материале тюркских языков)

Аттоева Л.З. Лингвокультурологические особенности проклятий в карачаево-балкарском языке

Ахматова М.А. Интертекстуальные связи в карачаево-балкарском нартовском эпосе

Берберов Б.А. Лирика Керима Отарова: концепция нравственной стойкости

Газаева Ф.В. К вопросу о сопоставительном анализе фразеологии неродственных языков (на примерах символических прочтений фразеологизмов русского и карачаево-балкарского языков, имеющих в своем составе компонент от «огонь»)

Гелястанов Т.С. Прагматика карачаево-балкарских паремий

Додуева А.Т. Репрезентация локативности в глаголах карачаево-балкарского языка

Додуева А.Т., Калабекова М.М. Концепт «радость в карачаево-балкарском языке»

Жабоев Н.М. Национальная специфика образа Сосурука в эпосе карачаевцев и балкарцев

Занукова Ф.Х. К вопросу определения терминов «фольклоризм» и «мифологизм»

Кетенчиев М.Б. Проблемы вокативных конструкций в карачаево-балкарском языке.....

Кучмезова И.Х., Хуболов С.М. Соматические фразеологизмы со значением отношения в карачаево-балкарском языке.....

Малкондуев Х.Х. Спорт как физическая культура карачаевцев и балкарцев с древнейших времен

Махиева Л.Х. Об эмоционально-окрашенных синонимах в карачаево-балкарском языке.....

Мизиев А.М., Айдарова М.Т. Семантическая характеристика междометий в карачаево-балкарском языке.....

Мизиев А.М., Айдарова М.Т. Когнитивные междометия в карачаево-балкарском языке.....

Мисирова А.Б. Фольклор балкарцев и карачаевцев в записях и публикациях конца XIX – начала XX века

Мусуков Б.А. Аффикс -на- // -не- в карачаево-балкарском языке.....

Османова А.И. Семантические группы диалектных существительных малкарского говора карачаево-балкарского языка.....

Соегов М. Из опыта реконструкции некоторых пластов лексики языка древних аланов.....

Таукенова Ж.М. Проблема образования глаголов путем лексикализации залоговых форм.....

Текуев М.М., Байзуллаева Л.Х.-О. Ирреалис и средства его выражения в карачаево-балкарском языке.....

Уртенова Л.С. Общественно-политическая лексика газеты «Заман»...

Хаджиев Р.А. Функционирование арабских и персидских заимствований в составе карачаево-балкарских паремий.....

Хаджиев Р.А. Функционирование арабских и персидских заимствований в составе фразеологизмов карачаево-балкарского языка.....

Хуболов С.М., Гелястанов Т.С., Кучмезова И.Х. Инфинитивный оборот как средство выражения обязательных семантических компонентов фразеологизированных предложений карачаево-балкарского языка.....

Цакоева З.Т. Арабские и персидские заимствования в поэзии К. Мечиева.....

Черкесова З.Б. Послелогои - омонимы к знаменательным словам (на материале тюркских языков).....

Шаваева Ф.Х. Обращения в современной парадигме лингвистики.....

Шаваева Ш.А. Роль зоонимов в создании языковой картины мира.....